

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

С.В. Цыб, А.В. Гартман, В.А. Чичинов

**ОЧЕРКИ ХРОНОЛОГИИ
ПЕРВЫХ РУССКО-МОНГОЛЬСКИХ
СРАЖЕНИЙ**

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

УДК 930.21
ББК 63.3(2) 42-681
Ц 93

Рецензенты:

Кандидат исторических наук, доцент *Т.В. Кайгородова*;

кандидат философских наук, доцент *С.В. Шлегель*

Цыб, Сергей Васильевич

Ц 93 Очерки хронологии первых русско-монгольских сражений / С.В. Цыб, А.В. Гартман, В.А. Чичинов ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – 243 с.

ISBN 978-5-7904-2535-6

В книге излагаются результаты многолетних исследований группы ученых Алтайского университета по реконструкции хронологии первых русско-монгольских сражений в 20–30-е гг. XIII в. Используя современные и разнообразные методы историко-хронологического исследования датирующих показаний древнерусских источников, авторы предпринимают первую в отечественной науке попытку воссоздания достоверной хронологии начала монгольского вторжения на русские земли, принципиально изменившего весь ход нашей истории.

Издание предназначено для специалистов и любителей российской истории, изложенные в нем результаты могут быть использованы как в научно-исторических исследованиях, так и в преподавании исторических знаний в высшей и средней школе.

УДК 930.21
ББК 63.3(2) 42-681

ISBN 978-5-7904-2535-6

© Цыб С.В., Гартман А.В., Чичинов В.А., 2021

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ХРОНОЛОГИЯ ПЕРВОГО СРАЖЕНИЯ	9
1.1. В лабиринтах летописных показаний	10
1.2. Появление хрестоматийной даты	19
1.3. «Однажды лебедь, рак и щука...»	31
1.4. В каком году была битва на Калке?	39
1.5. На какой же день пришлась «сия злоба»?	45
1.6. Окончательное решение проблемы	59
Глава 2. ХРОНОЛОГИЯ НАШЕСТВИЯ НА СЕВЕРНУЮ РУСЬ	75
2.1. Историография и источники	76
2.2. Датировка начала вторжения	102
2.3. Хронология разгрома Владимирской земли	123
2.4. Хронология Новгородского похода монголов	162
2.5. Относительные даты вторжения	177
Глава 3. ХРОНОЛОГИЯ ЮЖНОРУССКОГО ПОХОДА	196
3.1. Хронологические показания судакского Синаксария	197
3.2. Даты начального вторжения в Южную Русь	205
3.3. Когда же пала «мать городов русских»	213
3.4. Время окончания «побоища Батыева»	219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	225
Библиографический список	227
Список сокращений	241
Сведения об авторах	242

ВВЕДЕНИЕ

Поток развития исторических знаний неиссякаем. Каждый год приносит нам обилие новых научно-исторических построений, и большинство из них могут претендовать на статус открытий и обязывать к скорейшему их освоению. Фактор постоянства и непрерывности появления новой научно-исторической информации создает проблемы ее актуализации и своевременного и рационального ее усвоения широким кругом специалистов. Для любого ученого-историка главным критерием в оценке значимости его исследований становятся не ученые звания и награды, а благожелательное или критическое, но в любом случае квалифицированное их восприятие коллегами. Поэтому оперативное усвоение новых достижений – условие поступательного развития научного знания и гарантия избежать ошибок неведения.

Историки очень чутко воспринимают ошибки своих коллег, объяснимые опозданием в овладении результатами новых разработок. Критико-историографическим пассажам уделяется существенное место в изложении почти любого научно-исследовательского сюжета. Опишем лишь один подобный случай, однако не по причине его показательной значимости, а потому, что он приближает к выбранной для нашего исследования теме. Так, современный петербургский исследователь Р.Ю. Почекаев, излагая историю научного изучения ханских церковных ярлыков, пишет:

...Работа со столь специфическими историческими памятниками... время от времени создает проблемы. Причина их как раз и состоит в том, что представители отдельных наук и дисциплин, прекрасно ориентируясь в собственной тематике, нередко не обладают необходимыми знаниями в смежных областях.

И далее он описывает несколько «характерных», по его словам, ошибочных примеров:

Московский историк В.В. Еремян в своем обширном исследовании об «Ордынской Руси»... проводит «анализ ханских “ярлыков” и “тарханских грамот”»; отсутствие представлений о специфике этих документов не позволяет исследователю понять, что ярлыки Русской церкви и явля-

лись именно тарханскими грамотами! Положительно оценивая диссертацию С.А. Масловой в целом, все же нельзя не отметить, что она, прекрасно ориентируясь в древнерусских источниках, делает принципиальную, на наш взгляд, ошибку, считая даруг и баскаков разными чиновниками... Еще одной распространенной... ошибкой является то, что многие современные авторы... называют ярлыками документы, которые, строго говоря, таковыми не являются»¹.

Здесь, помимо интереса к восстановлению историко-терминологических истин, мы можем почувствовать и невольное проявление авторской досады на неточности коллег в трактовке основных понятий истории русско-монгольских отношений. Какого же уровня может достичь эта досада в тех случаях, когда исследователь сталкивается с повсеместным и массовым использованием в ученом кругу устаревших и ошибочных представлений?!

Речь идет о хронологии древнерусской истории. Выясняется, что путать даругов с баскаками, а ярлыки с тарханами непозволительно, но использовать в исследовании и в описании событий XIII в. приблизительные или даже совсем неточные даты – дело обычное для современного уровня развития исторической науки, хотя такое отношение к хронологии можно назвать грубейшей ошибкой или же ужасающей небрежностью. Та событийно-хронологическая шкала древнерусской эпохи, которая сегодня безоговорочно используется в изучении и преподавании исторических знаний, в общих своих чертах и в большинстве деталей сформировалась полтора-два столетия назад. Все ее вехи определялись только примерно и без глубокой предварительной реконструкции тех систем учета времени, что применялись жителями Древней Руси, и с помощью которых они датировали современные им события. Как-то даже удивительно напоминать всем представителям нашей науки о том, что построению глубокомысленных объяснений социально-экономических и политических процессов прошлого должно предшествовать максимально точное расположение в пространстве и во времени (!) всех звеньев этих процессов. Тем более это

---

¹ Почекаев Р.Ю. Изучение собрания ханских ярлыков Русской церкви: направления, проблемы, перспективы // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях: альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 104–105.

необходимо при изучении переломных моментов отечественной истории, к каковым и относится монгольское нашествие.

Современная научно-педагогическая периодизация истории России, оформившаяся в XX в., как бы сглаживает остроту характеристики этого события, представляя вторжение азиатских народов на Русские земли только одним из эпизодов периода раздробленности. Историки досоветской поры были более решительны в оценке его значимости. Подчеркивая этапность этого происшествия, как раз его описанием Н.М. Карамзин и завершал третий том «Истории государства Российского», а академики И.-Ф. Круг и М.П. Погодин в свое время писали о домонгольской русской истории, признавая наличие события-рубежа, отделявшего ее от последующего исторического развития.

Каким простым кажется всем историкам путь восстановления русско-монгольской хронологии первой половины XIII в.! Если в большинстве русских летописей дата битвы на Калке обозначена 6731-м годом от Сотворения Мира (далее С. М.), значит, надо вслед за М.М. Щербатовым и Н.М. Карамзиным вычесть из этого годового показания 5508 лет и получить 1223 г. от Рождества Христова (Р. Х.). Если летописи относят нападение Батыя на Русь к 6745 г., то, в соответствии с той же летосчислительной схемой, надо датировать это событие 1237 г. и никак иначе! Историки конца XVIII – начала XIX в. в этих случаях допускали ошибки, будучи «безошибочными», потому что именно таким, величиной в 5508 лет, в их время считался интервал времени между двумя важнейшими событиями Священной истории (Мироздание и приход на Землю Спасителя). И ныне православная церковь придерживается таких же хронологических представлений, но это совсем не означает, что они, и только они владели сознанием древнерусских писателей, сочинявших подробный рассказ о битве на Калке или «Повесть о разорении Рязани Батыем». Даже если это и было так, то вывод об этом должен быть научно обоснованным.

Несколько лет назад группа исследователей-историков из Алтайского государственного университета (г. Барнаул) поставила перед собой задачу реконструировать истинную хронологию первых русско-монгольских военных кон-

тактов в XIII в. По мере появления результатов этого исследования они предлагались к обсуждению ученой общественности в виде докладов на научных форумах², в виде публикаций в отечественной и зарубежной научной периодике³, а также в форме бакалаврских, магистерских и кандидатских диссертаций и одной научной монографии⁴. С помощью предварительных публикаций нам не удалось, однако, пробить стену молчаливого игнорирования достижений историко-хронологического знания и убедить своих коллег отказаться от устаревших и ошибочных положений, что наглядно проявилось в изданиях последних лет, и поэтому сейчас мы предпринимаем попытку обобщения всего написанного и изданного ранее. Хотим надеяться – нет, не на безоговорочное принятие своих выводов, но на появление научного интереса к проблемам изучения древнерусской хронологии.

Много лет мы пробовали актуализировать эти проблемы, но с сожалением признаем, что «глас вопиющих» так и остается безотзывным. Почему, например, уважаемый и авторитетный ученый В.А. Кучкин в только что появившейся публикации⁵ датой начала северо-восточного похода Батыя признает 1237 г.? Только потому, что так когда-то датировал это событие Н.М. Карамзин? Почему тот же исследователь определяет время взятия монголами Киева в

---

² Гартман А.В. О хронологии похода Батыя на Северо-Восточную Русь // Актуальные вопросы истории Сибири: 7-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 85–87; Цыб С.В., Чичинов В.А. Датирование начала монгольского нашествия в Венгерское королевство // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV научно-практ. конфер. к 420-летию дарования Витебску Магдебургского права. Витебск, 2017. С. 22–24, и др.

³ Некоторые из них: Цыб С.В. Когда была битва на Калке (историография вопроса) // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия «История». № 4/2. 2008. С. 217–222; он же. Когда была битва на Калке // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия «История». 2009. № 4/3. С. 240–244; Гартман А.В., Цыб С.В. Хронология первых русско-монгольских сражений // *Palaeoslavica*. Vol. 17, no. 1. Cambridge, Massachusetts, 2009. P. 1–27; Гартман А.В. Текстологический анализ рассказа Лаврентьевской летописи о нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь // Молодой ученый. № 3. Чита, 2009. С. 110–114; Цыб С.В., Чичинов В.А. Хронологические показания Судакского Синаксария и датирование монгольского похода в Крым и на Юго-Восточную Русь // *Palaeoslavica*. Vol. 23, no. 2. Cambridge, Massachusetts, 2015. P. 55–68.

⁴ Гартман А.В., Цыб С.В. Монгольское нашествие на Северную Русь: Хронология исторических событий. Барнаул, 2013.

⁵ Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4 (июль – август). С. 3–30.

соответствии с устаревшими представлениями о хронологии этого происшествия? Призываем всех читателей этой книги, как специалистов, так и любителей, вместе с нами окунуться в историко-хронологическую тематику и восстановить (или хотя бы предпринять попытку восстановить) реальную и достоверную временную последовательность событий 20–30-х гг. XIII в. Если не сделать этого сейчас, то наши дети и внуки и, наверное, многие последующие поколения россиян будут помнить искаженный вариант одного из важнейших эпизодов своей отечественной истории.

* * *

Глава 1 написана С.В. Цыбом, глава 2 – А.В. Гартман и С.В. Цыбом, глава 3 – С.В. Цыбом и В.А. Чичиновым. Коллектив авторов выражает благодарность кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета за содействие в издании этой книги.

ГЛАВА 1. ХРОНОЛОГИЯ ПЕРВОГО КОНФЛИКТА

В конце 30-х – начале 40-х гг. прошлого века были изданы два первых романа из ставшей затем знаменитой трилогии В.Г. Яна (Янчевецкого) о монгольских завоеваниях первой половины XIII в. Незаурядный литературный талант автора этих романов, его масштабные исторические знания, освободительно-патриотическая направленность произведений В.Г. Яна и, наконец, их доброжелательная поддержка представителями академической науки обеспечила им не только Сталинскую премию, но и всенародный авторитет самого доступного и надежного источника приобретения знаний о временах монгольского вторжения, что отразила практика их многократного переиздания в последующие годы. На этом фоне никем не замеченным осталось одно фактическое противоречие авторских сведений, кажущееся сейчас весьма вычурным, поскольку оно никак не было связано с художественным осмыслением исторической реальности. В романе «Чингиз-хан» В.Г. Ян относил гибель киевского князя Мстислава Романовича и ростовских богатырей в битве на берегах Калки к 1223 г.⁶, но на страницах «Батыя» читатели встречали такое сообщение:

Передовые отряды войска Чингиз-хана под начальством Джебэ и Субудай-багатура... дошли до берегов Днепра, где встретились с русскими и половецкими войсками. Монголы стали отступать до Азовского моря, где близ реки Калки произошла битва (1224), в которой русско-половецкое войско было разбито⁷.

Неопределенность писательских сведений в данном случае была совсем не случайной и отражала сумятицу в научно-исторических представлениях о времени первого столкновения русских с монголами, которая, в свою очередь, определялась неразберихой в показаниях источников.

---

⁶ Ян В.Г. Чингиз-хан. Нукус, 1975. С. 273, прим. 1; 304, прим. 1.

⁷ Он же. Батый. 2-е изд. Нукус, 1975. С. 5–6, прим. 2.

1.1. В лабиринтах летописных показаний

Русские летописи представляют «пестрый» набор разнообразных хронологических показаний о времени первого русско-монгольского сражения, которые отдельными элементами совпадают друг с другом, но вместе с тем во многих деталях проявляют взаимное и при этом никак не согласуемое противоречие. Такие обстоятельства заставляли историков разных поколений на свой страх и риск пускаться в путешествие по этому лабиринту и, когда-то интуитивно, а когда-то научно обоснованно, с их точки зрения, определять направление выхода.

Проще всего было В.Н. Татищеву, так как ему был знаком только входной портал этого лабиринта. Он отнес битву на Калке к 6731 г. Хотя это показание помещалось в той части «Истории российской», где ее автор еще не осуществлял обязательную редукцию древнерусских хронологических показаний, мы, зная его представления о времяисчислении, можем уверенно признать 6731-й татищевский год (год от С. М.) 1223-м годом от Р. Х. При описании битвы В.Н. Татищев написал:

сия тяжкая и неслыханная на Русскую землю победа случилась иуния 16 дня в день пятничный⁸.

Вероятнее всего, источником этих хронологических сведений для историка XVIII в. была Воскресенская летопись (его знакомство с Алатырским списком этой летописи установили Б.М. Клосс и В.И. Корецкий)⁹. Действительно, все списки Воскресенской летописи передают такое сообщение:

Въ лѣто 6731. По грѣхом по нашимъ, пріидоша языци незнаеміи, ... рекоміи Татарове, ... и вси князи Рустіи ... идоша по нихъ [от Днепра]¹⁰ 8 дній до рѣкы Калкы... И бысть побѣда на вси князи Рускіе, ака же не бывала отъ начала Руской земли никогда же... Си же склучися от Татаръ мѣсяца іюня 16¹¹.

---

⁸ *Татищев В.Н.* История российская. Т. III. М. ; Л., 1964. С. 218.

⁹ *Клосс Б.М., Корецкий В.И.* В.Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники: 1980. М., 1981. С. 10.

¹⁰ Здесь и далее в цитатах все вставки, заключенные в квадратные скобки, и все курсивные выделения сделаны авторами книги.

¹¹ *ПСРЛ.* Т. 7. СПб., 1856. С. 129–132.

Использование В.Н. Татищевым летописного слова «победа» и юлианская дата 16 июня подтверждают наш вывод, но фразеология татищевского сообщения («сия тяжкая и неслыханная на Русскую землю победа...») проявляет очевидное стилистическое сходство с общепринятой почти для всех (кроме Воскресенской!) русских летописей формулировкой («сия же злоба створися...»). Становится ясно, что определяя дату Калкской битвы, В.Н. Татищев учитывал и сообщение Новгородской 1-й летописи младшего извода (он называл ее «летописью попа Иоанна»), познакомившей его со стандартным оформлением календарного резюме, но при этом еще и с другим номером года от С. М. и с иной юлианской датой:

В лѣто 6732... Сиа же злоба створися мѣсяца мая въ 31, на память святого пророка Еремѣя¹².

Первым из наших историков вступив в лабиринт, Василий Никитич произвольно, почти интуитивно выбрал направление движения, отдав предпочтение июньской дате. Самым удивительным окажется то, что, если представить попытки решения проблемы калкской хронологии в виде стрельбы по мишени, то выбор В.Н. Татищева мы можем уподобить случайному выстрелу, сделанному, однако, в нужном направлении и попавшим в край «десятки».

«День пятничный» В.В. Татищев никак не мог позаимствовать из источников, поскольку ни в одной из сохранившихся русских летописей он не был указан, впрочем, как и какой-либо другой день недели. В разных летописных вариантах повествования о походе русских князей на Калку седмичное показание присутствует только однажды (в Ипатьевской летописи), но по другому поводу:

Мьстиславъ и дроугии Мьстиславъ . Черниговьскыи рѣкоу Днѣпръ .
<и> инии князи придоша . и поиоша в поле Половецкое . перѣдоша же
Днѣпръ во днѣ во вторникъ¹³.

Столетие спустя после В.Н. Татищева академик А.А. Куник предположил, что его предшественник самостоятельно вычислил день недели для юлианской да-

¹² НПЛ. М.; Л., 1950. С. 264, 267.

¹³ ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 742–743.

ты 16 июня 6731 г.¹⁴ Такая догадка выглядит вполне убедительной, поскольку мы знаем, что, работая над своим сочинением, В.Н. Татищев, по его собственным словам, составил календарно-недельную таблицу («пасхальная табель») для того, чтобы

сыскивать... не токмо год, <но> и месяц, и день¹⁵.

Продолжателям В.Н. Татищева пришлось столкнуться с более разнообразным летописным материалом, что существенно усложняло для них задачу решения хронологической проблемы. М.М. Щербатов на полях тех страниц своего сочинения, где излагался рассказ о сражении на Калке, вроде бы проставил дату, ничем не отличающуюся от татищевского варианта

(по Р<ожестве> І<суса> Х<риста> 1223 годъ,... Іюня 16 дня),

но в особом примечании отметил:

...наши лѣтописатели, иные оные полагають [битву] въ 1225, другія 1224, а иные и въ семь 1223 году, которыхъ послѣднихъ засвидѣтельствованіе я того ради въ Хронологіи предпочель,

причем, предпочел он этот год даже дате Никоновской летописи, из которой заимствовал бóльшую часть рассказа о битве. Этот летописный памятник, повторяя календарное число из Воскресенской летописи

(Сіа же великая бѣда случися на Русской землѣ... мѣсяца Іюня въ 16 день)¹⁶,

действительно, мог бы внести сомнения в выбор М.М. Щербатова, потому что относил батальное событие к 6733 (1225) г., но историк-князь «сіи приключенія вмѣстиль», все же в 1223 г., объяснив свой поступок следующим образом:

...предпочель, первое что оно все было прежде нежелъ Князь Михайла Черниговской былъ избранъ на Новгородской престоль, что все древнѣйшіе засвидѣтствуютъ, что было въ 1224 году; второе, что сіе счисленіе съ чужестранными писательми, наиболѣе учинившими изысканіе о Татарскомъ народѣ, согласно¹⁷.

Что касается первого из этих аргументов, то он далеко не очевиден. В Новгородской 1-й летописи (М.М. Щербатову был знаком уже и список стар-

¹⁴ К. [Куник А.А.] О признании 1223 года временем битвы на Калке // УЗ ИАН. Т. II. Вып. 5. 1854. С. 782.

¹⁵ Татищев В.Н. История российская. Т. I. М.; Л., 1962. С. 125, 128.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 92.

¹⁷ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771. С. 521.

шего ее извода) рассказ о битве имеет признаки искусственного соединения с последовательным описанием новгородских событий (это ясно из нарушения календарной последовательности), и поэтому решительно усматривать его носительную связь с приглашением на местный стол князя Михаила вряд ли уместно:

Въ лѣто 6732. Приде князь Всеволодъ Гюргевиць въ Новѣгород... Того же лѣта убиша князя Вячка Немьци... Въ то же лѣто... Федоръ посадник... бися с Литвою... Том же лѣтѣ... придоша Татары... Си же злоба сътворися *мѣсяця маия въ 31, на святого Ерѣмья*... Томъ же лѣтѣ бысть громъ страшнѣ *маия въ 20, на святого Фаллѣя*... Въ то же лѣто създа Борисовиць Смень церковь камяну,... и святиша ноября въ 6, на Павловъ день...

В то же лѣто поиде князь Всеволодъ другое из Новагорода... Князь же Гюрги... присла: ... «поимите у мене мои шюринѣ Михаила»...

Въ лѣто 6733. Приде князь Михаилъ в Новѣгород, сынъ Всеволожь, ввукъ Олговъ... и рече новгородчмъ: «не хочю у вас княжити»...¹⁸

Кроме того, сейчас мы вполне уверенно можем утверждать, что совсем не все «древнѣйшіе» источники «засвидѣтельствовали» такую очередность событий и такую дату недолгого новгородского княжения Михаила Всеволодовича. Так, Лаврентьевская летопись, прямо не упоминая этого князя, помещает предшествующее и последующее за его пребыванием в Новгороде события в одну годовую статью с битвой, причем раньше нее:

В лѣтѣ ·ѣ·ѣ·мѣ· Всеволодъ Гюргеви · иде из Новагорода къ ѡцю своему в Володимерь · Новѣродци же поаша к собѣ Ярославъ · Всеволодича ис Переяславла княжить · Того же лѣта · Ивншѣ Татары...¹⁹

При этом данный памятник нельзя упрекнуть в каком-то грубом сокращении северо-западной информации; так, например, сражение того же Ярослава с литвой в 6733 г. передается здесь подробнее, чем в Новгородской 1-й летописи и, в отличие от нее, с указанием точного дня победы:

...бы же тогда днѣ недѣ сыропустная · егда побѣди Ярославъ Литву²⁰.

Таковую же очередность событий представляют и Никоновская летопись (как же это укрылось от внимания М.М. Щербатова?), а также Новгородская 4-я летопись²¹.

¹⁸ НПЛ. С. 61–64.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 445.

²⁰ Там же. Стб. 448.

Второй аргумент историка в пользу выбора даты 16 июня 1223 г. («сіе счисленіе съ чужестранными писательми... согласно») стал новаторским в выборе того направления движения в лабиринте, которое стало главным полвека спустя, но в изложении М.М. Щербатова он оказался совершенно голословным.

Н.М. Карамзину пришлось уже существенно углубиться в запутанные переходы Калкской хронологии. Так, «Ростовская летопись» (начальная часть Архивского летописного сборника, отразившаяся в Московском своде 1479 г.) подтверждала, казалось бы, показание Воскресенской летописи

(В лѣто 6731... Си же злоба съключися от Татарь мѣсяца иуня в16 день²²),

как и опубликованный в 1792 г. Н.С. Львовым летописный список из Спасо-Ефимьевского монастыря

(Бой на Калкахъ. Въ лѣта 6731... Се же зло ключишася іюня 16²³),

но когда Н.М. Карамзин заглядывал в принадлежавшую ему лично Новгородскую летопись, он встречал рядом с этим календарным числом другой номер года от С.М. (правда, не 6733-й, как в Никоновской летописи, но и не 6731-й):

В лѣто 6732... се же зло сдѣяся іюня 16²⁴.

Псковская 2-я и 3-я летописи, в свою очередь, повторяли дату Новгородской 1-й летописи

(В лѣто 6732. Бишася соудалцы с Татары на Калках, и избиша соудалцев мая 31²⁵),

забыв при этом, правда, упомянуть «память святого пророка Еремѣя». Троицкая летопись не стала игнорировать месяцесловный элемент, но «потеряла» юлианское число:

В лѣта 6732... Се же ся зло склучи мѣсяца <маія, на память св. апостола Ерміа>²⁶.

²¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 88–89; Т. 4, ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 201–202.

²² ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 118, 121.

²³ ПСРЛ. Т. 20, 1-я пол. СПб., 1910. С. 151, прим. 3, 153. Во всех других списках Львовой летописи номер года 6732-й.

²⁴ ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 111.

²⁵ Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. С. 21, 78.

²⁶ Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 306, 307, прим. 1.

«Пушкинская» (Лаврентьевская) летопись, следуя, вроде бы, новгородо-псковскому образцу соединения хронологических элементов, и номер года, и номер календарного числа уменьшила на одно показание, да вдобавок еще вместо одного из 70-и апостолов христианской истории I в. указала имя мученика II в.:

В лѣтѣ · ꙗ·ѡ·ѡ·ла·... се же са зло сключи · мѣа маа · въ ·л· н памѣ стѣ мѣа ·
Еремиа²⁷,

Н.М. Карамзин располагал также показаниями нескольких источников, имевших только абсолютные годовые показания. Архангелогородский летописец в силу какого-то весьма искаженного сокращения утверждал, что в «брани великой на Калках» русские были разгромлены половцами и датировал эту неожиданную кыпчакскую победу 6731 г.²⁸, «Волынская» (Ипатьевская) летопись «безкалендарный» рассказ о битве помещала в 6732 г.²⁹, а в «Начале православных государей и великих князей Рускихъ...» (вступление к Воскресенской летописи) историк встречал такое сообщение:

Въ лѣто 6733. Бой бысть великому князю Кіевському Мьстиславу Романовичю и с нимъ князей Русскихъ на Калкахъ; и грѣхъ ради нашихъ одолѣша Татарове, избиша князей Рускихъ³⁰.

Наконец, в распоряжении придворного историографа находились и относительные хронологические показания. Степенная книга связывала в один год два следующих события:

...на рець на Калке Божіимъ гнѣвомъ мнози князи Русстїи съ воинствомъ своимъ побьени быша... Тоя же зимы поставлень бысть Кіеву и всеа Русїи митрополить Кирилъ... мѣсяца генваря 6 день³¹.

Сравнение с годовой шкалой Лаврентьевской летописи очень просто могло помочь Н.М. Карамзину установить их абсолютную дату по версии Книги царского родословия:

В лѣтѣ · ꙗ·ѡ·ѡ·ла· Поставлень быѣ митрополитомъ · в стои Сооеѣ Къевѣ · блжннѣи Кирилъ Гръчин · мѣа генва · в ·ѣ· в празднѣ Богоявленѣа³².

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445, 447.

²⁸ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 69.

²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

³⁰ ПСРЛ. Т. 7. С. 235.

³¹ ПСРЛ. Т. 21, 1-я пол. СПб., 1908. С. 252.

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447.

Мы не можем, конечно, уверенно утверждать, что историк осуществлял изложенный здесь путь перевода относительной даты Степенной книги в абсолютную, но вполне определенно делаем вывод о том, что другое известное ему показание (из русской части «Краткого летописца» в Новгородской Кормчей) не привлекло внимания, поскольку в противном случае он должен был бы заметить необычность даты (об этом см. 1.6).

Итак, Н.М. Карамзин знал такие варианты даты битвы на Калке:

- 6731 г.;
- 30 мая 6731 г., память св. мученика Ермея;
- 16 июня 6731 г.;
- 6732 г.;
- 31 мая 6732 г.;
- 31 мая 6732 г., память св. апостола Ермия;
- 16 июня 6732 г.;
- 6733 г.;
- 16 июня 6733 г.

Нас не удивляет теперь осторожное в хронологическом отношении начало его рассказа о появлении монголов в Восточной Европе: «В сие время – около 1223 года...». Северо-кавказский и кыпчако-русский эпизоды продвижения завоевателей передавались в «Истории государства Российского» вообще без каких-либо временных ориентиров, и лишь непосредственно перед описанием битвы встречаем в тексте ремарку: «Маия 31. Битва на Калке»³³, из которой можно догадаться о том, что речь идет о мае 1224 г. Соответствующее примечание сделано опять же весьма двусмысленно:

В Воскресен<ской> и других летописях поставлено здесь 16 Июня; но в хартейной Новгородской 31 Маия; и в Троицкой то же число: «се ся же зло склочи месяца... Еремия» - надобно дополнить: «Маия, на память Св. Апостола Ермия» – следственно 31 Маия. В некоторых летописях прибавлено: «в Пяток! так и было в 1224 году, как означено в Новгородской и Волынской; в иных же поставлен 1223 год»³⁴.

³³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II - III. М., 1991. С. 483, 486.

³⁴ Там же. С. 619, прим. 301.

Последняя фраза заставляет все же усомниться в решительности выбора Н.М. Карамзиным даты 31 мая 1224 г., хотя в дальнейшем почему-то сформировалось мнение о его твердой убежденности в правильности такого выбора.

Если согласиться с этим, то становится ясным, что Н.К. Карамзин, во-первых, «отсек» варианты образца Никоновской летописи (6733 г.), что и не удивительно с учетом его общей негативной оценки данного источника:

Никоновский <список> более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков³⁵.

Во-вторых, из прочего многообразия показаний он выбрал дату Новгородской 1-й летописи по признаку максимального, в сравнении с другими памятниками, ее наполнения хронологическими элементами (номер года от С. М., число юлианского календаря и совпадающая с ним дата месяцеслова), при этом определяющим условием для историка была еще и безошибочность комплекса датирующих элементов. К примеру, в дате Лаврентьевской летописи присутствовали те же самые три датирующих элемента (год, число и память святого), но последние два элемента не были согласованы друг с другом: какие бы созвучные имена мучеников ни предполагать в лаврентьевском тексте (Ерм, Ермий или Ермил), ни один из них не чествовался 30 мая.

Любопытно происхождение дополнительного аргумента в пользу выбранной Н.М. Карамзиным даты. В 1224 г. юлианское число 31 мая совпадало с пятничным днем недели, и указание этого седмичного дня «в некоторых летописях» стало для историка подтверждением верности своего выбора. Мы уже знаем, однако, что ни одна русская летопись никаких недельных элементов в датировании битвы не использовала, а «пятник» появился как результат самостоятельных календарно-недельных расчетов В.Н. Татищева. Получается, что в этом случае Н.М. Карамзин нарушил одно из своих неперемных правил – отвергать всю информацию своих предшественников, и в особенности В.Н. Татищева, не находившую подтверждения в известных ему источниках. Более того, получилось, что один из татищевских вымыслов, очень удобный для своего

---

³⁵ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. I. М., 1989. С. 26.

хронологического построения, он намеренно или ошибочно выдал за первичную информацию.

Авторитет «Истории государства Российского» обеспечил широкое признание этой версии. Карамзинскую дату приняли и академик И.-Ф. Круг³⁶ (о его роли в изучении древнерусской хронологии см. 1.2), и один из ревностных последователей историографа М.П. Погодин³⁷, и его непримиримые критики Н.А. Полевой и Н.С. Арцыбашев³⁸.

Однако новые летописные памятники, попадавшие в руки историков уже в «послекарамзинское» время, упрямо опровергали дату 31 мая 1224 г., и этот факт, убедительный в первую очередь количеством обнаруженных случаев, стал порождать вполне обоснованные сомнения в правомерности ее утверждения. Большинство «новых» летописей датировали битву все же 6732 г., но календарное число события определяли совсем не по образцу Новгородской 1-й летописи и даже те из них, что были, как тогда считалось, родственными ей:

Ермолинская летопись - «**О** Калкахъ. **В** лѣто 6732... Сии же злоба склучися мѣсяца юня 16»; Новгородская 4-я летопись – «**В** лѣто 6732... **Приидоша** Тотари... сее же зло здѣяше юня 16»; Софийская 1-я летопись – «**В** лѣто 6732 ... Сии же злоба створися отъ Татаръ, мѣсяца юня 16 день»; летопись Авраамки – «**В** лѣто 6732... Сіе зло бысть Юня 16»³⁹.

В Тверском летописном сборнике был назван мученик Еремей, но совсем не так, как у Н.М. Карамзина или в Лаврентьевской летописи:

Въ лѣто 6732... Повесть о Калкацком побоищѣ... А злоба случилася мѣсяца маа 30, на память святаго мученика Еремиа⁴⁰.

Наконец, стали известны и такие хронологические показания, которые, с одной стороны, разрушали карамзинское построение, с другой, требовали объ-

³⁶ Об этом см.: К. [Куник А.А.] Хронологическая таблица, составленная Э. Боннелем на основании Генриха Лотышского и некоторых русских летописей // УЗ ИАН. Т. II. Вып. 2. 1853. С. 316.

³⁷ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. IV: Период удельный, 1054 - 1240. М., 1850. С. 131–132.

³⁸ Полевой Н.А. История русского народа: Историческая энциклопедия. Т. II. Кн. 2. М., 1997. С. 161; Арцыбашев Н.С. Повествование о России. Т. I. Кн. 2. М., 1838. С. 315–320.

³⁹ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 69, 71; Т. 4. С. 201, 202; Т. 5. Вып. 1. Л., 1925. С. 202, 207; Т. 16. М., 2000. Стб. 49–50.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1865. Стб. 335, 343.

снения своего необычного содержания. Так, Густынская летопись разрывала рассказ о Калке на две годовые статьи

(В лѣто 6732. 1224. Прийде бо сия наша страна... Татаре... Князи же не токмо не послушаша Татар, но и послов татарских избиша.

В лѣто 6733. 1225. Всѣ князи руские вышпомянутые собрашася на Татарь... И бысть тогда на рускихъ князей такова побѣда мая 30, якова же от начала не бысть⁴¹),

а переложение новгородских летописных материалов в Летописи Авраамки сообщение о Калке повторяло дважды в 6731 г. и в 6732 г.⁴² Наконец, Типографская летопись помещала битву в середину летнего сезона

(В лѣто 6731... Сии же злоба склучися отъ татарь мѣсяца ію"ля въ 16 день⁴³),

а Рогожский летописец при ее датировании показывал самое крупное годовое число:

На Калцѣ побоище. Въ лѣто 6734 прїидоша Татарове... <Сіе зло бысть> іюніа 16⁴⁴.

Постепенно, но непременно историки шли к тому выводу, который в 1853 г. сформулировал наконец академик ИАН А.А. Куник, в то время уже обратившийся к проблеме калкской хронологии:

Если бы нужно было указать в русской истории хронологический пункт, который бы обнаружил всю неудовлетворительность чисто-механической методы обработки русской хронологии, то всего лучше было бы избрать для этого вопрос о времени битвы при Калке⁴⁵.

1.2. Появление хрестоматийной даты

Только что процитированные слова А.А. Куника как бы подвели итог более чем вековому блужданию историков в хитросплетениях летописных показаний. Что А.А. Куник подразумевал под «механической методой»? Это становится ясно из других его высказываний:

При решении таких спорных вопросов большинство наших ученых донине

---

⁴¹ ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 115–116. Еще позже были найден текст с разделением батального рассказа на 6733 и 6734 гг. (ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 156–157).

⁴² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 49, 50.

⁴³ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 87, 90.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. С. 27, 28.

⁴⁵ К. [Куник А.А.] Хронологическая таблица... С. 316.

еще думает решить дело простыми арифметическими выкладками... Полагают, что тщательно пользуясь показаниями дней недельных, затмений и т. п. при отдельных случаях, можно малу по малу возстановить правильную хронологию в летописях⁴⁶.

Иными словами, академик считал невозможным установить истинное время битвы с помощью метода согласования годовых, календарно-недельных и месячных элементов летописных показаний, потому как в самих источниках такого согласования не наблюдалось, а попытки достигнуть его механическим объединением разнородных хронологических деталей, как это сделал, к примеру, Н.М. Карамзин, приводили ученых к построению искусственных конструкций, причем обилие исходного материала позволяло создать несколько в разной степени как убедительных, так и сомнительных построений. Впрочем, ожидать чего-то другого от летописной информации А.А. Куник и не предполагал, потому

что большая часть их [летописей] дошла до нас только в форме компиляций, в которых хронология во многих местах пострадала, отчасти потому, что в них смешались два летосчисления, мартовское и сентябрьское⁴⁷.

Сейчас мы знаем, что вариантов «смещения» могло быть значительно больше, но, тем не менее, можем признать вывод А.А. Куника вполне обоснованным.

Что же историк XIX в. предлагал взамен? Его мысль вполне определенно проявилась в призыве

совмещать с этим механическим способом хронологических исследований критико-хронологическую методу⁴⁸.

Здесь же он посетовал на то, что «лишь немногие понимают необходимость» таких исследовательских действий, тогда как он сам давно уже был их приверженцем.

Это исследовательское направление, которое вслед за А.А. Куником стали именовать «критической хронологией», основал еще в начале XIX столетия академик ИАН Иоганн-Филипп Круг. Оказавшись под воздействием идей критики источника своего знаменитого соотечественника А.-Л. Щлёцера, он пере-

⁴⁶ Там же. С. 297; К. [Куник А.А.] Выписки из Генриха Лотышского о русских событиях 1221–1223 годов // УЗ ИАН. Т. II. Вып. 2. 1853. С. 319.

⁴⁷ К. [Куник А.А.] Выписки из Генриха Лотышского... С. 319.

⁴⁸ Он же. Хронологическая таблица... С. 297.

нес перекрестно-сравнительную методика в исследования по хронологии византийской и древнерусской истории⁴⁹. Арист Аристович Куник был непосредственным продолжателем и самым последовательным пропагандистом круговских идей в российской исторической науке середины – второй половины XIX в. Он стал не только инициатором и редактором посмертного издания собрания сочинений своего идейного наставника, сопроводив его биографическим и научно-аналитическим очерком⁵⁰, не только организатором и рецензентом академических конкурсов для подготовки материалов критико-хронологических исследований⁵¹, но и активным внедрителем метода перекрестной проверки в исследование хронологических проблем древнерусской истории⁵², причем однажды в ходе такой деятельности даже позволил себе оспаривать один из конкретных критико-хронологических выводов И.-Ф. Круга⁵³. Нет поэтому ничего удивительного в том, что вникнув, отчасти не по своей воле (см. далее), в проблематику калкской хронологии, А.А. Куник решил, что

прямые показания русских источников о дне сражения не могут решить вопроса окончательно,

и, следуя далее в русле рассуждений «критической хронологии», вполне обоснованно заключил, что

в таких и в других подобных случаях свидетельства иностранных источников больше необходимы для нас, чем обыкновенно думают⁵⁴.

---

⁴⁹ Подробнее о заслугах И.-Ф. Круга в изучении хронологии и о развитии критико-хронологического направления в России см.: *Кайгородова Т.В., Цыб С.В.* Историческая хронология в России. Saarbrücken, 2013. С. 97–123.

⁵⁰ *Kunik E.-E.* Eiuleitung: Vom Herausgeber // *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. Т. 1. St.-Petersburg, 1848. S. I–CCLVI.

⁵¹ *Куник А.А.* Предложение о премии на задачу о византийской хронографии // *ЖМНП*. Ч. LXIII. 1849. С. 4–20; *он же*. Об обработке византийской хронографии: По поводу сочинения Э. Муральта // *УЗ ИАН*. Т. III. Вып. 3. 1855. С. 465–478; *Броссе М.И., Куник А.А.* Разбор сочинения библиотекаря Императорской публичной библиотеки Э. фон Муральта // 23-е присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1854. С. 63–84.

⁵² Например: *Kunik E.* Sur la première Expedition Caspienne des Russes Normands en 914 d'après la Chronique inédite de l'Arménien Mosé Caghancotovatzi // *ВСНП*. Т. IV. № 12–13. 1847. Col. 182–202.

⁵³ *Kunik E.-E.* Probe einer neuen Ausgabe der Byzantinischen Chronologie von Philipp Krug // *ВСНП*. 1852. Т. IX. № 14. Col. 223–224; № 24. Col. 379–384.

⁵⁴ *К. [Куник А.А.]* Хронологическая таблица... С. 316; *он же*. Выписки из Генриха Лотышского... С. 319.

Итак, А.А. Куник выбрал тот путь решения хронологической проблемы, который и привел к появлению той даты, которую мы встречаем сейчас во всех школьных и университетских учебниках, во всех популярных и, как это ни прискорбно, научных сочинениях, причем сюда она попала как отражение традиции изучения и преподавания истории монгольского нашествия на протяжении предшествующих полутора столетий. Отметим все же, что уважаемый академик не был первопроходцем этой дороги, он вступил на нее в тот момент, когда она уже была проторена другими исследователями.

Мы можем восстановить относительно полную и весьма подробную историю появления хрестоматийной даты битвы на Калке⁵⁵. Истоком ее стало событие, далекое на первый взгляд от существа проблемы. В конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. вышло несколько рижско-лейпцигских изданий «Хроники Ливонии». Благодаря кропотливым исследованиям дерптского ученого А. Ганзена здесь были исправлены многие издательские искажения первых публикаций источника, в том числе и хронологические⁵⁶. После этого «Хроника...» стала доступной для историко-хронологических исследований.

В начале 1853 г. известный ливонский историк, член-корреспондент ИАН К.-Э. Напьерский рекомендовал Академии сочинение уездного школьного учителя из Эстляндии Эрнста Боннеля, посвященное сопоставлению датирующих показаний Генриха Латвийского с хронологией русских летописей (через год оно было напечатано в изданиях ИАН⁵⁷). Сам К.-Э. Напьерский к тому времени уже был известен как составитель краткого критико-хронологического обзора древней истории Прибалтики⁵⁸. Рецензировать и представлять работу

---

⁵⁵ Краткий обзор этой истории предпринял в свое время С.А. Аннинский в комментариях к изданию переведенной им «Хроники Ливонии» (см. 1.3).

⁵⁶ Hansen A. Zu einer neuen Ausgabe Heinrich des Letten // Verhandlungen der Gelehrten Ehstnischen Gesellschaft zu Dorpat. Bd. II. H. 1. Dorpat ; Leipzig, 1847. S. 47–83; *idem*. Nachträge zu meinem Aufsätze über die Chronologie Heinrich des Letten // Ibid. Bd. II. H. 2. Dorpat ; Leipzig, 1848. S. 69–72.

⁵⁷ Bonnell E. Die Chronologie Heinrich des Letten verglichen mit den Zeitangaben einiger Russischen Chroniken // ВСНР. 1854. Т. IX. № 4. Col. 49–57; № 5–6. Col. 69–94; № 8–9. Col. 113–131; *idem*. Die Chronologie Heinrich des Letten Verglichen Mit den Zeitangaben Einiger Russischen Chroniken // MR. Т. II. Livr. 3. 1854. P. 283–344.

⁵⁸ [Napierky C.-E.] Chronologischer Abriss der Älteren Geschichte Livlands. Riga, 1848.

Э. Боннеля в заседании III-го Отделения ИАН было поручено академику А.А. Кунику, который считался знатоком прибалтийской истории; к примеру, несколькими годами ранее он читал здесь доклад, посвященный сопоставлению русских и ливонских источников⁵⁹. В сообщении, прочитанном 18 февраля 1853 г., А.А. Куник с похвалой отозвался о методе исследования Э. Боннеля, который соответствовал всем правилам «критической хронологии». Эстляндский историк сначала синхронизировал абсолютные даты от С. М. русских летописей, преимущественно новгородских, с относительными показаниями «Хроники...», которая датировала все события годами папской деятельности местных епископов; последние даты, в свою очередь, он соотносил с годами эры от Р. Х. западноевропейских источников. Таким образом, выстраивалась последовательная и относительно прочная перекрестно-сравнительная цепь хронологических показаний.

Однако один из конкретных выводов рецензируемого сочинения вызвал сомнение академика. В тексте своего основного источника Э. Боннель обнаружил такое сообщение:

Двадцать четвертая шла годовщина епископа дела... В тот год в земле вальвов [половцев] были татары... И бились с ними татары, и победили их, и истребляли всех мечом, а иные бежали к русским. И прошел по всей Русии призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Русии против татар, но не хватило у них сил для битвы и бежали они пред врагами. И пал великий король Мстислав из Киева... с сорока тысячами воинов, что были при нем. Другой же король, Мстислав галицкий,... спасся бегством. Из остальных королей пало в этой битве около пятидесяти. И гнались за ними татары шесть дней и перебили у них более ста тысяч человек (а прочее число их знает один бог), прочие же бежали⁶⁰.

Этот 24-й год епископства Альберта, к которому «Хроника...» относил разгром русских монголами на Калке, Э. Боннель разместил в пределах весны 1222 г. – зимы 1222–1223 гг., датируя, таким образом, битву 1222 г.

«Альбертовский» номер года он постарался совместить с юлианскими датами русских летописных источников, которые, как мы знаем, давали возмож-

⁵⁹ Доклад не был издан. О нем см.: *Fuss P. Compte Rendu de l'Année 1850 // ВСНР. 1851. Т. VIII. № 15–17. Col. 250.*

⁶⁰ *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. М., 1938. С. 222.*

ность широкого выбора из календарных показаний в диапазоне полутора месяцев (30 мая – 16 июля). Ни одна из этих дат Э. Боннелю не понравилась, и, ссылаясь на невозможность разобраться в такой календарной неразберихе, он решил отдать предпочтение «безкалендарным» показаниям Ипатьевской летописи, объявляя их отражением самого древнего и самого достоверного рассказа о битве. Так, его внимание привлекли сообщения этого источника о том, что объединившиеся для похода против монголов

мнози... князи. ... ѿтоуду же [с киевского совета] придоша мѣа априла .
и <придоша> к рѣцѣ Днѣпру . ко встрову Варажѣкому

и дальнейший его рассказ:

перѣдоша же Днѣпръ во днѣ во вторникъ. ... ѿтоуду же идоша .й. днѣ до
рѣцѣ Калкъ⁶¹.

Обобщая все свои наблюдения, Э. Боннель пришел к выводу о весьма скоротечной динамике событий: в начале весны 1222 г. (годы епископства начинались весной) татары «истребляли... мечом» в Причерноморских степях половцев, в апреле в этот конфликт вмешались «короли Руси», а в начале мая они были разбиты и «бежали пред врагами». Вероятнее всего, по его мнению, битва на Калке произошла 1 мая в день памяти святого пророка Иеремии, а 31-е майское число появилось в русских летописях в результате ошибочной замены каким-то переписчиком Иеремии на созвучного мученика Ермия⁶².

Итак, получалось, что битва на Калке была 1 мая 1222 г. Высказав сомнение в правильности подобной даты и предварительно отметив одну ошибку Э. Боннеля (тот якобы не учел, что «Хроника...» искусственно соединила два разновременных события – приход монголов в Половецкие степи и битву на Калке), А.А. Куник объявил о своем намерении серьезно заняться изучением этого вопроса⁶³.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741–743.

⁶² *Bonnell E.* Die Chronologie Heinrich des Letten... // ВСНР. № 5–6. Col. 85–94; № 8–9. Col. 131.

⁶³ *К. [Куник А.А.]* Хронологическая таблица... С. 297–317; *Kunik E.E.* Vorläufige Andeutungen über das Jahr der Schlacht an der Kalka, mit besonderer Rücksicht auf Heinrich den Letten // ВСНР. Т. IX. № 9. 1854. Col. 133–199; *idem.* Vorläufige Andeutungen über das Jahr der

В полном соответствии со своими исследовательскими принципами А.А. Куник построил затем разветвленную цепь перекрестных сопоставлений хронологических показаний русских летописных и нелетописных источников с иностранными сочинениями, рассказывающими о вторжении монголов в причерноморские страны⁶⁴. Для развернутой ее публикации представилась прекрасная возможность: в 1853 г. А.А. Кунику было поручено редактирование русскоязычных записок ИАН, где он и помещал поначалу преимущественно собственные сочинения, по соображениям редакторской скромности подписывая их инициалом «К.».

Прежде всего академик «забраковал» опорный источник Э. Боннеля, поставив под сомнение строгую относительную связь событий «Хроники Ливонии». Отметив у Генриха Латвийского повторы в передаче некоторых известий, А.А. Куник вполне справедливо принял их за свидетельства неоднородности хроникального текста, за проявления многослойности его формирования⁶⁵.

В самом деле, пророческие мотивы «Хроники...» недвусмысленно выдавали ретроспективный способ подачи информации ее автором. Такими мотивами наполнена похвала Богоматери, заступнице Ливонии, помещенная Генрихом в 23-й год пастырской деятельности Альберта (весна 1221 г. – зимы 1221-1222 гг.). Перечисляя здесь ливонских недоброжелателей, наказанных всевышней заступницей, епископский хронист упомянул о незавидной судьбе одного из них:

А король Вячко, который некогда истребил людей епископа в Куkenойсе, разве позднее не погиб жестокой смертью в Дорпате, как будет сказано ниже?

Сама же смерть врага произошла, как и сообщил иносказательно хронист, тремя годами позже:

Schlacht an der Kalka, mit besonderer Rücksicht auf Heinrich den Letten // MR. T. II. Livr. 3. 1854. P. 345–354.

⁶⁴ Полный перечень всех звеньев этой цепи см.: *Kunik E.E. Renseignements sur les Sources et Recherches à la première Invasion des Tatares en Russie* // ВСНР. Т. XII. № 12–13. 1855. Col. 201–204; *idem. Renseignements sur les Sources et Recherches à la première Invasion des Tatares en Russie* // MR. T. II. Livr. 4. 1855. P. 467–476; *idem. Renseignements sur les Sources et Recherches à la première Invasion des Tatares en Russie* // Mélanges Asiatiques, Tiré de Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. T. II. 1855. P. 462–466.

⁶⁵ К. [Куник А.А.] О признании 1223 года... С. 776–778.

Был двадцать шестой год посвящения епископа Альберта... Епископ рижский созвал братьев-рыцарей... и назначил поход... осадить замок Дорпат... Русские... наконец были побеждены,... их... перебили, всего вместе с королем [речь идет о Вячко] около двухсот человек⁶⁶.

В связи с этим не случайным было признано и двойное упоминание Калки. В том же самом восхвалении «пресвятой девы Марии,... называемой звездой моря», годом, предшествующим сообщению о битве на Калке, к ее заслугам перед Ливонией Генрих причислил такое деяние:

Разве не послала она смерть от руки татар на другого новгородского князя, во второй раз разграбившего Ливонию?

И чуть позже еще раз напомнил об этом:

Русские... пришли с большим войском, во главе которого стоял король новгородский, в следующем году убитый татарами⁶⁷.

Кстати, еще в XX в. С.А. Аннинский отметил, что это «пророчество» Альберта, посвященное князю Всеволоду Мтиславичу, очень сомнительно и лишний раз указывает на относительную неточность русских знаний хрониста, поскольку в нескольких летописях этот князь упоминается при описании событий конца 30-х гг. XIII в., т.е. более десяти лет спустя после битвы на Калке⁶⁸.

Как мы уже знаем, сбор русских в поход против монголов и сама битва в «Хронике...» относились к 24-у году Альберта (весна 1222 г. – зима 1222–1223 гг.). Совмещение этих двух событий в пределах одного года А.А. Куник посчитал ошибочным. Говоря о желании русских выступить в Калкский поход в 24-м году, Генрих имел в виду, по мнению академика, разгром монголами половцев и обращение последних к помощи русских. Между этим событием и битвой на Калке, по умозрительным подсчетам исследователя, прошло не менее 8–10-и месяцев, но немецкий хронист якобы поддался желанию дать связное описание сюжета и искусственно соединил в одном году время появления монголов в Половецкой степи и время их битвы с русскими⁶⁹. Такое же «слияние» двух

⁶⁶ *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. С. 217, 237, 239.

⁶⁷ Там же. С. 216, 218.

⁶⁸ Там же. С. 559, прим. 1.

⁶⁹ К. [Куник А.А.] О признании 1223 года... С. 773–774.

разновременных событий присутствовало и в Нейбургской хронике⁷⁰. Кроме того, по мнению А.А. Куника, эстляндский историк не обратил внимания на то, что у Генриха использовались годы так называемого благовещенского календарного стиля (день новогодия – 25 марта), почти на три месяца отстающие от январских годов эры от Р. Х.⁷¹

Куда более перспективным для перекрестной проверки было, по А.А. Кунику, не западноевропейское, а «восточное» направление. Самым надежным источником этой группы он посчитал «Полный свод истории» арабского писателя Ибн ал-Асира, появившийся не позднее 1234 г. Этот автор писал якобы по горячим следам исторических происшествий начала XIII в., полагаясь только на личные впечатления и на сведения очевидцев событий. А.А. Куник с удовлетворением отмечал, что, в отличие от Генриха Латвийского, Ибн ал-Асир разбил на два года половецко-калкские события:

Когда Татары овладели землею Кипчаков и Кипчаки разбрелись, ... то большая толпа из них ушла в землю Русских... По прибытии их к ним, все собрались и единогласно решили биться с Татарами, если они пойдут на них. Татары пробыли некоторое время [другой перевод – *пробыли долго*] в земле Кипчакской, *но потом в 620 году* [хиджры] (= 4 февраля 1223 – 23 янв. 1224 г.) двинулись в страну Русских. Услышав весть о них, Русские и Кипчаки... вышли на путь Татар... Известие о движении их дошло до Татар, и они... обратились вспять... Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, (но) потом Татары обратились на Русских и Кипчаков... Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары с значительно превосходящими силами... Наконец Татары одолели и одержали победу⁷².

Прочность хронологии мосульского хрониста в этой части «Свода...» подтверждалась, по мнению А.А. Куника, тем, что в 619 г. хиджры арабский писатель вполне справедливо отметил комету сентября 1222 г. Именно поэтому «Свод...» стал для А.А. Куника опорным источником в определении даты битвы на Калке⁷³. Эту версию вполне подтверждали и описанные тем же арабским

⁷⁰ К. [Куник А.А.] О походе татар в 1223 году по Нейбургской хронике // УЗ ИАН. Т. II. Вып. 5. 1854. С. 760.

⁷¹ К. [Куник А.А.] О признании 1223 года... С. 767, прим. 7.

⁷² Из летописи Ибнелъасира // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских / [пер.] В. Тизенгаузена. СПб., 1884. С. 26–27.

⁷³ К. [Куник А.А.] О признании 1223 года... С. 778–779; *он же*. Выписка из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны, с 1220 по 1224 г. // УЗ ИАН. Т. II. Вып. 4. 1854. С. 636–668.

и некоторыми другими авторами обстоятельства войны трапезундских Комнинов с сельджуками в 1223 г.⁷⁴

Что касается показаний русских летописных источников, то из их многообразия А.А. Куник скомпилировал дату 31 мая 6731 г. (календарная дата из Новгородской 1-й летописи, а номер года – из владими́ро-суздальской летописной традиции). Выбор календарного числа определялся тем, что именно оно соответствовало дню св. Еремия, отмеченному в той же Новгородской и в Лаврентьевской летописях в качестве даты битвы, а 6731 г., принятый за мартовский год константинопольской эры (март 1223 г. – февраль 1224 г.), соответствовал дате битвы у Ибн ал-Асира. Татищевское указание пятницы А.А. Куник справедливо признал вымыслом, а появление в летописях 6732 г. он объявил редакционной механической сдвижкой первоначального годового числа⁷⁵.

Для придания убедительности таким выводам ему пришлось тщательно доказывать несостоятельность хронологии Новгородской 1-й летописи при описании событий 10–20-х гг. XIII в.; впрочем, в работах А.А. Куника можно встретить и утверждение о бóльшей точности этого памятника в сравнении с другими⁷⁶.

Чтобы расширить русскую часть своей перекрестно-сравнительной цепи, А.А. Куник проанализировал сведения древнерусской повести о перенесении иконы св. Николая в Новгород, входившей в цикл повестей о Николе Зараском. Этот анализ, однако, выглядит странным соединением заранее заготовленных критических замечаний с умозрительными рассуждениями о порядке следования событий, что совершенно не походит на общепринятые в исторической науке принципы критики источника. Так, ученый сразу отверг дату

---

⁷⁴ К. [Куник А.А.] О связи трапезунтско-сельджукской войны 1223 года с первым нашествием татар на Северное Черноморье // УЗ ИАН. Т. II. Вып. 5. 1854. С. 734–746.

⁷⁵ К. [Куник А.А.] О признании 1223 года... С. 779 - 787; *он же*. О перенесении иконы св. Николая из Корсуня в Новгород в 1223 г. (материалы, служащие к восстановлению первоыбитной новгородской летописи с 1208 по 1224 г.) // УЗ ИАН. Т. II. Вып. 5. 1854. С. 755–759.

⁷⁶ Ср.: К. [Куник А.А.] О признании 1223 года... С. 766 - 768; *он же*. О перенесении иконы... С. 758; *он же*. Дополнения к статьям о трапезунтских делах // УЗ ИАН. Т. II. Вып. 5. 1854. С. 793–794.

повести (6732 г.) и произвольно поменял ее на 6731 г., утверждая, что икона могла оказаться в Новгороде только в год Калкской битвы, но уже после ее свершения⁷⁷ (А.А. Куник, видимо, не был знаком со списками повести, относящими перенесение иконы к 6730 и 6733 гг.⁷⁸). Затем он постарался «вписать» показания повести в хронологию Новгородской 1-й летописи⁷⁹, причем сама годовая сетка летописи, как мы уже знаем, не считалась им достоверной. Относительное показание повести о том, что икона оказалась в Новгороде на второй год после битвы, он просто проигнорировал, безосновательно объявив его поздней вставкой⁸⁰. Наконец, признавая позднее происхождение повести (здесь исследователь ссылался на мнение К.Ф. Калайдовича), А.А. Куник как бы признавал бессмысленность всех предыдущих рассуждений по поводу хронологических показаний этого источника.

Немного позже прибалтийский исследователь Август Энгельман доказал несомненное применение благовещенского календарного стиля в ливонском времяисчислении⁸¹, что, конечно же, еще более укрепило позиции А.А. Куника в этом споре. Именно тогда гипотетические построения петербургского ученого стали приобретать признаки хрестоматийной истины.

Через несколько лет, правда, научный спор оживился. В 1862 г. Э. Боннель представил на академический конкурс обобщающее сочинение по русско-ливонской хронографии, которое затем было удостоено Демидовской премии. Здесь он затронул дискуссионный вопрос и вновь подтвердил свою версию даты, сопроводив ее более тщательным, чем ранее, перекрестным сопоставлением «Хроники Ливонии» и русских летописей. Отвечая на одно из замечаний своего критика, он вполне убедительно доказал, что и с признанием благовещенского

⁷⁷ К. [Куник А.А.] О перенесении иконы... С. 747–748.

⁷⁸ Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 245–249.

⁷⁹ К. [Куник А.А.] О перенесении иконы... С. 749–755.

⁸⁰ К. [Куник А.А.] Дополнения к статьям о трапезунтских делах. С. 791.

⁸¹ Engelmann A. Beiträge zur Berichtigung der Russisch- Livländischen Chronologie // ВСНР. Т. XII. № 21–22. 1855. Col. 342–351; Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб., 1858; Kunik E.E. Über die Chronologische Abhandlung des Hrn. A. Engelmann // ВСНР. Т. XII. № 21–22. 1855. Col. 328–329.

календарного стиля его вывод по поводу даты Калкской битвы не меняется. Более того, историк-провинциал набрался смелости предпринять несколько, хотя и весьма робких, контрвыпадов в адрес своего титулованного рецензента. Например, он обратил внимание на то, что некоторые из сообщений Новгородской 1-й летописи, объявленные А.А. Куником ошибочными, имеют твердые хронологические основания⁸². Столичный оппонент не нашел на этот раз никаких новых аргументов в пользу своей точки зрения и лишь посетовал на упрямство противника, не забыв при этом одобрить верность Э. Боннеля перекрестно-сравнительной методике⁸³. Впрочем, благодушие петербуржца вполне объяснимо, поскольку к тому времени авторитетное мнение заслуженного академика в глазах ученой общественности возобладало над мнением уездного учителя истории.

Если же не принимать в расчет научной субординации участников этой дискуссии, тогда следует признать, что аргументация обеих сторон была совершенно равносильной, так как одинаково выстраивалась по всем правилам критико-хронологической методики.

Научный спор между Э. Боннелем и А.А. Куником отодвинул на задний план еще одно важное для изучения калкской хронологии событие. В 1853 г. профессор Казанского университета И.Н. Березин, предпринявший попытку обобщить все известные на тот момент сведения мусульманских источников о действиях монголов в Причерноморье, пришел к твердому убеждению в следующем:

сведения восточных историков об экспедиции кыпчакской не имеют желаемой полноты... и... счисление мусульманских летописцев довольно сбивчиво.

Это обстоятельство, с учетом разнобоя показаний русских летописей, заставило казанского ученого считать, что

---

⁸² *Bonnell E.* Russisch-Livländische Chronographie von der Mitte des Neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St.-Petersburg, 1862. S. 58–64.

⁸³ *Kunik E.E.* Beiträge zum Russischen Chronographie: I. Ueber die « Russisch-Livländische Chronographie» des Herrn Bonnell // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersburg. T. V. 1862. Col. 341–348; *Куник А.А.* О русско-ливонской хронографии г. Боннеля // Записки ИАН. Т. 2. Кн. 2. 1862. С. 143–152.

при таком разноречии показаний... мы имеем единственное правильное историческое указание, на котором можем твердо опереться – это надгробные мусульманские памятники в Булгаре⁸⁴.

Речь шла о погребальной болгарской эпитафии, часто содержащей в качестве датировки арабскую надпись, переводимую как «пришествие угнетения». И.Н. Березин поддержал расшифровку этих «диакритических знаков», предложенную еще до него Г.Ю. Клапротом:

Под фразой «пришествие угнетения» только и можно понимать нашествие какого-нибудь завоевателя. Сложив буквы анаграммы, ... по численному их значению, мы получаем 623 год гижры или 1226 нашего летосчисления... Эти многочисленные памятники очень ясно и несомненно говорят, что Субудай-Багадур, вопреки известию Ибн-Эльасира, воевал Булгарскую землю в 1226 году... и здесь произвел опустошения, о которых, по неважности Булгарской экспедиции в исполинских походах монголов, восточные писатели выражаются неточно... По отшествии монголов... Булгарцы похоронили своих соотечественников и придумали для эпитафий особенную анаграмму⁸⁵.

Вполне логичным оказался следующий вывод исследователя, который, как окажется, станет важнейшим в построении окончательных выводов о времени Калкского сражения:

Из того, что монгольские войска в 1226 году опустошили Булгарию, еще нельзя извлечь точного указания для определения года, в котором случилась Калкская битва: по крайней мере, можно колебаться между двумя годами – 1224 и 1225... Субудай-Багадур мог, по одержании Калкской победы и по опустошении Южной России, кочевать целый год на поле Куманском и летом 1226 г. ... опустошил Булгарскую землю⁸⁶.

1.3. «Однажды лебедь, рак и щука...»

Традиция общественного уважения к выводам ученых, прославленных своими научными званиями и административными должностями, обеспечила хронологической версии А.А. Куника долгое и почти что безупречное существование. Действительно, как в XIX в., так и в наши времена нельзя даже было допустить, чтобы взгляды какого-то провинциального исследователя (Э. Бон-

⁸⁴ Березин И.Н. Первое нашествие монголов на Россию // ЖМНП. 1853. № 9. С. 25, 28, 29.

⁸⁵ Там же. С. 29; Березин И.Н. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского университета за 1852 г. Кн. III. Казань, 1852. С. 134–136.

⁸⁶ Березин И.Н. Первое нашествие монголов на Россию. С. 30.

нель) возобладали над авторитетным мнением академика. Десятилетия молчаливого признания постепенно превращали научную гипотезу А.А. Куника, изначально обладавшую набором как убедительных, так и сомнительных доказательств, в непререкаемую истину, в законченный и безусловный научный вывод, по своей значимости равный историческому факту. Более того, хронологическая версия академика, негласно признанная в научном кругу, вошла в учебную литературу и прочно закрепились там на протяжении многих десятилетий, что еще более способствовало ее поэтапному продвижению в исторических знаниях различных поколений. Имея опыт многолетнего преподавания истории России в школах и в высших учебных заведениях, в том числе и на исторических факультетах университетов, авторы этой книги могут уверенно заявить, что куниковская дата битвы на Калке (31 мая 1223 г.) – одна из самых твердых хронологических вех отечественной истории, закрепившихся в сознании обучающейся аудитории.

На хрестоматийный статус этой даты не повлияли и бурные политические перипетии XX в., не один раз изменявшие пути развития исторической науки в нашей стране. Известно все же, что в историческом знании не существует абсолютных истин, и поэтому рано или поздно любая реконструкция, претендующая на идеальную точность, подвергается критической проверке, и она либо подтверждает обоснованность научно-исторического построения, либо вдруг выясняет его несовершенство. Историки придумали и всячески совершенствуют такую область своей науки, как «историография», отдавая ей право ниспровергать предшествующие авторитеты для создания перспектив дальнейшего исследования. Как раз этим, «историографическим путем» следуем мы по пути восстановления истинной даты Калкской битвы, и по этой же «дорожке» еще раньше нас пошел в 20-е гг. XX в. исследователь, о котором сейчас мы, к сожалению, не имеем никаких биографических сведений – А.Б. Салтыков. Знаем только, что в 1929 г. он опубликовал выдающуюся статью о дате битвы на Калке и разместил ее в издании, которое велеречиво называлось «Ученые записки Института истории Российской Ассоциации научно-исследовательских инсти-

тутов общественных наук»⁸⁷ (вот какая замечательная аббревиатура, в соответствии с принятой в советское время традицией, получилась из этого наименования – УЗ ИИ РАНИОН!).

Итак, А.Б. Салтыков решил проверить точность доказательств своего предшественника. Эта проверка выяснила прежде всего факт избирательного интереса А.А. Куника к своему основному информатору: из показаний Ибн ал-Асира он выбрал только то, что соответствовало его представлениям о времени битвы, не обращая внимания на прочие детали. Так, создатель хрестоматийной даты совершенно не обратил внимания на странную «блеклость» мосульского хрониста в передаче хронологии монгольского похода в Половецкую степь в сравнении с подробнейшим описанием деятельности завоевателей в Средней Азии, Персии и Закавказье.

А.Б. Салтыков отметил и то, что А.А. Куника не заинтересовало сообщение арабского автора о долгом пребывании монголов в степном Причерноморье:

Тогда Татары... пошли на Кипчаков... Татары [после разгрома половцев] *остановились* въ Кипчаке. Это земля обильная пастбищами *зимою и летом*; есть в ней места прохладныя *летом*, со множеством пастбищ, и <есть в ней> места теплые *зимою* <также> со множеством пастбищ... Прибыли они к городу Судаку... Придя к Судаку, Татары овладели им, а жители его разбрелись... Когда Татары овладели землею Кипчаков и Кипчаки разбрелись, как мы рассказали <выше>, то большая толпа из них ушла в землю Русских... Татары пробыли некоторое время [другой перевод – *пробыли долго*] в земле Кипчакской⁸⁸.

Заинтересовавшись сведением о Судаке, советский ученый указал на приписку к дате 27 января в греческом Синаксарии XIII в. из этого города, которая сообщала о том, что

+τῆ αὐτῆ ἡμέρα ἦλθ(ον) οἱ πρῶτα οἱ τάταροι τοῦ εὔλα ἐτ (в тот же день пришли впервые татары. 6731 (1223) года)⁸⁹.

⁸⁷ Салтыков А.Б. Хронология битвы при р. Калке // Ученые записки Института истории Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. 4. М., 1929. С. 5–12.

⁸⁸ Там же. С. 25–26.

⁸⁹ Антонин (Капустин А.И.), архимандрит. Заметки XII–XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 601.

Позднее (см. 3.1) мы вернемся к подробному анализу этого источника, а пока только скажем, что эту дату А.Б. Салтыков признал константинопольской сентябрьской и перевел ее как 27 января 1223 г. Если учесть, что затем монголы долго пребывали в Половецкой степи (по Ибн ал-Асиру), тогда время битвы с русскими отодвигается на 1224 г. или на более позднее время.

Расширив перекрестно-сравнительный поиск по «восточной» линии, А.Б. Салтыков установил, что и здесь находятся точнейшие исторические свидетельства, не позволяющие относить битву ко времени раньше 1224 г. В данном случае он привлек результаты изучения И.Н. Березиным эпиграфических записей болгарского происхождения, утверждавших монгольское разорение Среднего Поволжья в 623 г. хиджры (2 января – 21 декабря 1226 г.; см. 1.2). Исследователь XX в. конкретизировал березинский вывод о том, что болгарские даты, несомненно, первичные и достоверные, не совпадают со сведениями главного информатора академика А.А. Куника, поскольку Ибн ал-Асир писал о том, что

...сделав с Русскими то, что мы рассказали, и опустошив земли их [?!], Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 года⁹⁰.

Иными словами, арабский историк утверждал, что в том же самом году (1223 г.), когда Джэбе и Субэдей жестоко наказали русских за самонадеянное стремление победить непобедимых завоевателей, эти военачальники столкнулись с жителями Волжской Булгарии (1226 г.). Этот путь, это географическое направление (от Азовских степей до средней Волги) было вполне естественным для возвращения двух автономных, отколовшихся от Хорезмийской экспедиции отрядов в свои родные места. Одна из поздних русских летописей, в составе которой исследователи отмечали как достоверно-уникальные, так и совершенно ошибочные известия (Густынская летопись), удивительным образом подтверждала сведения Ибн ал-Асира:

Татаре же избываху их [русских и половцев]; и поплениша землю, пойдоша на время за Волгу⁹¹.

⁹⁰ Из летописи Ибнелъасира. С. 27.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 40. С. 116.

Большинство русских источников отправляли, однако, монголов с берегов Калки или в неизвестность

(Татарове же возвратишася от рѣцѣ Днѣпра; и не свѣдаемъ, откуда были пришли и гдѣ ся дѣша опять⁹²),

в чем просматривается неосведомленность современников, или же в мифологическую и запутанную даль последующих событий:

Татаром же побѣдившимъ Роусьскыаѣ княза... Ожидаа Бѣ покаѣнїа крѣпѣ-
стьньскаго и ѡбрати и воспать на землю восточноую и воеваша замлю Тано-
гоусьскоу и ины страны . тогда же и Чаногизъ кано ихъ Таногоуты оубьень
бы⁹³.

Так или иначе, но эти наблюдения окончательно, по мнению А.Б. Салтыкова, позволяли признать, что сама битва состоялась незадолго до 1226 г. Это рассуждение окончательно опровергало достоверность показаний арабского источника, столь почитаемого А.А. Куником, поскольку там Булгарский поход помещался в тот же самый год, что и битва на Калке (620 г. хиджры, или 4 февраля 1223 г. – 23 января 1224 г.)⁹⁴.

В связи с этим любопытно замечание А.Б. Салтыкова о том, что болгарские и крымские сведения были известны во времена жизни А.А. Куника, из чего напрашивался вывод о намеренном их замалчивании историком XIX в.

Исследование А.Б. Салтыкова, построенное, как и у его предшественников, по правилам «критической хронологии», вполне определенно указывало на то, что битва на Калке не могла произойти раньше 1224 г.! Сам А.Б. Салтыков отнес ее к 31 мая 1224 г., положившись на дату Новгородской 1-й летописи (ее он посчитал мартовской константинопольской). «Неудобное» календарное показание некоторых летописей (16 июня) исследователь посчитал не связанным с батальным сюжетом и отнес его, как это было в Тверской и Густынской летописях, к началу княжения в Киеве Владимира Рюриковича после разгрома русских на Калке⁹⁵. При всей стройности такого построения оставался, однако, непонятным хронологический разнобой русских летописных источников. Отме-

⁹² НПЛ. С. 267.

⁹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745.

⁹⁴ Салтыков А.Б. Хронология битвы при р. Калке. С. 8–9.

⁹⁵ Там же. С. 5, 12.

тим также, что это историко-хронологическое исследование по каким-то причинам не привлекло внимания научной общественности, и поэтому хрестоматийную «куниковскую» дату продолжали копировать многочисленные учебники и научные сочинения.

Правда, в 1938 г. С.А. Аннинский, публикуя перевод «Хроники Ливонии», привел краткий историографический обзор калкской хронологии и заключил, что

вывод Куника не поколеблен и недавней работой А.Б. Салтыкова, ... хотя ... выводы ее, хоть и с сомнением, принимаются к учету в научной литературе.

Решительно соглашаясь с куниковской оценкой хронологической точности (вернее, неточности) прибалтийского хрониста

(... незнание тут, ошибка или небрежность, но неточность этого сообщения Хроники [о битве на Калке] остается фактом, и добавим, фактом не настолько исключительным у Генриха...),

С.А. Аннинский пробовал оправдать то предпочтение, которое академик отдавал показаниям Ибн ал-Асира. А.Б. Салтыкова он обвиняет не только в поверхностном знакомстве с аргументами предшественников

(в пересказе и использовании Боннеля и Куника... автор [т.е. А.Б. Салтыгов] допускает ряд фактических неточностей, обнаруживает незнание не – которых фактов, а отчасти и литературы; в общем же передает аргументацию противников в такой упрощенно-элементарной форме, которая местами равносильна искажению),

но и в неверном толковании сведений арабского автора о якобы долгом пребывании монголов в степном Причерноморье до и после экспедиции в Крым:

Вместо слова «долго», читаемого в русском переводе Ильминского, ... уже в переводе Тизенгаузена, ... совершенно неосновательно заподозренном Салтыковым, читается «некоторое время», а это, по указанию акад. И.Ю. Крачковского... совершенно точно передает слово *muddatan*, стоящее в арабском тексте... Если даже не настаивать на этом обстоятельстве, достаточно прочесть целиком весь соответствующий отрывок Ибн-эль-Атира, ... чтобы убедиться, что слово «долго» нет необходимости относить ко времени *п о с л е* *в з я т и я* *С у д а к а*, так как оно явно относится ко всей осени и зиме предшествовавшего года, означая время от разгрома половцев до начала военных действий русскими⁹⁶.

В рассуждениях ученого 30-х гг. прошлого века мы отмечаем прежде всего стремление всячески поддержать ставшую уже «хрестоматийной» к тому

⁹⁶ *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. С. 565–566, прим. 2, 567.

моменту хронологическую версию А.А. Куника, отмечая ее сильные стороны и «сглаживая» все недостатки, одновременно с тем умалчивая о прямых ее противоречиях показаниям источников, к примеру, болгарских.

В 1944 г. Л.В. Черепнин, выпустивший замечательное учебное пособие по исторической хронологии, в качестве примера применения методов этой науки вскользь коснулся дискуссионного вопроса о времени битвы на Калке. Он постарался согласовать все известные датирующие элементы этого события («пятница» В.Н. Татищева, все календарные даты летописей, относительные летописные показания о восьми или девяти днях продвижения русских по степям после переправы через Днепр во вторник, сведения Ибн ал-Асира, и пр.), тем самым придав всем этим противоречивым показаниям одинаковую ценность. Такая исследовательская суперкомпиляция неожиданно привела его к повторению татищевской версии – 16 июня 1223 г., которая все же не выглядела убедительной, потому как между предполагаемым днем переправы русских дружин через Днепр (вторник, 6 июня) и днем битвы (16 июня) никак не насчитывается ни восемь, ни девять дней⁹⁷. Однако и эта версия не объясняла особенностей ни одного летописного показания.

В.Т. Пашуто продолжил поиски в рамках почти забытого в XX в. западного направления перекрестной проверки и обнаружил весьма оригинальное свидетельство. В «Великой хронике» Матфея Парижского передавалась речь русского священника Петра на Лионском соборе (1245 г.), в которой рассказывалось о первом пришествии монголов 26 лет назад, что заставляло датировать битву на Калке 1219-1220 гг.⁹⁸

Н.Г. Бережков усмотрел в разнице 6731 и 6732 гг. соответственно проявление мартовского и ультрамартовского календарных стилей константинопольской эры, календарную дату Лаврентьевской летописи (30 мая) признал иска-

---

⁹⁷ Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. С. 91–92.

⁹⁸ Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 205, прим.

женной, следовательно, присоединился к хрестоматийной версии (31 мая 1223 г.)⁹⁹.

Хронологический диапазон исследовательских вариантов датировки стал достигать, таким образом, пяти-шести лет:

- намек В.Т. Пашуто на 1220 г.;
- версия Э. Боннеля – 1 мая 1222 г.;
- версия академика А.А. Куника и Н.Г. Бережкова – 31 мая 1223 г.;
- версия В.Н. Татищева, М.М. Щербатова и Л.В. Черепнина – 16 июня 1223 г.;
- версия Н.М. Карамзина и А.Б. Салтыкова – 31 мая 1224 г.
- версия И.Н. Березина – 1224 г. или 1225 г.

Первое, что бросается в глаза, – примерное количественное равенство исследовательских вариантов обилию летописных показаний (см. 1.1). Второе – все они, кроме татищевского «изобретения», были получены одним и тем же путем, с использованием метода перекрестной проверки, и это обстоятельство придает им всем одинаковую ценность (вот тут-то и можно вспомнить крыловскую басню – «а воз и ныне там»). Третий вывод – преимущество версии А.А. Куника в нашем современном восприятии объясняется не каким-то ее методическим превосходством, а тем, что «лебедь» оказался привлекательней всех других «обозных» деятелей своей академической «крылатостью» в сравнении, например, с каким-то безвестным лифляндским чиновником из ведомства министерства просвещения или малоизвестным сотрудником Института истории РАН ИОН. И наконец: становится совершенно ясным, что решение вопроса о точном времени битвы на Калке является вопросом хронологическим-текстологическим. Согласимся с резюме Дж. Феннела по поводу изучения битвы на Калке:

Восточные источники... не сообщают сколько-нибудь ценной информации¹⁰⁰.

Если добавим к нему приобретенные нами знания о ненадежности сведений источников западноевропейских, тогда сможем прийти к такому твердому выво-

⁹⁹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 106–107.

¹⁰⁰ *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси: 1200-1304. М., 1989. С. 131, прим. 4.

ду: никакие, даже самые развернутые и совершенные сравнения с иностранными известиями, не смогут заменить критического исследования письменных хронологических показаний русских летописей. Только в процессе такого исследования может появиться решение проблемы датирования битвы на Калке.

1.4. В каком году была битва на Калке?

Еще в ходе дискуссии середины XIX в. академик А.А. Куник предполагал, что 6732-й номер года в обозначении битвы появился искусственно, в результате какой-то ошибки, увеличившей 6731-й номер на одно значение. По его мнению, ошибка была допущена в процессе переписки предшествующих текстов (причины появления других, еще более крупных годовых чисел – 6733 и 6734 он не объяснял)¹⁰¹. Никаких конкретных текстологических наблюдений, позволяющих доказать это предположение, А.А. Куник не изложил, но мы можем сейчас восполнить этот недостаток.

Такой случай мы наблюдаем в летописных памятниках (Владимирский летописец и Симеоновская летопись), отражавших тверскую редакцию 1412 г. московского свода 1408 г.¹⁰². В момент редактирования текста протографа тверской редактор увеличил 6714-й и 6715-й номера лет на одно значение. Это привело к «сдвигке» всей дальнейшей хронологической шкалы. Именно поэтому на значительном участке текста (6715–6738 гг.) Владимирский летописец и Симеоновская летопись стали опережать на одно годовое значение памятники, представляющие ту же линию развития северо-восточного летописания, но еще не затронутую редактированием 1412 г. (Лаврентьевская и Троицкая летописи)¹⁰³. Несомненно, что «увеличенный» ряд годовых чисел редакции 1412 г. был получен искусственно путем механического прибавления одного номера к

¹⁰¹ К. [Куник А.А.] О признании 1223 года... С. 786 - 787.

¹⁰² О «генеалогии» этих летописных текстов см.: *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 202–203; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 17–58.

¹⁰³ Ср.: *ПСРЛ*. Т. 30. М., 1965. С. 81–87; Т. 18. СПб., 1913. С. 42–54 и *ПСРЛ*. Т. 1. Стб. 426–453; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 223–258.

«лаврентьевско-троицким» годам. Так, видно, что увеличенными оказались, во-первых, те недельно-юлианские показания, которые изначально были датированы годами константинопольской эры (от С. М. до Р. Х. 5508 лет) и мартовским календарным стилем:

Лаврентьевская летопись

В лѣтѣ · ҃· ҃· ҃· ҃· ҃· ... Тое же зимы бѣи знаменѣ на небеси в слнѣци · мѣа · феврала · въ · ки · днѣ · в сре сырное нѣли...

В лѣтѣ · ҃· ҃· ҃· ҃· ҃· ... Всеволод же князь великий доспѣвъ весь · поиде · мѣа · авгу · въ · ѿ · днѣ · в нѣ...

В лѣтѣ · ҃· ҃· ҃· ҃· ҃· ... Того же лѣтѣ · мѣа · мая · въ · ѿ · днѣ на памѣ · стѣ · шѣа · Пахомыа · В днѣ · вскрѣнѣа... загорѣса гра · Ростовъ...

В лѣтѣ · ҃· ҃· ҃· ҃· ҃· ... Тое же зимы · мѣа · гевѣа · въ · ҃· днѣ · ... В чѣ · престависа кня · Володимеръ...

Владимирский летописец

В лѣто 6715... В се же лѣт[о] мѣсяца февраля 28 бысть знамение в солнци в среду сырные недѣли...

В лѣто 6716... Князь великий Всеволод поспѣ весь, поиде мѣсяца августа 19 день

В лѣто 6720... Того же лѣта мѣсяца мая 15 день загорѣся град Ростовъ...

В лѣто 6736... Тое же зимы мѣсяца генваря 6 день престависа князь... Володимеръ...¹⁰⁴

Понятно, что в этом случае в «увеличенном» ряду получались константинопольские ультрамартовские показания. Но увеличенными оказались и изначальные ультрамартовские показания «лаврентьевского» образца, что привело к появлению годовых и календарных дат несуществующей эры в 5510 лет:

Лаврентьевская летопись

В лѣтѣ · ҃· ҃· ҃· ҃· ҃· ... Того же зимы · мѣа · феврал · въ · в · днѣ · въ па · Престависа хобивыи кня · Костантинъ...

В лѣтѣ · ҃· ҃· ҃· ҃· ҃· ... И вниде хобливыйи кня · Василко · в свои Ростовъ с своею княгинею · въ · а · су · по · мѣа · февра · въ · вѣ · днѣ · на памѣ · стѣ · Мелентѣ еппа...

Владимирский летописец

В лѣто 6727... Того же лѣта мѣсяца февраля 2 день в пяток 7 час дни престависа великий Костянтинъ Всеволодичъ...

В лѣто 6736... Тое же зимы мѣсяца февраля 12 день вниде Василко съ княги - нею своею въ град Ростовъ княжити.¹⁰⁵

Можно допустить, что эта сдвижка годовых номеров тверской редакции не была результатом какой-либо случайной ошибки, а отражала специальное хронологическое редактирование летописного материала. Это позволяет предполагать едва заметный его след в тех же самых статьях 6714 и 6715 гг. В списках «лаврентьевской группы» они имели очевидные признаки использования

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 428, 430, 431, 435, 450; Т. 30. С. 81–83, 86.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 442, 450; Т. 30. С. 85, 86.

лет константинопольской эры в ее мартовском календарном варианте, на что указывают их юлианско-недельные показания (28 февраля 6714 г., среда; 19 августа 6715 г., воскресенье; 22 сентября 6715 г., суббота; 13 октября 6715 г., четверг; 22 ноября 6715 г., среда). Такая принадлежность этих «лаврентьевских» статей подтверждается и астрометрическими расчетами:

В лѣтѣ · ꙗ̅· ѡ̅ · ѡ̅ · ... Тое же зимы бѣ̅ знаменьє... в слнѣци · мѣа · феврала · въ · кѣ̅ · днь в срѣ̅ [солнечное затмение 28 февраля 1207 г.]... В лѣтѣ · ꙗ̅· ѡ̅ · ѡ̅ · ... Тое же зимы · бѣ̅ знаменьє в лунѣ · мѣа · феврѣ̅ въ · г̅ · днь [лунное затмение 3 февраля 1208 г.]¹⁰⁶.

Этому не противоречит порядок следования календарных дат, выстраивающий их в пределах каждой статьи в очередности весна – зима. События, происходившие в сентябре, как и положено им, располагаются в середине мартовских годовых комплексов 6714 и 6715 гг. Лаврентьевской летописи, но во Владимирском летописце с сентября начинается отсчет новых годов, причем в обоих случаях годовое разграничение проходит рядом с юлианским числом 22 сентября:

Лаврентьевская летопись

В лѣтѣ · ꙗ̅· ѡ̅ · ѡ̅ · ... Всеволодъ же посади сѣа своего в Переяславлѣ · ...
Ярославъ же приде къ ѡ̅цю своему в Суздаль · мѣа сѣта̅ · въ · кѣ̅ · ...
В лѣтѣ · ꙗ̅· ѡ̅ · ѡ̅ · ... Кнѣ̅ же великыи... повелѣ изымати ихъ [рязанских князей] с своими думцами · и вести ихъ в Володимерь · мѣа · сѣта̅ · въ · кѣ̅ · днь̅... в днь̅ сѣтныи
А сѣ̅ кнѣ̅ великыи на̅стрии днь̅ перебродиса чересь Ѡку · в днь̅ нѣлныи · и поиде къ Проньску...

Владимирский летописец

В лѣто 6714... Всеволод посади сына своего в Переяславле.
В лѣто 6715. Прииде Ярославъ къ отцу в Суздаль мѣсяца септебры 22 день...
В лѣто 6716... Князь же великий Всеволодъ ... изыма ихъ съ всѣми думцами и посла ихъ Володимерю
В лѣто 6717. Иде князь великий Всеволодъ къ Прньску...¹⁰⁷

Конечно же, редактирование образца Владимирского летописца было поздним и не совсем удачным изменением первоначального текста, но также несомнен-

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 428, 434; Святский Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС. Т. XX. Кн. 1. 1915. С. 111, 190.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 426–429; Т. 30. С. 81–82.

но и то, что проводивший его летописец начало сентябрьского года полагал 22 - 23 сентября¹⁰⁸.

Впрочем, для нашего исследования не так и важен вопрос о причинах появления годовой сдвижки дат в списках тверской редакции 1412 г., сколько факт того, что в этот ряд входит и дата битвы на Калке.

Во Владимирском летописце, правда, битва датирована «изначальным» годом (6731 г.), но при этом очевидно, что это сообщение было изъято из комплекса летописной статьи 6732 г. (соответствует 6731 «лаврентьевско-троицкому» году) и механически перенесено в 6731 (6730 г.).

Лаврентьевская летопись

В лѣтѣ · ҃҃ · ѿ · ѿ · л · Великыи кня Гюрги · заложил цркъвь каменну ст҃ыа Бца в Суждали на первомъ мѣстѣ · заздрушивъ старое здание...

В лѣтѣ · ҃҃ · ѿ · ѿ · л · Всеволодъ Гюргевъ иде из Новагорода къ шцю своему в Володимерь · Новгородци же поаша к собѣ Ярославъ · Всеволодича ис Переяслава княжить ·

Того же лѣтѣ Ивиша... Татары... се же са злоключи · мца · маа · в · л · на памѣ стѣ мка · Еремия · Се же слышав Василко · приключьшесѣ в Руси · възвратисѣ ѿ Чернигова сохранень Бомъ и силою крта чтнаго · и млтвою шца своего Константина · и стрыа своего Георгия · и вииде в свои Ростовъ слава Ба и стую Бцю · Того же лѣтѣ Бѣ ведро велии... Того же лѣтѣ Ивиса звѣзда на западѣ... и пребы тако · 3 · дни...

Владимирский летописец

В лѣто 6731 · Великий князь Юрь заложил церковь камену в Суздали свята Богородица, на первом мѣстѣ раздрусился от старости...

Того же лѣта бысть всѣмъ княземъ Руским бои на рецѣ на Калкѣ с Половци...

В лѣто 6732. <Всеволод> Юрьевич иде из Новагорода къ отцу своему в Володимерь, а Новгородци себѣ взяша княжити Ярослава Всеволодича.

В се же лѣта възвратисѣ от Чернигова Василко в Ростов.

В се же лѣта бысть ведрено добръ... Того же лѣта явисѣ звѣзда на западе... и пребысть 7 днии...¹⁰⁹

На это указывает оставшееся в 6732-м году Владимирского летописца окончание Калкского эпизода, рассказывающего о возвращении домой ростовского князя Василька Константиновича. Эта же купюра отразилась и в Симеоновской летописи: «послекалкское» известие о возвращении Василька осталось в 6732 г.,

¹⁰⁸ О трактовке этого текстологического факта см.: Цыб С.В. Следы «асийского индикта» в древнерусской письменности // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XIX между. научн. конфер. М., 2017. С. 168–171.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445–447; Т. 30. С. 85.

причем, с подробными (по образцу 6731 г. Лаврентьевской летописи) рассуждениями о роли высших сил в спасении молодого князя, которые в контексте данной статьи остаются совершенно непонятными.

Владимирский летописец

В лѣто 6731. Великий князь Юрьи заложил церковь камену в Суздали святыя Богородица, на первом мѣстѣ разрушился от старости...

Того же лѣта бысть всѣмъ княземъ Руским бои на рецѣ на Калкѣ с Половци...

В лѣто 6732. <Всеволод> Юрьевич иде из Новагорода къ отцу своему в Водимерь, а Новгородци себѣ взяша княжити Ярослава Всеволодича. **В** се же лѣта възвратися от Чернигова Василко в Ростов...

Симеоновская летопись

Въ лѣта 6731 великий князь Юрьи заложил церковь камену святыя Богородица въ Суздали на первомъ мѣстѣ, разрушивъ старое създание...

Въ лѣта 6732 Всеволодъ Юрьевичъ изъ Новагорода иде къ отцу своему въ Володимерь. Новгородци же пояша къ собѣ княжити Ярослава Всеволодича ис Переяславля. То же слышавъ Василко... възвратися от Чернигова, съхранень бысть Богомъ и силою креста честнаго и молитвою отца своего Костянтина и стрия своего Юрья и вниде въ свои Ростовъ, славя Бога и святую Богородицу...¹¹⁰

«Вырванное» же из этого комплекса сообщение о битве так и не попало в 6731 г. По всей видимости, и в летописном тексте образца Владимирского летописца «блуждающий» рассказ о битве также первоначально отсутствовал в 6731 г., но позднейший его редактор восполнил этот пробел заимствованием из источника типа Архангелогородского летописца, приписавшего половцам разгром русских на берегах Калки.

Факт того, что в списках тверской редакции предпринималась неудачная попытка вернуть «увеличенную» дату битвы (6732 г.) к ее исходному виду (6731 г.), показывает, что появление увеличенного ряда годовых чисел на отрезке текста 6714 (6715) – 6737 (6738) гг. произошло ранее 1412 г., на каких-то предшествующих этапах развития северо-восточного летописания. Вспомним, что сохранились свидетельства о соединении обеих этих дат (6731 и 6732 гг.) на страницах одного летописного памятника (Летопись Авраамки).

Дальнейшее изменение летописных текстов с «увеличенным» номером года (6732 г.) привело к очередным механическим увеличениям этого числа. Самой вероятной причиной этого можно предполагать соединение батального

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 30. С. 85; Т. 18. СПб., 1913. С. 51–52.

известия с эпическим преданием об участии в битве ростовских «храбров» во главе с Александром Поповичем. Д.С. Лихачев в свое время убедительно обосновал позднее (не ранее XV в.) время проникновения этого былинного мотива на страницы русских летописных сочинений:

Из какой-то... неизвестной поздней ростовской летописи могла быть перенесена [в Тверской сборник]... та краткая повесть о Калкской битве, где имелось лишь простое упоминание о гибели Алесандра Поповича и его 70 «храбров»¹¹¹.

В самом Тверском сборнике битва и смерть ростовского богатыря датированы 6732 г. (такая же дата в софийско-новгородских сводах и в Ермолинской летописи). Краткий вариант упоминания о Поповиче отразился и в летописях, сохранивших первоначальный год (6731 г. – Воскресенская, Московско-Академическая, Типографская и другие летописи). Никоновская же летопись более подробный вариант сказания об Александре разносит по летописным статьям XI – начала XIII в., и здесь-то как раз и отмечается увеличение годового числа даты его гибели на Калке (6733 г.).

Итак, несомненно, что в первоначальном варианте письменное сообщение о битве было датировано 6731 г. от С. М. Обращаем внимание на то, что под первоначальной записью мы подразумеваем не обязательно первую редакцию того подробного рассказа, который превратился затем в летописную повесть о сражении¹¹²; вполне возможно, изначальное годовое число появилось в краткой и современной событию хроникальной записи, а затем стало «кочевать» по страницам летописных текстов, сохраняя или изменяя свой первоначальный вид и попутно «вливаясь» в состав повествований.

Этот вывод, однако, не дает нам еще никаких оснований для построения надежных историко-хронологических выводов, поскольку годовое показание (6731 г. от С. М.) само по себе инертно и никак не сигнализирует о своей принадлежности к какой-либо системе времяисчисления. Его типовая принадлеж-

¹¹¹ Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 336.

¹¹² Об этой повести и ее редакциях см.: Буланин Д.М. Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 346–348.

ность может быть определена только при учете сочетания номера года с календарными счетными элементами.

1.5. На какой же день пришлась «сия злоба»?

Как мы помним, источники донесли до нас четыре юлианских даты битвы – 30 мая, 31 мая, 16 июня и 16 июля. Последняя из них, самая оригинальная, содержащаяся только в Типографской летописи

(В лѣто 6731... Сии же злоба сключися отъ татарь мѣсяца ію^ля въ 16 день¹¹³)

никогда не принималась историками в расчет, поскольку весь контекст подробных рассказов о битве заставлял относить ее к концу весны – началу лета. Убежденность в правомерности такой сезонной привязки и сейчас считается фактом, не требующим каких-либо специальных аргументов и даже вообще какого-либо внимания, хотя чуть позже мы скажем о совсем не очевидных его обоснованиях. Надо было поэтому как-то объяснить присутствие «июля» на страницах летописного источника, и А.А. Куник без каких-либо сомнений назвал этот случай «опиской»; он подразумевал искажение в названии месяца¹¹⁴.

Действительно, замена «июня» на «июль» и обратный порядок альтернативы созвучных названий месяцев являлись типичными ошибками древнерусских переписчиков. К примеру, Карамзинский список Воскресенской летописи в точности повторяет дату княжеского съезда (30 июня 6608 г.), отмеченную в предшествующих или родственных летописных текстах (Троицкая летопись, Архивский список свода 1479 г., Никоновская летопись и пр.), но все другие ее списки приводят дату 30 июля 6608 г.¹¹⁵ Владимирский летописец в известиях конца XII – начала XIII в. систематически переставляет названия двух первых летних месяцев в сравнении с более ранними северо-восточными текстами

¹¹³ ПСРЛ. Т. 24. С. 87, 90.

¹¹⁴ К. [Куник А.А.] О признании 1223 года... С. 784.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 7. С. 17, прим. «к»; Т. 9. СПб., 1862. С. 136–137; Приселков М.Д. Троицкая летопись. С. 195, прим. 3.

Въ лѣто 6616. Прѣставися архиепископъ новгородскыи Никита, мѣсяца генваря въ 30, а на весну [вѣтъ ·л̄· а на веснѣ] почяша пѣсати святую Софию¹¹⁹.

По аналогии с этим случаем вполне обоснованно предполагаем, что первоначальная дата битвы «·л̄а· мая» могла под пером переписчика приобрести вторичный вид «·л̄· мая».

Нельзя при этом исключать и возможности обратной трансформации. Удлиненное титло над цифрой ·л̄· в позднейшем восприятии могло «притянуть» к ней последующий союз «а», создав число ·л̄а·. На такую возможность указывает упорное повторение числа 30 января как даты смерти новгородского епископа Никиты в поздних местных памятниках, которые восходили к древнейшим перечням новгородских иерархов (ссылаемся на только что приведенный пример 6616 г. Новгородской 1-й летописи). Ее мы встречаем в «Летописце новгородским церквамъ Божиимъ» (Новгородская 3-я летопись):

В лѣто 6615. Преставися в Великомъ Новѣградѣ епископъ Никита, мѣсяца генваря в 30 день, и положенъ бысть в придѣлѣ у святыя Софіи... И того же лѣта, на весну, начаша подписывати святую Софию¹²⁰.

Она же находится в сложной компиляции Новгородской 2-й летописи:

В лѣто 6604-го. Поставлен бысть епископ Новугороду Никита, и бысть въ епископии лѣт 13, и преставися генваря въ 30 день и положен бысть во святѣи Софѣи¹²¹.

Поскольку новгородская летописная традиция уверенно связывает смерть епископа Никиты с предпоследним январским днем, мы можем считать число 31 января из Комиссионного списка увеличенным на одно значение поздним редактированием.

Итак, и ·л̄а· и ·л̄· могли появиться на страницах летописей как графические ошибки. Возможно, однако, и другое объяснение, предполагающее изменение первоначальной майской даты в процессе специального хронологического редактирования, которое целенаправленно меняло число 31 на 30. На эту

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 3. Вып. 2. СПб., 1879. С. 187.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 30. С. 197.

возможность указывает намеренно «ошибочная» и уже не раз упоминаемая здесь датировка битвы в Лаврентьевской летописи:

В лѣтѣ · ̅̅ · ѿ · ̅̅ · лѣ · ... се же сѧ зло склучи · мѣа мая · въ · ̅̅ · н памѧ ста мѣа ·
Еремиа¹²².

Преднамеренность ошибки проявляется в том, что память мученика Ермия в XI – XIII вв. приходилась не на 30, а на 31 мая. Так она располагается в служебных минеях этого времени

(Въ ла̅ · стаго м̅ника Юрьмиа¹²³)

и в «летописных» святцах, например:

Въ лѣто 6695. Поставленъ бысть архиепоископъ новгородьскый Гаврила...,
и приде Новугороду мѣсяца мая въ 31, на святого мученика Ермиа¹²⁴.

Получается, что в первоначальном варианте сочетание календарных элементов было таким, как оно зафиксировано в Новгородской 1-й летописи:

В лѣто 6732... Сиа же злоба створися мѣсяца мая въ 31, на память святого
пророка Еремѣя¹²⁵.

Затем число 31 было изменено на 30, но при этом память святого вошла в новую дату без изменений. Иначе говоря, редактор первоначальной майской даты целенаправленно изменил ее юлианскую часть (вместо 31 записал 30), но не имел намерения, навыков или простых знаний для изменения дополнения по святцам. В той части Лаврентьевской летописи, где содержится дата Калкской битвы, довольно часто встречаются календарные даты, в которых юлианские числа противоречат показаниям святцев, при этом становится ясным, что ошибки не возникали в результате описок. Так, к примеру:

Лаврентьевская летопись

В лѣтѣ · ̅̅ · ѿ · ̅̅ · з̅... бл̅гвѣр̅ныи и х̅лю̅бивыи
кназь великий Всеволодъ... възвратисѧ в Во-
лодимерь · и вниде мѣа · иуна · въ · ̅̅ · дн̅ь · на
памѧ ста мѣа Дорофѣя еппа...
В лѣтѣ · ̅̅ · ѿ · ̅̅ · з̅. Посла благовѣр̅ныи и х̅лю̅-
бивыи князь великий Всеволодъ... сн̅а сво-
его Юрослава · в Переяславль... въ · ̅̅ · дн̅ь ·

Показания святцев

Память св. Дорофея 5 июня

Память этих святых 3 августа

¹²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445, 447.

¹²³ Срезневский И.И. Древний русский календарь по месячным минеям XI–XIV вв. // Христианские древности и археология. Кн. 7. СПб., 1863. С. 16.

¹²⁴ НПЛ. С. 38.

¹²⁵ Там же. С. 264, 267.

на памѣ стхъ ѿцѣ Далмата· Фаоуста· и Иса-
киа...

В лѣтѣ 72 · ѿ · ѿ · дѣ · ... Того · мѣца [марта] въ · дѣ ·
днѣ · стго ѿца Фомы · патриарха Константина
града...

Память патриарха Константина
21 марта

В лѣтѣ 72 · ѿ · ѿ · ки · ... Того · лѣтѣ · Престависа мит-
рополитъ Къиевскыи Матфѣи · мѣца авгѣ ·
въ · ѿи · на памѣ · стго Анрыана и Натальи...

Память этих святых 26 августа¹²⁶

Понять смысл целенаправленного изменения числа 31 мая на 30 мая можно с помощью предположения о том, что в первоначальной майской записи (31 мая) рядом с юлианским числом и памятью святого присутствовало и указание на день недели, пересчитанное затем на юлианское число другой системы времяисчисления. Допустим, например, что начальное календарное показание относилось к 6731 г. самой распространенной на Руси константинопольской эры летосчисления (от С. М. до Р. Х. 5508 лет); в ультрамартовском 6731 г. этой эры (март 1222 г. – февраль 1223 г.) 31 мая, день св. Ермия, был вторником. Редактор-переписчик, принявший этот год за сентябрьский (сентябрь 1222 г. – август 1223 г.) или мартовский (март 1223 г. – февраль 1224 г.), усмотрел в юлианском числе «ошибку», так как, по его представлениям, последний вторник мая 6731 г. приходился на 30 число этого месяца. Исправив «ошибку» (заменяв 31 мая на 30 мая), он все же без изменений приписал к новому числу память святого, поскольку, видимо, не был хорошо знаком с календарным расписанием святцев.

Итак, обоснованно предполагаем, что только две календарные даты (31 мая и 16 июня) могли совмещаться с тем годовым показанием (6731 г.), которое содержалось в древнейшей и начальной записи сообщения о битве на Калке, т.е. возможными являются только два сочетания годовых и календарных датирующих элементов – 31 мая 6731 г. или 16 июня 6731 г.

Что общего между этими юлианскими числами, разделенными между собой более чем полумесячным интервалом времени? Можно, конечно, поставить

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 416, 424, 445; Сергей (Спасский И.А.), архимандрит. Полный месяцеслов Востока. Т. II: Святой Восток. М., 1876.

цель связать оба календарных числа в рамках единого эпизода истории бурных событий, происходивших в Причерноморских степях в 20-е гг. XIII в., но тогда придется окунуться в тщательное и местами мелочное восстановление величины относительных интервалов летописного рассказа о монголо-половецко-русском конфликте, завершившимся сражением на берегах Калки. Мы уже указывали на то, что невозможно связать в единую хронологическую цепь «все-летное», а также седмичное и относительное дневные показания Ипатьевской летописи

(придоша мѣа априла . . . к рѣцѣ Днѣпроу . . . перѣдоша же Днѣпръ во днѣ во вторникѣ . . . Ѡтоудоу же идоша .и. днѣ до рѣцѣ Калкъ¹²⁷),

В построении относительной цепи событий мы запутаемся еще более, если попробуем совместить «ипатьевские» показания с информацией о 12-дневном степном продвижении русских (по Ибн ал-Асиру и Длугошу), о трехдневной обороне «лагеря» Мстислава Романовича, да еще и об общении русских с монгольскими послами (см. 1.4). Сами тексты указывают на невозможность относительной связи майской и июньской дат, никогда не соединяя их в рамках единой летописной статьи. Впрочем, слово «никогда» не имеет абсолютного значения, потому что такое соединение отмечается все же в двух источниках.

Тверской летописный сборник, заключая длительный и весьма сбивчивый рассказ о битве, приводит такой комплекс датирующих показаний:

А Володимеръ Руриковичь . . . сѣде въ Кіевѣ, мѣсяца іюня 16 день. А злоба случилася мѣсяца маа 30¹²⁸.

Уже само нарушение правильной календарной последовательности дат указывает на грубую компиляцию, что и подтверждает общую характеристику этого составного произведения. Другими словами, искусственно соединяя даты 16 июня и 30 мая, Тверской сборник лишний раз подтверждает их «автономное» существование на страницах различных произведений.

Такая же поздняя и не менее сложная компиляция, как Густынская летопись, повторяет ситуацию разделения дат, соблюдая, правда, их календарную

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741–743.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 343.

очередность. Но и здесь неестественность соединения подтверждается, во-первых, двойным упоминанием события и, во-вторых, разделением второго рассказа на две годовые статьи, что указывает на «вливание» в состав южно-русского летописного произведения двух, как минимум, источников, которые и могли «принести» с собой разные календарные числа:

Татаре... а русские лѣтописцы в лѣто 1224, иже пришедше...

В лѣто 6732. 1224... Прийде бо въ сия наша страны нѣкий... варварский народъ... глаголемый Татаре...

В лѣто 6733. 1225... И бысть тогда на рускихъ князей такова побѣда мая 30... По сем побои седе на княжении Киевскомъ Володимерь Рурикович в тое лѣто июня 16¹²⁹.

Все эти очевидные текстологические несуразности не помешали, однако, в свое время А.Б. Салтыкову положиться на такую очередность событий (см. 1.4), потому что она, во-первых, предоставляла ему удобную возможность доказать свою версию калкской хронологии и, кроме того, давала повод освободиться от нелегкого историко-хронологического изучения противоречивых календарных показаний. Нам же становится понятным, что, признавая текстовую «независимость» друг от друга двух календарных показаний (31 мая и 16 июня), следует обнаружить их взаимную связь, потому что битва на Калке занимала вполне определенное место в историческом времени (один день), и это создает необходимость понимания причин различного датирования этого дня в источниках.

Выясняется, что обе календарные даты, разделенные полумесячным сроком, отражали два варианта пересчета на числа юлианского календаря одного и того же показания пасхального календаря – вторник второй седмицы после праздника Пятидесятницы 6731 г. от С.М. Именно в такой форме, по нашему мнению, и была записана первоначальная дата русско-монгольской битвы на Калке.

Такое предположение не является искусственным. Древнерусские источники показывают, что довольно часто первичные хронологические показания (письменные или устные) обозначались днями недели пред- или послепасхаль-

---

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 40. С. 23, 115, 116.

ных седмиц, помещенных рядом с юлианскими числами или даже отдельно от них, что вполне объяснимо: обозначение дней недели всего года велось не так, как в наше время (от дня недели, соответствующего числу 1 января), а от пасхального воскресного дня, т.е. по расписанию напрестольных евангелий. Позднейшее редактирование летописных текстов зачастую «стирало» такую форму датирования, систематически избавляясь от нее в процессе переписки протографов. Переписчики, видимо, считали ее громоздкой и поэтому убирали ее со страниц текстов или же, реже, трансформировали в юлианские даты; тем не менее мы достаточно часто встречаем пасхально-седмичные показания на страницах летописей.

Можно понять, что такой способ определения дней недели распространился на все части «летописных» годов, имея при этом некоторые отличия от расписания апракосов.

В обозначении седмичных дней, предшествовавших Великому посту, использовалась терминология начальной части календаря пасхального года:

Лаврентьевская летопись – «во вторни̑ · прѣ̑ ма̑пу̑ за̑ нѣлю̑»; «ма̑спу̑ное̑ недѣ̑ · во̑ вто̑р̑»; «В̑ сѣ̑ · ма̑спу̑ю̑... В̑ нѣлю̑ ма̑пу̑ю̑»; «в̑ с̑ре̑ сырно̑ нѣ̑ли̑»; Ипатьевская летопись - «в̑ нѣлю̑ же̑ ма̑поу̑ною̑ на̑ ночь̑»; Новгородская 1-я летопись - «в̑ недѣ̑лю̑ фарисѣ̑скую̑»; «в̑ недѣ̑лю̑ мясо̑пустную̑»; Новгородская 2-я летопись - «в̑ недѣ̑лю̑ блудно̑ сына̑ за̑ две̑ недѣ̑ли̑ до̑ велика̑го̑ поста̑»¹³⁰, и многие др.

Уже первая семидневка Великого поста становилась важным ориентиром для датирования событий:

Лаврентьевская летопись – «в̑ поне̑д̑ни̑ · Фе̑одоро̑вѣ̑ недѣ̑ли̑»; Новгородская 1-я летопись - «в̑ субботу̑ 1̑ поста̑»; «при̑еха̑ князь̑ Семеонъ̑ в̑ Новѣ̑го̑ - род... на̑ Федоро̑вѣ̑ недѣ̑ли̑, на̑ Збор... побы̑въ̑ 3̑ недѣ̑ли̑ в̑ Новѣ̑городѣ̑»¹³¹, и др.

В летописях мы встречаем такую же россыпь названий дней других великопостных семидневок, при этом используется как их числовая нумерация

(«в̑ пяток̑ 4̑ недѣ̑ли̑ поста̑», «в̑ 5-ю̑ недѣ̑лю̑ поста̑», «в̑ велики̑и̑ пост̑ на̑ шесто̑и̑ недѣ̑ли̑»),

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 374, 428, 461; Т. 2. Стб. 317; Т. 30. 163; НПЛ. С. 51, 383.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 385; НПЛ. С.97, 358.

так и ритуальные названия

(«в субботу Лазореву», «в срѣ · Бервное недѣли», «к великоу днѣ на веребни - цю», «въ днѣ патокъ на Похвалоу стѣи Бѣи»),

а также их относительный счет:

«за недѣлю до цвѣтной недѣли», «в препловление стѣ поста · еда творим покло - ненке чѣному крѣту», «в великоѣ говѣние в самое средохрестие», «пятой не - дѣли великого поста за две недѣли Христова дни»¹³².

Последняя великопостная седмица

(«стрѣныае нѣлі. въ срѣ», «в великии четверток на страстной недѣли», «В сѣтѣ стрѣныае нѣли» и др.)

выводила счет дней недели на новый ориентир – воскресенье Пасхи Христовой.

Каждая из семидневок, входящих в промежуток времени Пасха – Троица, широко отражалась в летописных источниках. Уже первая из них часто упоминается в летописных датах («во вторнѣ. праздныѣ нѣли.», «после велице дни в среду» и многие др.), которые, кстати, иногда плавно переводят счет от Празд - ной недели к следующей:

«На стѣи нѣ в соѣ · на ночь ѡсвитаюци нѣли Фоминѣ», «в нѣлю. Антипа^{ка} :: Тоѣ нѣ Фоми въ срѣ»¹³³.

Следующие послепасхальные седмицы также часто становились ориентирами для выражения летописных дат:

Фомина неделя –	«по велицѣ дни Фоминѣ исходячее»; «по Велицѣ дни к нѣ Фоминѣ»; «въ вѣтрюю недѣлю по велице дни»;
Неделя Мироносиц –	«в недѣлю после велица дни в 3 недѣлю жены миро - носици», «в нѣлю · стѣхъ мироносицъ по па.»;
Неделя о расслабленном –	«4 недели послѣ велица дни во вторник»; «после ве - лица дни 4 недели в четверток»; «в патѣ · д · нѣ · по пасцѣ»;
Неделя о самарянине –	«в пак · е · нѣ. по Пасцѣ»; «въ пятѣк по велицѣ дни 5 недѣли»
Неделя о слепом –	«после Велица дни на шестой недѣли»
Неделя свв. отцов Никей-	«в четверток седмой недѣли по велице дни»; «В днѣ

¹³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 406, 449; Т. 2. Стб. 340; Т. 30. С. 151, 158, 174, 188, 189; НПЛ. С. 89, 94, 376.

¹³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456, 484; Т. 30. С. 148.

ского собора – вскрнѣ Гнѣ [в воскресный день недели] въ Сборь стхъ ѡць ·з· нѣ по па»¹³⁴.

Согласно апракосному расписанию, следующим и уже бесменным до конца пасхального года ориентиром для нумерации седмиц должна быть Троица, и эту границу также отразили летописные даты:

«въ пятокъ пред Сшествием святого духа», «на троицин день», «на Духовъ день»¹³⁵ и др.,

правда, некоторые показания с удивительной небрежностью старались выйти за эти границы:

«на ·и· нѣли· в патѣ по Паѣ», «въ пяток 8 недѣли по па<с>ке»¹³⁶,

хотя восьмая послепасхальная семидневка – это уже первая седмица после Троицы. Вполне определенно можно утверждать, что летописное датирование не использовало сплошного счета всех последующих семидневок от Пятидесятницы и до начала следующего пасхального года. Непрерывный пентикостный отсчет седмиц, удобный для внутренней церковно-монастырской жизни, вызывал сложности в иных сферах деятельности древнерусских людей, особенно если не имелось постоянной возможности сверяться с расписанием на престольных Евангелий. Троица как ориентир недельного счета в летописных известиях упоминается только в отношении первых семи («въ вторник на Троицькой недѣли», и др.), максимум – 14-и следующих за ней дней («въ недѣлю Всехъ святыхъ»)¹³⁷, а затем, по мере удаления от этой вехи, в структуре пасхального года отыскивались иные опорные точки. Несомненно, что в качестве таковой выступал Петров пост, причем счет от него велся в различной форме – и виде сплошной нумерации дней («въ 8 день Петрова поста»), и в виде перечисления семидневок Петрова заговения:

«вторник на 1 недели Пе<т>рова поста»; «в понедельник в Петров пост на второй недѣли»; «в Петров пост трете недѣли вторник»; «в четверток 4 недѣли Петрова поста»; «по зборѣ за недѣлю... до Петрова дни»,

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435, 454, 456, 482; Т. 3. С. 36; Т. 30. С. 151, 163, 196; НПЛ. С. 33, 68, 69, и многие др.

¹³⁵ НПЛ. С. 91, 399; ПСРЛ. Т. 30. С. 142.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485; Т. 30. С. 152.

¹³⁷ НПЛ. С. 41, 351.

и даже в виде последующего отсчета седмиц:

«по Петровѣ постѣ в четвѣ», «в пятницу 4 недѣли от Петрова поста».¹³⁸

Такую же функцию, без сомнения, выполнял и Рождественский (Филиппов) пост («в пяток 5 недели Филипова говѣйна»), а также некоторые стабильные месяцесловные праздники:

«в пяток во воздвижения честнаго креста за три дня, до покрова святой богородицы за три недиле»; «мѣсяца октября... в среду на Дмитреевско<и> недѣли», «в среду до Николина дни за три дни»¹³⁹.

Итак, не вызывает сомнений факт применения в древнерусской письменности отсчета недельных дней относительно ориентиров пасхального годового календаря. Очевидно также и то, что многие датирующие записи первоначально обозначались в источниках только в пасхально-недельной форме без применения юлианских календарных элементов. Поздние переписчики старались переводить эти записи в юлианскую форму, руководствуясь либо собственными пристрастиями, либо стандартами оформления текстов. В процессе такой трансформации и появлялись многочисленные несинхронные показания, исследование которых поможет установить истинную хронологию давних событий.

Достаточно часто мы обнаруживаем в летописных текстах противоречивые, казалось бы, юлианские даты отдельных событий, появление которых объясняется существованием первоначальной пасхально-календарной основы, исчезнувшей затем в процессе редактирования.

В статье 6616 г. «Повести временных лет» говорится о смерти Екатерины Всеволодовны, причем, южнорусские списки датируют ее 24 июля, а Лаврентьевский список – 11 июля. Еще А.А. Шахматов справедливо заметил, что «лаврентьевский» комплекс статьи 6616 г. содержит хронологическую ошибку: он открывается датой 11 июля, затем излагаются еще три события, а потом пишется о смерти княгини опять же 11 июля. В сравнении с ним «ипатьевский» ком-

¹³⁸ *НПЛ*. С. 372; *ПСРЛ*. Т. 1. Стб. 486; Т. 30. С. 158, 161, 162, 180, 196.

¹³⁹ *ПСРЛ*. Т. 3. С. 98; Т. 30. С. 151, 157, 175.

года, в результате чего получилось юлианское число 18 августа, и датирующее показание приобрело такой вид:

В лѢ · ꙗ̄ · х̄ · кг · ... В том же лѢ · престависа Шлѣгь Сѣославичь · в <иѣ> днѣ ·
авгѹ · мѣа¹⁴³ .

Возвращаясь к калкской теме, заявим, что и здесь мы сталкиваемся с подобной ситуацией. Предполагаемая начальная и, к сожалению, несохранившаяся запись о битве (6731 г., вторник второй седмицы по Пятидесятнице) в одном случае была адаптирована поздним редактором под свои хронологические представления, которые мы сейчас может характеризовать как счет по годам константинопольской эры от С. М. (5509 лет до Р. Х.), совмещенный с ультрамартовским календарным стилем. В границах такого 6731 г. (март 1222 г. – февраль 1223 г.) второй после Пятидесятницы вторник приходился на 31 мая 1222 г. Кстати, ранее мы уже отмечали возможность проявления константинопольских ультрамартовских элементов в появлении майского варианта даты. Во втором варианте 6731 г. был принят годом так называемой византийско-болгарской эры летосчисления (от С. М. до Р. Х. 5505 лет); этот год соответствует такому промежутку нашего времяисчисления – март 1226 г. – февраль 1227 г., и его второй после Пятидесятницы вторник выпадал на 16 июня 1226 г.

Итак, мы предполагаем, что первоначальная календарная дата 6731 г. в рассказе о Калкской битве была записана с использованием элементов пасхально-седмичного (вторник второй седмицы по Пятидесятнице) и юлианского (31 мая или 16 июня?) календарей, а дальнейшее ее редактирование «потеряло» первую часть обозначений и привело к модификации одного из двух указанных чисел в другое. Остается решить вопрос о том, какая же из двух дат (майская или июньская) была изначальной, иначе говоря, в каком году на самом деле произошло первое русско-монгольское сражение – в 1222 г. (если мы принимаем дату 31 мая) или в 1226 г. (16 июня)?

---

¹⁴³ В Лаврентьевской летописи – 8 августа, но это – явный пропуск десяткового числа, написанного, скорее всего, отдельно от числа единиц. Во всех других северо-восточных памятниках встречается все же 18 августа (ср.: *ПСРЛ*. Т. 1. Стб. 290, прим. 37; Т. 7. С. 23; Т. 30. С. 57; и др.).

1.6. Окончательное решение проблемы

6731-й номер года, переводимый на наше летосчисление как 1226 г., мог быть высчитан по так называемой византийско-болгарской эре летосчисления, предполагавшей интервал в 5505 лет между С. М. и Р. Х. По этому счету 6731 г. этой эры соответствовал марту 1226 г. – февралю 1227 г., и в пределах этого отрезка времени второй послепятничностный вторник был 16 июня 1226 г.

Для придания убедительности своим выводам мы должны доказать, что такая эра не была необычным явлением в древней христианской письменности. Историография ее изучения представляет ситуацию неоднократного обнаружения учеными разных поколений ее следов в различных древнерусских памятниках и упорного игнорирования этих открытий их коллегами, «закостеневшими» в идее об исключительном применении константинопольской эры (от С. М. до Р. Х. 5509–5508 лет).

Еще в начале XX в. В.Н. Златарский обнаружил ее проявление в византийских и болгарских известиях «Повести временных лет» и обоснованно предположил, что русский летописец заимствовал ее из западной православной хронографической письменности, в связи с чем и назвал эту эру условно «старовизантийской»¹⁴⁴, хотя это наименование упускает ее употребление на берегах Дуная (поэтому мы предлагаем именовать ее «византийско-болгарской»). Современники и ближайшие последователи болгарского ученого не обратили, однако, внимания на его вывод. Несколько десятилетий спустя А.Г. Кузьмин не только подтвердил правильность наблюдений В.Н. Златарского, но и расширил список следов проявления этой летосчислительной системы в древнейшем рус-

---

¹⁴⁴ *Златарский В.Н.* Имали ли ся българите свое летоброение? // Списание на Българската Академия на науките. Кн. 1: Клонъ историко-филологиченъ и философско-общественъ. 1. София, 1911. С. 75–78; *он же.* Болгарское летосчисление // ИОРЯС. Т. XVII. Кн. 2. 1912. С. 50–59.

ском летописании¹⁴⁵, но на фоне общего критического восприятия исследований этого ученого и его наблюдения остались без внимания. Еще более полный перечень конкретных примеров употребления византийско-болгарского счета лет привел недавно один из авторов этой книги¹⁴⁶, после чего оказалось невозможным игнорировать знакомство древнерусских авторов с этим способом времяисчисления. Однако упрямое желание сохранить традиционную мысль об исключительности константинопольского счета в исторической письменности породило хитрое утверждение о том, что интервал в 5005 лет имел только ритуальное применение, при этом не исключалась возможность его появления в результате искажения богослужебного текста: дата Р. Х. «лѣто ѿѣфѣ (5500-е)» при переписке могла превратиться в «лѣто ѿѣфѣ (5505)». Так, А.А. Романова утверждает:

С.В. Цыб, вслед за А.Г. Кузьминым, ... выделяет так называемую византийско-болгарскую эру (от сотворения мира до Р. Х. 5505 лет), однако летописные доказательства существования последней... неубедительны (указание на то, что Рождество Иисуса Христа в Следованной Псалтири датируется 5505 г., ошибочно – стандартным для печатных изданий является указание на то, что Христос родился в лето ѿѣфѣ, т. е. не в 5505, а в 5500-е)¹⁴⁷.

Вероятно, именно так, механически и неосознанно, византийско-болгарский интервал лет и применялся в записях образца «Слова на Успение св. Владчицы Богородицы» и Тверского сборника

(«в недѣлю приа блгвѣщеніе мѣря двѣа от гаврила» [25 марта было воскресным днем в 5505 г. от С.М.], «купно же отъ Адама до Христа 5505 лет»¹⁴⁸)

или в тексте одного из богословских писем XV в.

(Нъ понеже писания плотскому смотрению Спасову в послѣднія дни явишася быти, еже и бысть по 5000 и 500 и 6 лет»¹⁴⁹),

¹⁴⁵ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 253–257, 261–263, 294 - 295.

¹⁴⁶ Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление... С. 182–188.

¹⁴⁷ Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 20–21, прим. 59.

¹⁴⁸ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1. М., 1988. С. 174; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 11. Впрочем, тот же памятник в «Речи философа» повторяет дату Рождества из «Повести временных лет» – 5500 г. от С. М. (там же. Стб. 96).

но многочисленные летописные показания не оставляют сомнения в практическом его использовании при описании и датировании исторических событий.

Так, в сообщениях второй половины X – XI в. в русских летописях систематически отмечаются разнотированные повторы известий или несинхронные их описания на страницах различных произведений, причем в обоих случаях разница в датах составляет 3–4 года, что соответствует разнице между годовыми показаниями византийско-болгарской и константинопольской эр (5505 – 5506 лет и 5508 – 5509 лет соответственно)¹⁵⁰.

В новгородской письменности византийско-болгарские даты впервые появляются при датировании сообщений первой половины XI в., а позднейшие относятся к XV в. К примеру, «Житие Михаила Клопского» так описывает строительство каменной церкви в монастыре на Клове:

И основа храм в лето 6931-е апреля 22... А совершен бысть храм живоначальныя Троица в лето 6932-е, сентября 24...¹⁵¹

Новгородские летописи датируют это событие иначе:

В лѣто 6927... постави... Феодосии игумень святую Троицу церковь камену на Клопскѣ въ 60 днии¹⁵²,

и разница годовых показаний (6927 и 6931), несомненно, указывает на то, что меньшее из них византийско-болгарское, а большее константинопольское. Игнорировать все эти показания источников невозможно, поэтому следует признать достаточное широкое употребление эры в 5505 лет в древнерусской хроникальной письменности.

Для нас самым важным становится тот факт, что стабильный «слой» византийско-болгарских дат прослеживается в северо-восточном летописании при изложении известий конца XII – начала XIII в., т.е. в той части, где располагается и сообщение о битве на Калке.

¹⁴⁹ *Плигузов А.И., Тихонюк И.А.* Послание Дмитрия Траханиотова новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // *Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет, символика чисел, «отреченные» книги, астрология, минералогия.* М., 1988. С. 73.

¹⁵⁰ *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление... С. 106–151, табл. 11–13.

¹⁵¹ *Изборник: Сборник произведений Древней Руси.* М., 1969. С. 420.

¹⁵² *НПЛ.* С. 412; *ПСРЛ.* Т. 3. С. 261; Т. 4. С. 426.

Первое проявление этого архаичного пласта демонстрирует разница в датировании известия об основании Переяславля-Залесского. Большинство летописей, восходящих к северо-восточному летописанию и описывающих это событие, датируют его так:

В лѣтѣ ·ꙗ·х·г· [в некоторых памятниках 6702 г.]... Того лѣта заложи блго-
вѣрныи и хоблюбивыи князь Всеволодъ Юргевъ гра Переяславль·мѣа·
иула· въ ·кѣ· днѣ¹⁵³.

Вполне обоснованно можно сомневаться в точности этой даты, так как воскресным днем недели, когда только и происходили торжественные церемонии начала строительства, 29 июля было лишь в 1190 г., который никак не согласуется с 6702 – 6703 гг. Синодальный список Владимирского летописца относит это событие однако к 29 июня 6702 г.¹⁵⁴, что принципиально меняет характеристику даты: предпоследний день июня был воскресным в 1197 г., или 6702 византийско-болгарском году (сентябрь 1196 г. – август 1197 г.). Вспомним, что взаимная замена месяцев июня и июля был типичной ошибкой древнерусских переписчиков (см. 1. 5).

Вторым моментом, сигнализирующим о наличии византийско-болгарского летосчисления в древнем северо-восточном летописании, является трехлетняя разница между дублированным в Радзивилловской и Суздальской летописях сообщением о замирении князей Всеволода и Рюрика:

В лѣтѣ ·ꙗ·х·д·... <Г>ого лѣта исходѣ · февръ въ ·с·... целова Рюрик к вели-
комꙋ кнзю Всеволодꙋ... крѣть целоваль... В лѣтѣ ·ꙗ·х·д·... Фе ·с· днѣ... цело-
ваша крѣть Улговѣ · к великомꙋ кнзю Всволоу¹⁵⁵.

Десятидневная разница календарных дат указывает, видимо, на типичный для древнерусских переписчиков пропуск числа десятков в датах, записанных в смешанной словесно-цифровой форме¹⁵⁶.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412; ср.: Т. 15. Вып. 1. С. 24; Т. 18. С. 35; Т. 23. С. 56; Т. 20. С. 139.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 30. С. 78.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 419, 421, прим. «д».

¹⁵⁶ Об этом см.: Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление... С. 46–50.

Следующий и весьма убедительный случай проявления старинной византийско-болгарской хронологической основы свода 1305 г. (протограф Лаврентьевской и родственных ей летописей) обнаруживает известие о смерти князя Всеволода Большое Гнездо. Относя ее 6720 г. или к «увеличенному» 6721 г. (см. 1. 4) некоторые летописи указывают еще и слово «индикт»:

«В лѣтѣ · ꙗ·ѡ·ѡ·к· индикта · мѣца · априла · въ · г҃ѣ · на памѣ · с҃та · **М**артина папы Римска · Престависа великыи кнѧ Всеволодъ»; «Въ лѣто 6721, индикта мѣсяца Априля въ 18 день, на память святого Мартына, папы Римскаго, престависа великыи князь Всеволодъ»¹⁵⁷.

Несомненно, что в первоначальном летописном тексте было полное индиктовое обозначение, но затем оно подверглось сокращению. Такие случаи нам известны на примере «Повести временных лет», и каждый раз они объяснялись тем, что позднейшим редакторам летописного текста были непонятны индиктовые номера, проставленные их предшественниками рядом с годами, вычисленными оригинальными способами времяисчисления. Такая ситуация наблюдается, к примеру, в статьях 6615 и 6620 гг. «Повести...», где индикты были вычислены по первоначальным годовым датам константинопольской эры в постмартовском календарном варианте (от С.М. до Р. X. 5507 лет), а переписчики, использовавшие мартовский календарный стиль, сократили «ошибочные» с их точки зрения, числовые обозначения, оставив в тексте только слово «индикт»¹⁵⁸. В нашем случае, однако, первоначальный номер индикта сохранился на страницах одного из поздних списков северо-восточной летописной традиции (Владимирский летописец):

В лѣто 6721. Престависа князь великий Всеволод Юрьевичь... индикта 4 мѣсяца априля 13 день¹⁵⁹.

Это хронологическое показание позволяет восстановить первоначальную дату и понять причину сокращения индиктового числа. Приверженцам константинопольского летосчисления, к каковым относились редакторы текста 1305 г., четвертый номер индикта показался ошибкой, поскольку он соответствовал не

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436; Т. 18. С. 47.

¹⁵⁸ Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление... С. 21–23, 25–27, 182.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 30. С. 83.

6721 или 6720 константинопольским годам (1211–1213 г.), а 6724 году этой эры (1215–1216 г.). Однако тот же самый индиктовый отрезок времени (1 сентября 1215 г. – 31 августа 1216 г.) совершенно правильно был соединен кем-то из летописцев XIII в. с 6720-м византийско-болгарским годом сентябрьского (сентябрь 1215 г. – август 1216 г.) или мартовского (март 1216 г. – февраль 1217 г.) календарных стилей. Таким образом, получается, что годом смерти Всеволода Юрьевича был не 1212 г., как это считалось до сих пор, а 1216 г.

Наличие византийско-болгарского слоя выявляется и при сравнении календарных дат смерти этого сына Юрия Долгорукого. Выясняется несостоятельность традиционной даты этого события (13 апреля). Сразу заметно, что ее содержат те северо-восточные летописи, которые, как мы только что выяснили, вносили изменения в старинную владими́ро-суздальскую летописную хронологию (сокращение номера индикта). Оригинальное показание Симеоновской летописи («мѣсяца Априля въ 18 день») является, по всей видимости, ошибкой, так как следом за ним, подобно Лаврентьевской летописи, отмечается «память святого Мартына, папы Римскаго», которая в месяцесловах всегда соответствовала 14 апреля¹⁶⁰. Совсем иначе трактуется показание Пискаревского летописца. Состав этого памятника окончательно еще не изучен, но несомненно, что в описании событий начала XIII в. он передает достаточно древние северо-восточные известия, иногда совпадающие с известиями свода 1305 г., но иногда от них отличные. Здесь сообщается:

В лето 6720 преставися великий князь Дмитрий Всеволод Юрьевич апреля 15¹⁶¹.

Появление числа 15 можно, конечно, объяснить графической ошибкой (число ·іѣ· могло трансформироваться в ·іг· или наоборот), хотя аналогичных случаев нам не известно. Вспомнив, однако, о присутствии в сообщениях этой летописной статьи относительно древнего византийско-болгарского «слоя», мы пред-

---

¹⁶⁰ *Сергий (Спасский И.А.), архимандрит.* Полный месяцеслов Востока. С. 95, 106, 143. Ошибочное присоединение к дате 13 апреля памяти папы Мартина, празднуемой днем позже, случилось, вероятно, потому, что святой римский исповедник по созвучию имен попал на календарное место св. Мартирия.

¹⁶¹ *ПСРЛ.* Т. 34. М., 1978. С. 82.

почтем иной вариант объяснения. Календарная дата Пискаревского летописца указывает на 6720 византийско-болгарский год (сентябрь 1215 г. – август 1216 г.), в пределах которого 15 апреля было пятницей, что и отметила, вероятнее всего, первоначальная запись о смерти князя. Познейший же редактор «спроецировал» эту пятницу на апрель 6720 константинопольского года (сентябрь 1211 г. – август 1213 г.) и определил, что пятницей в этом году было 13-е число апреля. В Воскресенской летописи мы наблюдаем иной путь приспособления первоначальной византийско-болгарской юлианской даты (15 апреля) под структуру константинопольского времяисчисления, когда менялось не календарное число, а обозначение дня недели:

Въ лѣто 6720. Преставися благовѣрный христоролюбивый великій князь Всеволодь, ... априля 15, ... въ день недѣльный¹⁶².

Составитель Никоновской летописи постарался привести это показание в соответствии со святцами (память Мартина – 14 апреля) и поэтому получил совершенно искусственную и неточную с календарной точки зрения дату:

Въ лѣто 6721. Преставился кязь велики Всеволодь, ... мѣсяца Апрѣля въ 14 день, на память святаго исповѣдника Мартына папы Римскаго, в недѣлю¹⁶³.

В Тверском сборнике к дате 15 апреля прибавлены «правильные», т. е. поминаемые в этот день святые:

Въ лѣто 6720... апрля 15, на память святыхъ апостоль Аристаха, <Пуда и Трофима>, преставися благовѣрный князь великій Всеволодь Юрьевичь¹⁶⁴.

Некоторые летописные некрологи определяют общий срок княжения Всеволода во Владимиро-Суздальской земле так:

«Престависа велі́кыи кнѧ́ Всеволодь·... кнаживъ· в Суждальстѣи земли лѣ̆ ·л̆ ·и ·з̆·»; «И бысть всѣхъ лѣтъ княженіа Всеволожа 30 и 7 лѣтъ»; «престависа великіи князь Всеволодь, ... княживъ въ Суздальстѣи земли 30 лѣтъ и 7»¹⁶⁵, и др.

Этот расчет выводит нас на 6683 г. или 6684 г. как первый год его правления, что, однако, не подтверждается летописями:

«В лѣ̆ ·з̆ ·х̆ ·п̆̆·... Володимерци же... цѣловаша крѣтъ· ко Всеволоду князю»;

¹⁶² ПСРЛ. Т. 7. С. 117.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 10. С. 64.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 311.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436; Т. 10. С. 65; Т. 18. С. 47.

«Въ лѣта 6685... Володимерци же... целоваша крестъ ко Всеволоду кня - зю»; «В лѣто <6>685... Володимерци же послаша по Всеволоду к Переяславлю, он же въскоре пріде»¹⁶⁶.

Интересно, однако, что в северо-восточном рассказе о вокняжении Всеволода встречаются календарные даты, которые никак не совместимы с константинопольским летосчислением

(В лѣтѣ ·ѣ·х·пс·... В сѣтѣ заходѣщю снѣцю· июнѣ мѣдѣ· въ ·к· днѣ... и Бѣ поможе Всеволоду Юрьевичю· мѣдѣ· июнѣ· въ ·кз· днѣ¹⁶⁷),

что было уже отмечено исследователями прошлых лет¹⁶⁸. Н.Г. Бережков довольно неубедительно пробовал объяснить появление этих дат посторонними факторами (наступление вечера, отражение церковного обряда предпразднования и пр.), но он же подсказал и верный путь решения проблемы:

Если определять год события по указанному сочетанию дня месяца и дня недели, то пришлось бы датировать их... 1170/1 или... 1181/2... годом¹⁶⁹.

Действительно, в древнерусской летосчислительной форме эти календарно-недельные показания должны были относиться к 6678 – 6679 гг. или к 6689 – 6680 гг. константинопольской эры, но подобных дат начала великокняжеской карьеры Всеволода нет ни в одном источнике. Пискаревский летописец, однако, повторяя общепринятую в летописании дату 6685 г., в статье 6686 г. сообщает следующее:

На третии год по убиении от Кучкович Андрея Юрьевича Боголюбскаго пріде... брат его Всеволод... и седе на великое княженъе Владимирское¹⁷⁰.

Этот год (6686-й) действительно согласован с датой убийства Андрея Боголюбского (6683 г. в северо-восточных памятниках) и, если признать его сентябрьским (сентябрь 1181 г. – август 1182 г.) или мартовским (март 1182 г. – февраль 1183 г.) византийско-болгарским годом, будет относить на воскресные дни недели юлианские даты 20 и 27 июня. Думается, что некоторая сложность такого построения, позволяющая заподозрить его искусственность, компенсируется

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379; Т. 20. С. 131; Т. 23. С. 51.

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379, 381–382.

¹⁶⁸ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции... С. 121; *Степанов Н.В.* К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // ЧОИДР. Кн. 4 (235). 1910. С. 17–18.

¹⁶⁹ *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 80, 314, прим.71.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 79.

другими указаниями на систематическое проявление византийско-болгарского летосчисления древнем владими́ро-суздальском летописании.

Еще один едва заметный, но несомненный след византийско-болгарского счета мы находим в текстах редакции 1412 г. (Владимирский летописец и Симеоновская летопись), где в 6727 г. при описании смерти Константина Всеволодовича говорится о том, что было «всехъ лѣтъ житиѧ его 36 лѣтъ». Этот расчет предполагает рождение Константина в 6691 г., тогда как все северо-восточные памятники сообщают:

В лѣтѣ ·ѣ·х·ѡ·д·... В тоѣ лѣтѣ ·тогѡ· мѣсѣ · мая въ ·ви· днѣ ·... В сѣтѣ · роди снѣ оу великаго князѧ Всеволода и нарекоша имя ему въ сѣтѣмъ крѣщени Костѧнтинъ ¹⁷¹.

Получается, что 36-летний возраст князя был высчитан от византийско-болгарской даты его рождения (6691 г.), на три года предшествующей константинопольскому номеру года (6694 г.) и уничтоженной позднейшим редактированием. Примечательно, что в Лаврентьевской летописи после слов «бѣ же всѣ лѣ Костантиновѣ» недоуменный редактор, заметивший несоответствие цифры «36 лет» константинопольской годовой шкале, так и не указал возраст почившего ростовского князя ¹⁷².

Последней в этом ряду древних византийско-болгарских дат конца XII – начала XIII в., преобразованных позднее в константинопольские, является дата битвы на Калке. Нам становится ясно, что в своде 1305 г. отразился какой-то древний, возникший не ранее второй половины 20-х гг. XIII в., летописный источник, появившийся во Владимиро-Суздальской земле и располагавший события по византийско-болгарской годовой шкале. Историко-хронологические выводы в данном случае замечательным образом совпадают с результатами сравнительно-текстологических исследований, согласно которым в своде 1305 г. отразился Владимирский летописный свод 1228 г. ¹⁷³

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 396-297; ср.: ПСРЛ. Т. 18. С. 29; Т. 30. С. 75, 78.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444, прим. «г».

¹⁷³ Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. С. 138-139; Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче. С. 320–321.

Именно в этом летописном памятнике и содержалось письменное сообщение о битве на Калке, полученное, вероятно, от южнорусских информаторов и датированное 16 июня 6731-го византийско-болгарского года (1226 г.) и вторником второй седмицы после Пятидесятницы. Это хронологическое показание стало исходным для формирования всех разнообразных вариантов датировки битвы, что донесли до нас сохранившиеся русские летописи XIV–XVII вв.

Начальным этапом модификации первоначальной даты стала ее переработка в ультрамартовское константинопольское показание, осуществленная, по всей видимости, также в рамках северо-восточной летописной традиции (возможно, в Ростовском своде конца 30-х гг. XIII в., по схеме М.Д. Приселкова). Этот вариант даты (31 мая 6731 г.) отразила Новгородская 1-я летопись (позже номер года был увеличен на единицу). Дальнейшее изменение даты происходило по двум направлениям. Одно из них привело к пересчету ультрамартовского константинопольского показания в мартовское (30 мая 6731 г.), которая и сохранилась на страницах Лаврентьевской летописи, соединившись с краткой редакцией «Повести о битве на Калке». Другая линия изменения была связана с механическим увеличением ультрамартовских годовых показаний на одно обозначение; отчетливее всего эту форму сохранили северо-восточные летописные тексты, восходящие к редакции 1412 г. Именно с этой «увеличинной» датой соединились другие редакции «Повести...», и это соединение отразилось, с одной стороны, в галицко-волынском летописании (Ипатьевская летопись) и, с другой – в поздней новгородской летописной традиции. Что касается последней, то на нее повлияла и самая архаичная версия датировки, что проявилось в виде соединения в своде середины XV в. (протограф Новгородской 4-й, Софийской 1-й и других летописей) юлианского числа 16 июня и 6732 г. Поздние летописные памятники мозаично совмещали датирующие элементы разных линий модификации первоначальной даты, что и привело к появлению самых разнообразных вариантов датировки сражения.

Итак, историко-хронологическое исследование летописных показаний привело нас к выводу о том, что первое сражение русских с монголами случи-

лось 16 июня 1226 г. Предлагая новую версию датирования этого исторического события, заметим, что методика ее обоснования должна вызвать у специалистов бóльшее доверие, нежели противоречивые своими результатами перекрестные сравнения предшественников.

Относительные годовые показания русских источников вряд ли могут оказать решающее влияние на решение вопроса о времени битвы. Неоднократно уже отмечалось, что точность таких расчетов весьма приближительна, поскольку, во-первых, здесь проявлялись многие типичные особенности древнерусского счета (грубое округление «дробных» показателей, включение в счет исходных годов и т. д.)¹⁷⁴ и, во-вторых, они опирались на уже существующие даты от С. М. без учета их принадлежности к той или иной системе времяисчисления. Наглядный пример «достоверности» таких показаний откровенно демонстрирует расчет автора «Задонщины»

(А от Калатьские рати до Момаева побоища 160 лѣт¹⁷⁵),
что заставляет, опираясь на твердую дату Куликовской битвы (1380 г.), относить сражение на Калке к 1220 г. (это, кстати, согласуется с одним из показаний западноевропейской перекрестно-сравнительной линии; см. 1. 3). Ничего не добавляет к нашим знаниям и относительная дата летописей, восходящих к своду 1448 г.

(А отъ взятъ [захват Киева Рюриком Ростиславичем] до Калковского бою лѣтъ 20¹⁷⁶),
потому что она является результатом механического расчета позднего редактора (по А.А. Шахматову, составителя Ростовского владычного свода¹⁷⁷) от давно сформировавшихся летописных показаний (6711 г. – взятие Киева; 6731 г. – битва на Калке).

Тем не менее одно из таких показаний заслуживает внимания. Содержится оно в хронографическом сочинении «Летописец вскоре» патриарха Никифо-

¹⁷⁴ Подробнее об особенностях древнерусского относительного счета см.: *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление... С. 160–162, 173–175

¹⁷⁵ *Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV в.* М., 1981. С. 98.

¹⁷⁶ *ПСРЛ.* Т. 4. С. 14.

¹⁷⁷ *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов. М.; Л., 1938. С. 316–320.

ра из Новгородской Кормчей. Мы не затрагиваем вопроса о тщательной текстологической характеристике этого переводного произведения¹⁷⁸, потому что нас интересует только русское продолжение византийского «Бревиария». Оно является «конспектом» какой-то древнерусской летописи, в котором события передаются в относительной форме датирования, иногда перебиваемой абсолютными датами, например:

Юрье Володимѣричь Манамаха княжи Кыеве ꙗ· лѣт. Андреѣ, сынъ его, от отца иде Соуждали, в лѣто ꙗ·схѣг·, княжи в Володимѣри лѣт ꙗ·ка·... В лѣто ꙗ·схпа· оубиень вликий князь Андрѣи. Михалко, брат его сѣдѣ въ Володимѣри лѣт ꙗ· и оумре... А Володимѣри седѣ по Михаилцѣ брат его Всеволодъ Юрьевичъ лѣт ꙗ·лз·, ... а по немъ сѣде сынъ его Костянтинъ лѣт [?], а по Костянтинѣ брат его Юрье сѣде въ Володимѣри¹⁷⁹.

Установить место и время составления этой летописи позволяют заключительные сообщения «конспекта»:

И нача вѣдати великое княжение Дмитрии Ольксандровичь... А Глѣб приехавъ ис татаръ княживъ ꙗ·з· месяц и оумре¹⁸⁰.

В 6784 г. Суздальская летопись сообщает о новом великом владимирском князе

(К лѣ ꙗ·с·ѡ·пд· престави кнзъ великий Васілеи· а по немъ сѣде Дмитрии Алеѣандровичь),

а через два года пишет о смерти ростовского князя

(К лѣ ꙗ·с·ѡ·пс·... того же лѣта престависа Глѣбъ Василковичь· и сѣдоша в Ростовѣ Борисовичи· Дмитрии· и Костянтинъ·)¹⁸¹,

из чего следует, что в русском продолжении «Летописца...» отразилось какое-то северо-восточное летописное произведение, возникшее примерно в конце 70-х гг. XIII в. Интересно, что в сохранившихся летописных памятниках северо-восточной группы около этого времени отмечается перебивка владимиро-ростовских известий тверскими, что позволило Ю.А. Лимонову и Л.Л. Муравь-

¹⁷⁸ Об этом см.: *Пиотровская Е.К.* Краткий археографический обзор рукописей, в состав которых входил текст «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора // *Византийский временник*. Т. 37. 1976. С. 247–254.

¹⁷⁹ *Степанов Н.В.* Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей // *ИОРЯС*. Т. XVII. Кн. 3. 1912. С. 318–319.

¹⁸⁰ Там же. С. 319–320.

¹⁸¹ *ПСРЛ*. Т. 1. Стб. 525.

тения» из болгарских погребальных надписей как 1226 г. у самого ее автора, И.Н. Березина, вызывала определенные сомнения:

Этот год ясно указывает на нашествие монголов, хотя исторических доказательств [читай: показаний других источников] на это не имеется¹⁸⁴.

Такие же сомнения высказывались и в XX в.

(в современном летосчислении это соответствует году, указывающему вроде бы на монгольское нашествие. Однако исторические источники под этим годом не приводят каких-либо знаменательных событий, связанных с булгарами»¹⁸⁵),

но наша версия калкской хронологии подтверждает как безошибочность перевода эпиграфических показаний, так и точность сведений арабского автора о ближайшей временной связи приазовской и поволжской битв.

Излагая биографию Джэбе-нойона, Рашид-ад-Дин также намекает на многолетнее присутствие монголов в Причерноморских степях:

<Монголы> прошли оттуда [с Кавказа] в страну русов... Они с Чингизханом постановили, что покончат эти дела в течение трех лет, <а в действительности> в два с половиной года пришли к удовлетворительному концу¹⁸⁶.

Дата 16 июня 1226 г. может стать опорной для построения относительной хронологии событий, происходивших в Половецких степях и южнорусских землях накануне русско-монгольского сражения, как это делали в свое время Л.В. Черепнин и Л.А. Сердобольская, отталкиваясь, правда, от других хронологических опор¹⁸⁷. Мы не станем, однако, увлекаться такими построениями, потому как источники не представляют для них какой-либо надежной информации. Предполагаем все же, что какие-то практические действия по организации похода стали предприниматься южнорусскими князьями не ранее пасхальных

¹⁸⁴ Березин И.Н. Булгар на Волге. С. 135.

¹⁸⁵ Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические надписи города Булгар. Казань, 1987. С. 31. Один из авторов этой книги позже, правда, подтвердил правомерность березинской реконструкции (Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические надписи волжских булгар и языковая стратификация в Волжской Булгарии : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Алма-Ата, 1992. С. 6).

¹⁸⁶ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л., 1952. С. 195.

¹⁸⁷ Черепнин Л.В. Русская хронология. С. 91–92; Сердобольская Л.А. К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы при реке Калке // Сборник трудов Пятигорского государственного педагогического института. Вып.1. Ставрополь, 1947. С. 135–143.

празднований (в 1226 г. Пасха была 19 апреля), но представить какие-либо пусть даже приблизительные сроки их соединения на Днестре затруднительно. При описании перипетий дальнейших событий, происходивших на восточном берегу Днестра, многие летописи упоминают 8 дней (в Новгородской 1-й летописи – 9 дней, у Ибн ал-Асира, Рашид-ад-Дина и Длугоша – 12 дней¹⁸⁶) степного пути русских полков до берегов Калки, но начальный ориентир отсчета этих дней разными источниками определяется различно. Ипатьевская летопись, приводя князей, как уже говорилось, к днепровским берегам все же в апреле, затем рассказывает о походах русских воинов здесь и на Хортице, потом переправляет их через Днепр «во днь во вторникъ», после чего описывает первую стычку с монголами, и только «ѡтоудоу» отправляет русские дружины в 8-дневный путь к месту трагического сражения. Набор таких аморфных в хронологическом смысле сведений, даже «разбавленных» одной относительной дневной датой (8–12 дней), невозможно использовать для реконструкции точной хронологии передвижения русских от Южной Руси до Калки, но если вставить в эту череду событий еще и двукратное общение князей с монгольскими послами, упомянутое в нескольких летописях, предполагаемая величина временного интервала как раз и может привести нас к июньской дате. Для сравнения вспомним, что поход русских князей в 1111 г. в Донецкие степи, в течение которого дважды происходили сражения с половцами, длился чуть более месяца.

От того же ориентира можно попытаться проецировать и последующие за битвой события, учитывая летописные сведения о трехдневной осаде полевого лагеря киевлян, сведения иностранцев о 12-дневном преследовании монголами

---

¹⁸⁶ «Татары не переставали отступать, а те [русские и половцы] гнались по следам их 12 дней» (*Из летописи Ибнелъасира*. С. 27); «[Русские и половцы] преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней» (*Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 229); «Князья Руси... дошли до Протолчи; там пересели на коней и через двенадцать переходов достигли реки Калчи» (*Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I-VI): Текст, перевод, комментарий / под ред. и с доп. А.В. Назаренко. М., 2004. С. 359).

бегущих с поля боя русских воинов, невятную информацию о вторжении победителей в юго-восточные русские земли и пр. Можно вспомнить и о непонятном сообщении Рашид-ад-Дина о том, что с русскими и половцами Джэбе и Субэдей «сражались в течение одной недели»¹⁸⁹. Одним словом, согласование всех этих противоречивых или сомнительных относительных показаний – дело будущего, а выполнение своей задачи мы усматриваем в установлении научно обоснованной даты первого русско-монгольского сражения.

---

¹⁸⁹ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М. ; Л., 1952. С. 229.

ГЛАВА 2. ХРОНОЛОГИЯ НАШЕСТВИЯ НА СЕВЕРНУЮ РУСЬ

Восточная Европа была, по всей видимости, совсем не случайным направлением завоевательной экспансии потомков Чингис - хана. Память о враждебности жителей Причерноморских степей, Среднего Поволжья и Восточно-европейской равнины, проявленной в 20-е гг. XIII в., определила решение курлтая 1235 г. обеспечить земельными владениями потомков Джучи за счет завоевания именно этих, а не каких-то иных территорий. Вот как описал принятие этого трагического для жителей Восточной Европы решения Рашид-ад-Дин:

И благословенный взгляд каана [Угедея] остановился на том, чтобы царе-вичи Бату, Менгу-каан и Гуюк-хан вместе с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар... и все их завоевали, и они занялись приготовлениями [к этому походу]¹.

Легкомысленная и авантюрная военная экспедиция русских князей к берегам Калки через десяток лет отозвалась трагическими событиями разорительного вторжения, навсегда изменившего течение отечественной истории. Наш великий поэт в знаменитом письме к П.Я. Чаадаеву написал:

Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена².

По удивительному совпадению А.С. Пушкин писал эти слова почти что день в день через 600 лет после начала вторжения (письмо датируется октябрем 1836 г., появление монголов у рязанских границ, как выяснится позже, - ноябрем 1236 г.), но, к сожалению, проявил здесь характерные для него поверхностные оценки отдельных эпизодов нашей истории. Мы твердо знаем, что русские земли не смогли «поглотить» азиатскую экспансию, и завоеватели все же перешли «наши западные границы», и лишь по случайному стечению обстоятельств вернулись назад, но совсем не в «свои пустыни». Однако для нас в данном случае интересно другое: если использовать терминологию пушкинского послания, тогда можно сказать, что Россия и народы, населявшие ее «необъятные простран-

¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 36.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. X. М., 1966. С. 596–597, 874.

ства», стали одним из тех факторов, которые спровоцировали угрозу, нависшую над «христианской цивилизацией». Первый удар вторжения пришелся на северорусские земли.

2.1. Историография и источники

Научное представление о хронологии вторжения монголов представляет собой удивительно устойчивое мнение, сформировавшееся еще в конце XVIII – начале XIX в. и в неизменности сохранившееся до наших дней. Любой учебник отечественной истории и любое научное или популярное сочинение, описывающее поход Батыея, вполне уверенно пробуют убедить нас в том, что вторжение монголов в пределы Рязанской земли началось в декабре 1237 г., покорение Владимирской земли происходило в феврале 1238 г., а неудавшаяся попытка вторжения завоевателей в Новгородскую землю и их отступление в Половецкие степи состоялось в марте 1238 г. и т. д. Эти даты стали для нас настолько привычными, что мысль об их недостоверности может вызвать только удивление или даже возмущение современных знатоков и любителей истории. Тем не менее проверка их исторической точности должна стать объектом пристального внимания исследователей, поскольку появились они в то самое время, когда историко-хронологические знания находились на достаточно примитивном уровне развития, а правомерность этих дат не получила должного научного обоснования.

Изучая историю формирования тех хронологических представлений о вторжении монголов на Русь, которые господствуют сейчас в научном мире и в преподавательской практике, мы можем только поражаться тому, как многие поколения историков оставались под воздействием упрощенных и приблизительных выводов 200-летней давности, имевших весьма зыбкие научные основания. Первый русский историк В.Н. Татищев в той части своего сочинения, где описывалось монгольское вторжение, вообще не прибегал к редукции (пересчету дат от С. М. на годы эры Р. X.), поэтому на страницах «Истории

российской» начало покорения русских земель азиатами было датировано 6745 г. от С.М., как это и было на страницах Воскресенской и Никоновской летописей, которые, без сомнения, использовал В.Н. Татищев в этой части своего труда³. Очевидно все же, что историк XVIII в. использовал при описании монгольского нашествия еще и какие-то неизвестные нам источники, из которых он, например, позаимствовал календарные даты продвижения войск Батыя по Рязанской и Владимирской землям, и эти даты представляются нам весьма достоверными. Иными словами, сочинение В.Н. Татищева представляет собой, скорее, не опыт первоначального научного осмысления монгольского вторжения, но является одним из источников, описывающих это событие.

Начало формирования современных и незыблемых взглядов на время вторжения Батыя в Северную Русь положил М.М. Щербатов, который дату всех известных ему летописей (6745 г. от С. М.) перевел на эру от Р. Х. как окончание 1237 г. – начало 1238 г.⁴ В оформлении такой хронологической версии историк-князь полагался на результат незамысловатых редуционных соображений: все летописные годы он считал принадлежащими летосчислительной системе, полагавшей интервал времени в 5508 лет между С. М. и Р. Х. (позже ее стали называть константинопольской эрой), причем эти древнерусские годы, по представлениям М.М. Щербатова, начинались с марта, который шестью месяцами последует за сентябрьским новым годом. В появлении такого хронологического результата не было ничего удивительного, поскольку он вполне соответствовал господствующим в конце XVIII столетия представлениям о правилах счета времени в допетровской России. Константинопольский интервал лет между годами Мироздания и Рождества проповедовала в то время Русская православная церковь, и только он считался единственным возможным основанием для пересчета древних годов на современные. Что касается мартовского кален-

---

³ *Татищев В.Н.* История российская. Т. III. М.; Л., 1964. С. 231–237; *Клосс Б.М., Корещук В.И.* В.Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С. 7.

⁴ *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. Т. III. СПб., 1774. С. 4–10.

дарного стиля, он, как считал М.М. Щербатов вслед за В.Н. Татищевым, господствовал в счете времени до церковного собора 1342 - 1343 гг., когда митрополит Феогност сменил его, якобы, сентябрьским новогодием; при этом екатерининского историографа не смущало отсутствие на этот счет какой-либо достоверной информации.

Итак, обратим внимание на тот факт, что ставшая к нашим временам «хрестоматийной» версия датировки северорусского похода Батыя появилась в то время, когда взгляды историков на древнерусское времяисчисление были весьма простыми, если не сказать примитивными. Тем не менее хронологическая схема, предложенная М.М. Щербатовым, очень быстро завоевала популярность, чему способствовало ее отражение на страницах хронологических таблиц, одного из самых распространенных жанров печатной исторической литературы конца XVIII – первой половины XIX в. Окончательное ее закрепление в сознании русских людей произошло после того, как ее повторил на страницах «Истории государства российского» Н.М. Карамзин⁵. Хотя наш великий историк и отверг появившееся ранее утверждение о церковном соборе 1342 - 1343 гг., изменившим якобы мартовский календарный стиль на сентябрьский, он перенес время этой «реформы» на 1492 г.⁶, и это мнение с тех пор прочно утвердилось в популярной историко-хронологической литературе.

Примечателен еще один момент в изложении Н.М. Карамзиным датирующих показаний вторжения батыевых войск на Северную Русь. В Лаврентьевской (по его обозначению, Пушкинской) и в Троицкой летописях при описании монгольского захвата Владимира-Залесского он обнаружил следующие даты юлианского календаря, совмещенные с обозначениями дней недели:

В лѣтѣ · ꙗ·ѡ·ѡ·мѣ·е... Тоѣ зимѣ · Придоша Татарове к Володимерю · мѣа фев-
ра · въ · г · на памѣ стѣ Семешна во вторни прѣ мѣпѣ за нѣлю...
В лѣтѣ · ꙗ·ѡ·ѡ·мѣ·е... В нѣлю мѣпѣю · по заоутрени · приступиша к городу · мѣа

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II– III. М., 1991. С. 507–513; Т. IV. М., 1992. С. 7–13.

⁶ Там же. Т. IV. С. 322, прим. 367; Т. VI. СПб., 1842. С. 8-9, 222-223, прим. 620.

феврѣ в ѿ на памѣ стѣ мѣа Февдора Стратилата⁷.

Если вторая из этих двух календарно-недельных дат соответствовала схеме мартовского стиля (в 1238 г. день 7 февраля действительно был «неделей», т.е. воскресением), то первая ей противоречила (3 февраля 1238 г. было не вторником, а средой). Это несовпадение красноречиво указывало исследователям на применение в летописных показаниях каких-то иных, «немартовских» хронологических элементов, и должно было подтолкнуть историка к их поиску, но Н.М. Карамзин поступил иначе: без какой-либо мотивации он произвольно изменил юлианскую дату источников с 3 февраля на 2 февраля⁸, и сделал это потому, что такое вмешательство в древнерусский текст позволило «подогнать» его показания под умозрительные представления автора «Истории государства российского» о правилах древнерусского времяисчисления.

Авторитет придворного историографа и всеобщее восхищение его сочинением сыграли решающую роль в широком признании весьма условной даты и ее превращении в непререкаемую научную истину. Даже в работах немногочисленных критиков Н.М. Карамзина, таких как Н.А. Полевой, даты 1237–1238 гг., впрочем, как и даты других событий, не вызвали никакого сомнения⁹. Впрочем, в замечаниях другого карамзинского критика Н.С. Арцыбашева был сделан упрек в том, что на страницах «Истории государства российского»

поставлены годовые числа иногда на удачу¹⁰.

Это, однако, не помешало казанскому историку принять мнение и о календарной реформе 1492 г., и общепринятую дату русского похода Батыя. Тот же Н.С. Арцыбашев отметил еще одно несоответствие хронологических элементов: дата взятия Торжка из Новгородской 1-й летописи

(в лѣто 6746... мѣсяца марта въ 5, на память святого мученика Никона, въ

⁷ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб.461, 462; Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 313, 315.

⁸ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. II–III. С. 510.

⁹ Полевой Н.А. История русского народа: Историческая энциклопедия. Т. II. Кн. 4. М., 1997. С. 226–230.

¹⁰ Арцыбашев Н.С. Замечания на Историю государства российского, сочиненную <осподином> Карамзиным // Московский вестник. 1828. Ч. 11. № XIX–XX. С. 294.

среду средохрестьную¹¹⁾

была, по его мнению, неверна, так как в 1238 г. среда была 3 марта. Он же первым усмотрел и ошибку месяцесловного элемента в этой дате, потому как память св. Никона чествовалась не 5, а 23 марта¹².

Время публикации «Истории...» Н.М. Карамзина совпало с моментом формирования в России первой истинно научной хронологической школы, так называемой критической хронологии, которая стремилась произвести точнейшую редукцию древнерусских датировок с помощью перекрестного сравнения информации отечественных и зарубежных источников¹³. Однако хронология монгольского нашествия не стала объектом внимания критико-хронологической школы потому, что, во-первых, она с легкой руки Н.М. Карамзина уже стала восприниматься окончательно изученной и, во-вторых, историкам в то время еще не были известны иностранные источники, способные пролить свет на эту проблему, в частности, сочинение Рашид-ад-Дина. Попытки применить перекрестно-сравнительную методику к изучению даты другого события из истории русско-монгольских военных столкновений (битва на р. Калке), оказались неудачными, поскольку привели к появлению противоречивых, но равнозначных по доказательности результатов (см. 1.3). Именно поэтому в сочинениях «классиков» критической хронологии повторялись даты, предложенные М.М. Щербатовым и подтвержденные Н.М. Карамзиным¹⁴.

Такое положение сохранялось и во второй половине XIX – начале XX столетий, хотя это было время проявления большого научного интереса к углубленному изучению датирующих показаний древнерусских источников, время разработки новых эффективных методов установления достоверной хро-

¹¹ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 76.

¹² *Аруцубашев Н.С.* Повествование о России. Т. 1. Кн. 2. М., 1838. С. 349–351, прим. 2258.

¹³ О ней см.: *Кайгородова Т.В., Цыб С.В.* Историческая хронология в России в XVIII – начале XX века. Saarbrücken, 2013. С. 97–123.

¹⁴ *Krug Ph.* Fragmente einer russischen Chronologie // Forschungen in der älteren Geschichte Russlands: Von Philipp Krug. Т. 2. St.-Petersburg, 1848. S. 722; *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. IV: Период удельный, 1054–1240. М., 1850. С. 125, 135; *он же.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М., 1872. С. 664.

нологии событий русской средневековой истории и появления выводов о многообразии форм учета времени на Русской земле в X–XIV вв. Все эти новшества не коснулись уже привычной к тому моменту даты нашествия Батыя, и она продолжала повторяться и в обобщающих сочинениях по русской истории¹⁵, и в первых исследованиях, посвященных специальному изучению особенностей русско-монгольских отношений, а также в научных сочинениях, отдельно рассматривающих поход Батыя на Русские земли¹⁶. Здесь и далее мы совсем не ставим цели обозреть всю научную литературу, посвященную монгольскому нашествию, такая работа была бы непосильной и бессмысленной, поскольку в сочинениях XVIII – XXI вв. нам не известно ни одного случая отступления от общепринятой версии датировки батыева похода. В данном случае важно отметить другое: столетие, прошедшее после публикации «Истории государства Российского», стало моментом окончательного и безоговорочного превращения приблизительной и весьма ненадежной гипотетической реконструкции в непрекаемый исторический факт.

На этом однообразном фоне наше внимание привлекают только две научные работы, содержащие историко-хронологический анализ интересующих нас датирующих показаний. Их автором был выдающийся исследователь древнерусской хронологии Н.В. Степанов (1857–1914), создатель новаторского направления в этой отрасли исторического знания. Вместо замысловатой казуистики перекрестного сравнения, характерного для критико-хронологической школы, он поставил задачу реконструкции древнерусских систем учета времени на основе тщательного изучения всех остаточных признаков их проявления

---

¹⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С.М. Сочинения в 18-и кн. Кн. II. М., 1988. С. 137–139; Иловайский Д.И. История России: Становление Руси. М., 1996. С. 521–526; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В.О. Сочинения в 9-и томах. Т. II. М., 1988. С. 7; и др.

¹⁶ Например: Наумов П.А. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб., 1823. С. 6; Березин И.Н. Нашествие Батыя на Россию. СПб., 1855. С. 6–12.

в старинных текстах. В процессе этого исследования Н.В. Степанов затронул и летописные даты рассказа о нашествии Батыя на северорусские земли.

В первой из интересующих нас статей, опубликованной в 1909 г., Н.В. Степанов излагал результаты реконструкции древнерусских единиц учета времени, предпринятой им на основании изучения хронологических показаний древнейших памятников северо-восточной и северо-западной летописных традиций¹⁷. По мнению исследователя, календарно-недельные показания летописного рассказа о захвате монголами столицы Владимирского княжества (статья 6745 г. Лаврентьевской и 6746 г. Новгородской 1-й летописей) указывали на то, что упоминаемая здесь Мясопустная неделя (семидневка) высчитывалась в том же порядке, что и современные семидневки, т.е. от понедельника до воскресенья¹⁸; это наблюдение было важным в связи с тем, что, как убедительно доказал тот же исследователь, в древнерусском пасхально-недельном счете использовался и иной порядок исчисления семидневок, подобный тому, что отмечается в Ветхом Завете (от воскресения до субботы). Следует признать, что этот вывод исследователя был поспешным и малоубедительным. Если в уже знакомой нам дате взятия Владимира действительно упоминается Мясопустная неделя («в нѣлю мѧпую мѧа февръ в ·з»), то календарное показание начала осады заставляет подозревать ссылку на какой-то иной промежуток Великого поста, поскольку там речь идет о вторнике «пре ꙗ мѧпу за нѣлю»; Н.В. Степанов не заметил этого нюанса датировки и ошибочно совместил оба показания в пределах одной великопостной семидневки (Мясопустной). Единичного пасхально-недельного показания Новгородской 1-й летописи («в пяток преже мясопустныя недѣли» – так здесь датировалось падение Владимира¹⁹) было вообще недостаточно для построения каких-либо выводов о структуре счета дней пасхального года.

---

¹⁷ *Степанов Н.В.* Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // *ЧОИДР.* 1909. Кн. 4 (231). Отд. III. С. 1–74.

¹⁸ Там же. С. 26.

¹⁹ *НПЛ.* С. 75.

Дату солнечного затмения из Новгородской 1-й летописи, предшествующую на один год походу Батыя

(В лѣто 6745. Бысть знамение въ солнци мѣсяца августа въ 3 день²⁰),

исследователь совершенно справедливо объявил ультрамартовской, тем самым признав возможность обнаружения элементов это календарного стиля в описании событий второй половины 30-х гг. XIII в.; дата этого же астрономического явления из Лаврентьевской летописи (6744 г.) на этот раз почему-то не привлекла внимания Н.В. Степанова, хотя в дальнейшем ее историко-хронологический анализ привел его к оформлению весьма важного вывода. Дату новгородского летописного памятника в описании захвата монголами Торжка

(В лѣто 6746... и тако погани взяша градъ,... мѣсяца марта въ 5, на память святого мученика Никона, въ среду средохрестъную²¹)

он оставил без комментариев, поскольку по его расчетам выходило, что 5 марта было средокрестной средой в 1236 г., и тогда получилось бы, что штурмовать Торжок монголы начали за 10 месяцев раньше нападения на Рязанскую землю; здесь Н.В. Степанов лишь признал вслед за Н.С. Арцыбашевым, ошибочное упоминание при юлианском числе 5 марта памяти св. Никона²².

В другой своей публикации, появившейся год спустя и уже специально посвященной историко-хронологической характеристике датирующих показаний Лаврентьевской летописи²³, Н.В. Степанов более подробно охарактеризовал хронологические показания 6744 и 6745 гг. Еще раз отметив противоречие календарных дат двух событий (начало осады Владимира – 3 февраля, вторник; падение города – 7 февраля, воскресенье), впервые усмотренное еще Н.М. Карамзиным, он не стал, однако, произвольно менять показания источника, как это сделал его предшественник, а попытался найти приемлемые объяснения для корректировки летописных сведений. По мнению Н.В. Степанова, одна из этих дат была ошибочной, и таковой он признал первую из них, так как 3 февраля не

²⁰ *НПЛ*. С. 74.

²¹ Там же. С. 76.

²² *Степанов Н.В.* Указ. соч. С. 71.

²³ *Он же.* К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // *ЧОИДР*. 1910. Кн. 4 (235). Отд. III. С. 1–40.

было вторником на Мясопустной неделе в 6744 г. мартовского календарного стиля (т.е. в 1238 г.), а 7 февраля в том же самом году как раз приходилось на Мясопустное воскресенье²⁴. Как мы видим, исследователь начала XX в. в своих рассуждениях не смог выйти за рамки умозрительного вывода о применении мартовского календарного стиля в датировании монгольского нашествия, ставшего к тому времени уже непререкаемым. Наверное, поэтому он вновь, как и в предыдущей своей статье, оставил без внимания календарно-недельные элементы первой из двух дат 6745 г. Лаврентьевской летописи

(мѣа февръ · въ ·Г·... во вторнѣ прѣ мѣпѹ за нѣлю),

которые входили в вопиющее противоречие с «мартовской» версией. Н.В. Степанов не смог рассмотреть в этой записи признаков ультрамартовского стиля, который он так прозорливо обнаруживал в русских летописных известиях XI–XIII вв.

Чтобы окончательно обосновать признание даты взятия Владимира достоверным хронологическим показанием, Н.В. Степанов объяснил видимую неточность месяцесловного дополнения к ней

(в нѣлю мѣпѹю... мѣа февръ · въ ·З· на памѣ стѣ мѣа Феодора Стратилата).

Неточность заключалась в том, что в современных святцах память этого святого расположена под датой 8 февраля, но исследователь справедливо указал на то, что в месяцесловах IX–XI вв. Феодор Стратилат чествовался на день раньше²⁵. Таким образом, получалось, что этот составной элемент мартовской даты захвата Владимира-Залесского не противоречил календарно-пасхальной ее части, и это обстоятельство, казалось бы, еще более способствовало укреплению ее авторитетности.

Однако здесь же Н.В. Степанов сделал тонкое наблюдение, которое открывало перспективу дальнейшего исследования датирующих показаний в известиях летописей о событиях середины 30-х гг. XIII в. Совершенно справедливо признав дату солнечного затмения из Лаврентьевской летописи мартовской

²⁴ Степанов Н.В. К вопросу о календаре... С. 26.

²⁵ Там же. С. 26–27.

(В лѣтѣ ·ѡ·ѡ·мѣ·дѣ· Бѣи знаменье в слнѣци· мѣа авгѣ· ·гѣ· в нѣ»),

он отметил затем случай двойного упоминания о затмении в Суздальской летописи по Московско-Академическому списку. Первый раз известие выглядит весьма кратким и без календарной даты

(В лѣтѣ ·ѡ·ѡ·мѣ·дѣ·... Того же лѣта погѣбе слнѣце по всеи замли :·),

второй раз – подробно и с датой:

В лѣтѣ ·ѡ·ѡ·мѣ·дѣ·... Бѣи знаменіе въ слнѣци мѣа авгѣста въ ·гѣ· днѣ на памать стѣи ѡпѣ Далмата и Фаоуста· <и> Исака въ оуднѣе бы таково знаманіе в слнѣци· с запада аки мѣъ бы ·ѡ· ночеи... и тако исполніса ѡпать :·.²⁶

В соответствии со своими взглядами на соотношение древнерусских календарных стилей повторную дату Суздальской летописи (6745 г.) Н.В. Степанов назвал ультрамартовской, вслед за чем высказал следующую мысль:

Может быть этот незначительный [?!] факт поможет знатокам древнерусской письменности в решении вопроса о способе и месте составления различных частей одной и той же летописи;... чувствуется, что в Суздальскую летопись сделана вставка может быть из особой повести о судьбах Владимирской земли при нашествии татар; оказывается, что место это отличается не только характером изложения, полностью известий, но и календарным стилем, по которому датированы эти события²⁷.

Удивительно, что этот выдающийся исследователь древнерусской хронологии назвал «незначительным» тот самый факт, который, как выяснится в дальнейшем, дает ключ к расшифровке датирующих показаний русских летописей в описании монгольского нашествия на Северную Русь.

Советская и современная историческая наука унаследовали от предыдущих времен хронологическую версию похода войск Батыея русские земли. Опять же мы не видим необходимости перечислять работы русско-монгольской тематики XX – начала XXI в., в которых приводятся даты 1237 – 1238 гг., потому что этот перечень включал бы все без исключения сочинения, посвященные данной проблеме. Отметим только, что хрестоматийные даты приводят и эн-

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460, 513, 514.

²⁷ Степанов Н.В. К вопросу о календаре... С. 25.

циклопедические издания²⁸, и научные исследования²⁹, и учебные хронологические пособия³⁰, и популярные справочные сочинения³¹, и пр. До сих пор они неизменно входили во все учебники истории для средней и высшей школы. Наконец, их зафиксировали и электронные издания новейшего времени³². Зарубежная историческая наука также не выходила за рамки традиционных взглядов³³. Всеобщая уверенность в идеальной точности этих весьма условных дат, появившихся еще в конце XVIII – начале XIX в. на основании самых приблизительных научных соображений, как бы «отпугивала» исследователей от их критической оценки, и такое молчаливое признание еще более укрепляло устойчивость слабо аргументированного научного вывода. Хронологическая версия М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина к настоящему времени воспринимается как сама собой очевидная историческая правда.

Такое положение во многом сложилось по причине забвения исследовательских принципов, обоснованных в начале XX столетия Н.В. Степановым. Историки советского и постсоветского времен стремились устанавливать точ-

---

²⁸ *Мухамедьяров Ш.Ф.* Батый // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 167; *Сахаров А.М.* Монгольские завоевания // Там же. Т. 9. М., 1966. С. 646; *Черепнин Л.В.* Борьба русского народа с ордами Батыя // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. М., 1966. С. 42–44; *Трепавлов В.В.* Батый // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М., 1994. С. 176.

²⁹ *Насонов А.Н.* Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 3–4, 33–34; *Пашуто В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 12–14; *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII век) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 186–189; *Кривошеев Ю.В.* Русь и моголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003. С. 139–164; *Сусенков Е.И.* Русско-монгольская война (1237–1241 гг.). Томск, 2006. С. 100; *Каргалов В.В.* Русь и кочевники. М., 2008. С. 136–171; *Гальперин Ч.* Татарское иго: Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012; *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2012; *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4 (июль – август). С. 3–30 и многие др.

³⁰ Хронологическая таблица по истории СССР / под ред. А.Г. Липкиной. М., 1939. С. 7; История СССР: Краткая хронология / сост. Л.В. Мясникова. М., 1958. С. 4; и др.

³¹ *Творогов О.В.* Древняя Русь: События и люди. СПб., 1994. С. 45 - 48; *Богуславский В.В., Бурминов В.В.* Русь, Рюриковичи: Иллюстрированный исторический словарь. М., 2000. С. 50, 114, 485; *Орда и Русь: Хроника конфликтов / Сост. Ю. Селезнев // Родина. 2003. № 11. С. 102, и др.*

³² Например: Энциклопедия истории России: 862–1917. CD-ром. АО Коминфо, 1998–2001.

³³ Например: *Вернадский Г.В.* История России: Русь и монголы. Тверь ; М., 1997. С. 16–17; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси: 1200–1304. М., 1989. С. 115–121.

ную хронологию событий русской средневековой истории не посредством реконструкции старинных способов времяисчисления, а с помощью перекрестной проверки, т.е. по правилам методики критической хронологии. Однако авторитет хрестоматийной даты сказывался и здесь, что приводило к удивительным результатам: датирующие показания иностранных источников, которые могли бы стать основой для проверки и исправления русских летописных показаний, сами стали приспособляться под них. Так, к примеру, получилось со сведениями персидского хрониста Рашид-ад-Дина и венгерского миссионера Юлиана (см. далее в этой главе).

Заметным явлением XX в. стал выход в 1963 г. фундаментального исследования Н.Г. Бережкова по изучению хронологических показаний трех русских летописей (Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской 1-й). Этот известный московский ученый объявил себя сторонником «степановских» принципов в деле изучения летописной хронологии и поставил перед собой задачу расширить относительно узкую источниковую базу своего предшественника³⁴. Однако из всех идей и выводов Н.В. Степанова историк усвоил только мысль о соединении мартовских и ультрамартовских годов в летописном времяисчислении и старался тщательно выявить его в текстах. Все его исследовательские приемы свелись поэтому к однообразной и почти механической фиксации смены мартовских годов ультрамартовскими и наоборот. Все конкретные случаи, не соответствовавшие этой схеме, Н.Г. Бережков объявлял ошибочными, отказавшись, таким образом, от главной цели историко-хронологического исследования в понимании Н.В. Степанова – реконструкции древнерусских систем учета времени, в том числе еще и неизвестных исторической науке.

В соответствии с такими принципами Н.Г. Бережков рассматривал и летописные даты северорусского похода монголов. При характеристике двух противоречивых дат осады Владимира-Залесского из Лаврентьевской летописи он, как и его предшественники, признал достоверной дату захвата города монгола-

---

³⁴ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 13–15.

ми (7 марта 6745 г., воскресенье), потому что она соответствовала календарно-недельному расписанию мартовского года константинопольской эры. По поводу другой даты (начало осады 3 марта 6745 г., вторник) он писал:

Наличие какой-то ошибки в... дате обнаруживается и независимо от второй [т.е. даты захвата города], несогласованностью ее элементов: 3 февраля в 6745 мартовском году было действительно «преже мясо - пуста», но... в среду; в 6745 ультрамартовском году (6744 мартовском) это число было во вторник, но не до, а после мясопуста. Признать ошибочным указание «преже мясопуста» нельзя, это исключается второю датой и всем содержанием статьи³⁵.

Понятно, что это рассуждение было результатом сравнения двух календарных дат Лаврентьевской летописи, но не итогом анализа всех элементов, вошедших в состав юлианско-недельного показания начала осады. Нельзя принять утверждения Н.Г. Бережкова о том, что в 6745 ультрамартовском году (март 1236 г. – февраль 1237 г.) юлианское число 3 февраля было после мясопуста. Во-первых, исследователь, как и все его предшественники, совершенно не обратил внимание на буквальное написание пасхально-недельного элемента даты Лаврентьевской летописи («во вторни̇ прѣ̇ ма̇пу̇ за нѣлю») и, во-вторых, он ошибся в пасхально-юлианских расчетах, поскольку вторничным день 3 февраля попадает в пределы «послемясопустной» семидневки (Сыропустная неделя) только в тех годах, когда Пасха выпадает на 28 марта, но в 1237 г. она была 19 апреля.

Рассуждая далее над «ошибочной» датой

(мѣа̇ феврѣ̇ · въ · ѿ̇ на памѣ̇ ста̇ Семешна · во вторни̇ прѣ̇ ма̇пу̇ за нѣлю),

Н.Г. Бережков писал:

В чем же описка, в числе месяца или в дне недели?... Вообще говоря, ошибка легче возникает в числе месяца (искажение буквы-цифры), чем в дне недели (замена одного слова другим)³⁶.

Исходя из этого ученый выстроил следующую схему последовательного изменения первоначальной даты: у стен столицы Владимирского княжества монголы появились во вторник 2 февраля 1238 г., и запись этого числа сопровождалась, вероятнее всего, указанием на один из главнейших праздников церковного года (Сретение Господне); затем, когда цифра ѿ̇ (2) при переписке была по

³⁵ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 109.

³⁶ Там же.

ошибке изменена на ·Г̄· (3), появилось и новое месяцесловное дополнение («на памѧ стѧ Семешна»), но при этом название дня недели почему-то не поменялось. Заклучая свои рассуждения, Н.Г. Бережков констатировал:

Как бы то ни было при любом из двух возможных исправлений даты (3 февраля, среда, или 2 февраля, вторник) остается указание “преже мясопуста” и дата оказывается соответствующей 6745 (1237/8) мартовскому году³⁷;

как мы уже убедились, такая безоговорочная уверенность была поспешной и недостаточно аргументированной.

Оценивая заключительную календарную дату рассказа Лаврентьевской летописи о монгольском нашествии на Северную Русь (битва на р. Сить –

се же зло сдѣаса · мѣца · марта · въ ·д̄· днѣ на памѧ стѣю мчнѣку · Павла · и Оулыаны³⁸),

Н.Г. Бережков отметил, что верхняя годовая граница статьи 6745 г. имеет нечеткие очертания, так как после указания на окончание года здесь следует рассказ о февральских событиях, из чего исследователь заключил:

В этой неточности отражается составной характер повествования³⁹.

Характеризуя еще одну дату этого события, содержащуюся в Софийской 1-й летописи

(в лѣто 6746, ... мѣсяца марта въ 4, въ четвергъ 4 недѣли поста⁴⁰),

исследователь пришел к выводу, что календарное число здесь является верным, а неделя пасхального календаря названа ошибочно, и сделал следующие предположения:

Не исключена возможность, что в данном случае полная дата является плодом вычислений, сделанных спустя некоторое время после события... Возможно, конечно, что ошибка появилась и в результате простой описки⁴¹;

отдать предпочтение какому-то одному из двух предложенных вариантов объяснения этой даты Н.Г. Бережков не смог.

³⁷ *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 109–110.

³⁸ *ПСРЛ.* Т. 1. Стб. 465.

³⁹ *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 110.

⁴⁰ *ПСРЛ.* Т. 5. Вып. 1. Л., 1925. С. 216.

Анализируя хронологические показания Новгородской 1-й летописи, историк сделал, во-первых, очень важный, как покажет наше дальнейшее исследование, вывод о том, что летописные статьи 6744 и 6745 гг. этого памятника описывают события одного и того же времени, т.е. первый из этих годов является мартовским, а другой – ультрамартовским. Это наблюдение позволило ему назвать ультрамартовской следующую статью летописи (6746 г.), рассказывающую о монгольском вторжении, хотя первое ее известие (строительство монастыря св. Павла) он почему-то объявил мартовским. Такой вывод совпадал с высказанным ранее мнением о мартовской принадлежности монгольского рассказа 6745 г. Лаврентьевской летописи. Здесь, правда, Н.Г. Бережков допустил весьма странную оговорку о том, что две указанные летописи случайно «развели» по разным годам события, происходившие на стыке 6745 - 6746 гг.⁴¹, в чем, видимо, отразилось сомнение ученого по поводу ультрамартовской характеристики статьи 6746 г. Новгородской 1-й летописи.

Приступая к исследованию хронологических показаний в описании осады Торжка, Н.Г. Бережков в первую очередь попробовал объяснить отмеченное еще в начале XIX в. неправильное указание имени святого при календарной дате 5 марта

(мѣсяца марта въ 5, на память святого мученика Никона⁴²);

по его мнению, святой епископ Никон был указан в летописной записи ошибочно вместо схожего по написанию имени мученика Конона-градаря (III в.), чья память и проставлена в месяцесловах под датой 5 марта. Иными словами, Н.Г. Бережков первым допустил возможность искажения святцевого дополнения пасхально-юлианской даты.

Но и с подобным исправлением дата взятия монголами Торжка была, по мнению исследователя, ошибочной, поскольку

5 марта приходилось в 6746 (1238/9) г. [здесь он почему-то посчитал летописный год мартовским в противовес более раннему своему же наблюдению] не на среду «средокрестной» недели (4-й недели поста), а на пятницу предыдущей недели;

⁴¹ *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 318, прим. 117.

⁴² *НПЛ.* С. 76.

можно отметить в этих словах неточность, так как и третья неделя поста при особом порядке счета могла называться Средокрестной (см. 2.3). Затем он пробовал найти объяснение для отмеченной им «ошибки»:

Высказаться насчет первоначальной даты можно лишь предположительно. Может быть, в ней указывалось, что Торжок был взят 5 марта, «пред» средокрестной неделей (в смысле воскресенья), а ошибка заключается в изменении «пред» на «среду»⁴³.

Эта остроумная догадка становится, однако, бесполезной с признанием возможности отнесения юлианского числа 5 марта к Средокрестной неделе-середнеке пасхального года. Отметим, тем не менее, интуитивно возникшее у исследователя мнение о поздней модификации попавшей в наше распоряжение летописной даты захвата Торжка.

Определенное значение для разработки историко-хронологических проблем монгольского нашествия имели научные сочинения В.В. Каргалова, который на протяжении нескольких десятилетий занимается целенаправленным изучением русско-монгольских отношений⁴⁴. Правда, ни в одной из своих работ этот исследователь не отходил от общепринятой версии годовой и календарной датировки похода Батыя на Русь и никогда не высказывал каких-либо сомнений в ее обоснованности, но в его исследованиях проводится тщательное сопоставление календарных показаний источников и историко-географических сведений, что позволило сделать весьма обоснованные выводы о темпах и ритмах монгольского передвижения по северорусским землям. В.В. Каргалов впервые обратил внимание и на то, что при реконструкции сроков монгольского продвижения важным является учет сопоставления военного потенциала русских и завоевателей не только в общих чертах, но и в каждом конкретном случае их столкновения.

Еще одной попыткой научного анализа хронологии северорусского похода монголов является статья известного знатока новгородской истории

⁴³ *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 270-271.

⁴⁴ *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 136-171; *он же.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 18-184; *он же.* Освободительная борьба Руси против монгольского ига // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 105-118; и др.

В.Л. Янина, опубликованная в 1982 г. и рассматривающая даты новгородского «этапа» батыева вторжения⁴⁵. Сразу скажем, что и здесь отразилась хрестоматийная хронологическая версия похода Батыя. Ученый принял обе поправки Н.Г. Бережкова в дате падения Торжка (по поводу ошибочного упоминания имени св. Никона вместо св. Конона и по поводу происхождения словосочетания «среда средокрестной недели» от относительного показания «пред средокрестной неделей»). В дополнение к этому В.Л. Янин указал на отсутствие ошибочных дополнений к дате в ряде летописных памятников (Вологодско-Пермская и Никоновская летописи, Московский свод конца XV в., Голицинский список Лицевого свода⁴⁶). По мнению ученого, дата 15 марта, содержащаяся в Никоновской летописи, явилась поздней модификацией от неверного совмещения кем-то из летописных редакторов дня захвата Торжка врагами со Средокрестной неделей пасхального календаря (подобно Н.Г. Бережкову В.Л. Янин ошибочно считал, что Средокрестной могла называться только 4-я неделя поста). Тем не менее он отдал безоговорочное предпочтение юлианской дате Новгородской 1-й летописи:

Достоверность даты 5 марта как даты падения Торжка подкрепляется не только летописным указанием на двухнедельную осаду, но и наблюдениями над хронологией дальнейших событий⁴⁷.

Сроки дальнейшего продвижения монголов вглубь Новгородской земли В.Л. Янин устанавливает по фразе северо-западных летописей, рассказывающих о спасении Новгорода заступничеством св. Кирилла

(Новгородъ же заступи богъ и святыя великая и зборная апостольская церкы святая Софья и святыи Кюрьль⁴⁸).

Вполне обоснованно предположив, что речь идет о памяти Иерусалимского архиепископа Кирилла (IV в.), помещенной в месяцесловах 18 марта, В.Л. Янин сделал следующий вывод:

---

⁴⁵ Янин В.Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 146–158.

⁴⁶ В обозначении В.Л. Янина, последний текст представлен как Толстовский VII (Голицинский) список Никоновской летописи (Янин В.Л. Указ. соч. С. 149).

⁴⁷ Янин В.Л. Указ. соч. С. 150.

⁴⁸ НПЛ. С. 76, 288.

Эта дата, несомненно, разъясняет смысл летописного заступничества святого Кирилла за Новгород: отступление монголо-татар от Игнача Креста произошло, надо полагать, 18 марта, спустя 13 дней после падения Торжка, или же – что вернее – в этот день в Новгороде было получено сообщение о прекращении опасности и отслужены по этому случаю молебны святому Кириллу. 18 марта на 13 дней отстоит от даты падения Торжка. Такой срок не чрезмерен, но и не мал. Торжок отделяют от Новгорода 270 км по прямой. Остановившись за 100 верст от Новгорода, ордынский отряд, следовательно, преодолел по этой же прямой 170 верст, делая в среднем 13 км в день⁴⁹.

Последнюю из известных нам попыток реконструкции хронологии северорусского похода Батыя предпринял В.А. Кучкин⁵⁰. Характеризуя летописные повествования о нашествии, он пришел к вполне естественному выводу о том, что

любой из этих рассказов обнаруживает признаки более поздних литературных обработок, сокращений, дополнений и редактирований, иногда приводящим к искажениям и ошибкам⁵¹,

чем и объяснял появление тех самых хронологических несуразностей, что были уже перечислены нами. Однако он не пробует объяснить механизм появления хронологических ошибок в письменных памятниках, что оставляет нерешенным вопрос о первоначальной и, вероятно, самой достоверной форме датирования исторических событий. Так, например, анализируя дату захвата монголами Торжка, он пишет:

В Новгородской I летописи приведена пространная дата взятия... Торжка: «мѣсяца марта въ 5, на память мученика Никона, въ среду средохрестную». Однако 5 марта не отмечается память святого мученика Никона, она празднуется 23 марта. Среда средокрестной недели (четвертой недели Великого поста) приходилась в 1238 г. [почему именно в 1238 г.?] на 10 марта. 5 марта в 1238 г. было пятницей. Такая противоречивость хронологических указаний источника свидетельствует о нарушении его первоначального текста, возникшем, видимо, в результате поздней переработки⁵².

Ограничившись в данном случае перечислением противоречивых хронологических элементов и простейшим объяснением их появления, В.А. Кучкин по сути дела оставил нерешенным вопрос о точной дате захвата монголами этого города. Упрекнем исследователя и в том, что он априори принял старинную версию

⁴⁹ Янин В.Л. Указ. соч. С. 150–151.

⁵⁰ Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем. С. 3–30.

⁵¹ Там же. С. 5.

⁵² Там же. С. 7.

датирования северорусского похода 1237 и 1238 гг., не допуская возможности какого-то иного перевода летописных годов Мироздания. Немотивированными являются и оценки В.А. Кучкиным отдельных дат источников, например:

Датировка начала вторжения монгольских войск на русские земли (6745 год) в этой летописи [Ипатьевская летопись] правильна [?]; В Лаврентьевской летописи приведены даты прихода монгольских войск к Владимиру, начала его осады, взятия, а также гибели владимирского князя Юрия Всеволодовича на р. Сити. В принципе даты эти верны или близки к истинным [?!]...; Согласно Лаврентьевской летописи, Владимир был взят в воскресный день 7 февраля 1238 г. Дата точна [?] ⁵³, и др.

Итак, знакомство с историографией проблемы хронологии монгольского нашествия на Северную Русь проявляет весьма слабую степень ее изученности в предыдущие годы. Без каких-либо сомнений приняв сложившуюся еще в конце XVIII – начале XIX в. версию, изначально имевшую слабые текстологические и историко-хронологические основания, историки уделяли внимание лишь изучению ее отдельных деталей, не пробуя принципиально оценить ее убедительность и достоверность. Молчаливое ее признание каждым очередным поколением невольно придавало ей все бóльшую степень убедительности. Не единожды отмечая составной характер летописных сообщений о завоевании врагами русских земель, ученые, однако, странным образом «забывали» об этом обстоятельстве при рассмотрении конкретных хронологических показаний, и поэтому все противоречия их элементов получали только приблизительные объяснения, не выходящие за рамки выбранной времяисчислительной схемы (константинопольская эра и мартовский календарный стиль), а все не совпадавшие с этой схемой детали признавались ошибочными. Недостаточное внимание было уделено и датирующим показаниям иностранных авторов, в первую очередь хронологии Рашид-ад-Дина. Наконец, и русский летописный материал не в полной мере привлекался для реконструкции истинной хронологии похода Батыя. Так, Н.В. Степанов и Н.Г. Бережков ограничились рассмотрением только двух-трех летописных памятников (Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская 1-я летописи), и даже В.Л. Янин, который использовал бо-

---

⁵³ Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем. Там же. С. 5–6, 8.

лее широкий круг источников, упустил весьма важные показания Тверского летописного сборника. Мы можем оформить однозначный вывод: исследование хронологии монгольского нашествия следует осуществлять заново, вновь и с самых начальных моментов.

Летописные сообщения о монгольском вторжении на Северную Русь получили в историографии условное название «Повести о нашествии Батыя». Действительно, уже сама по себе многословная подробность этого рассказа, контрастирующая с относительно краткими предыдущими и весьма лаконичными последующими известиями летописей о событиях во Владимиро-Суздальской земле, заставляет считать, что здесь в летописный текст было вставлено литературное сочинение, которое вытеснило первоначальные летописные записи о нашествии.

О времени создания этой повести и времени ее вставки в летописные тексты исследователи высказывали различные предположения. По мнению В.Л. Комаровича, она принадлежала перу Лаврентия, который переписывал в 1377 г. свод 1305–1307 гг.; повод к такому выводу ученый отыскал в различном изложении событий нашествия в Троицкой летописи, которая точнее, по его мнению, передавала текст свода начала XIV в., и в Лаврентьевской летописи, опиравшейся на тот же протограф, но дополнявшей его инородными материалами⁵⁴. Слабостью этого построения являлось то обстоятельство, что В.Л. Комарович в качестве источника реконструкции Троицкой летописи в этой части ее текста принял Воскресенскую летопись, которая была весьма поздним и сокращенным вариантом изложения повести. Такой же взгляд на время создания повести высказал и Г.М. Прохоров, отметивший, правда, сходство рассказов о нашествии в Лаврентьевской и Троицкой летописях, но при этом посчитавший, что первая из них стала в данном случае источником для составления второй⁵⁵. Я.С. Лурье, считавший, что одного текстологического наблюдения недостаточ-

⁵⁴ *Комарович В.Л.* Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 27–57.

⁵⁵ *Прохоров Г.М.* Повесть о батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1974. С. 77–98.

но для построения такой схемы взаимоотношений текстов, как у Г.М. Прохорова, провел тщательное текстологическое сопоставление памятников северо-восточной летописной традиции, и, в первую очередь, Лаврентьевской летописи и Владимирского летописца, родственного Троицкой летописи. Он пришел к несомненному выводу о том, что относить время создания повести о нашествии Батыя к XIV в. нет никаких оснований и при этом отметил, что

построение рассказа о событиях 1237 – 1240 гг. не предрешает вопроса о его датировке⁵⁶.

Этот вывод совершенно правомерен и подтверждается наличием противоречий даже между теми исследователями, которые относили появление повести к XIII в. Так, М.Д. Приселков считал, что данное повествование появилось вскоре после трагического разорения монголами северорусских земель, в 1239 г., и связывал его с составлением Ростовского свода, включившего в свой состав, кроме местных, еще и инородные (владимирские) летописные материалы. Именно этим обстоятельством, соединением двух различных летописаний, он объяснял все смысловые противоречия и повторы рассказа о нашествии, присутствие здесь следов типичных «сшивок» в виде слов «но то ѡстави^ѣ», «но нынѣ на прѣрѣнаа взиде^ѣ» и пр. 1239 г. был выбран им в качестве даты окончания летописного свода только потому, что тогда состоялся перенос тела погибшего в борьбе с монголами великого князя Юрия Всеволодовича из Ростова во Владимир-Залесский. Сам ученый признавался:

К сожалению, уяснить себе причину, побудившую Ярослава [князь Ярослав Всеволодович, наследовавший великий стол после гибели брата Юрия] предпринять составление свода, ... мы не имеем данных⁵⁷.

Конечно же, таких аргументов было явно недостаточно для утверждения о скором времени оформления повествования, буквально по следам только что свершившихся событий. Сам М.Д. Приселков утверждал, что после разгрома Северо-Восточной Руси местное летописание пришло в упадок, он же отмечал в сводном рассказе присутствие «“агиографической” манеры» изложения, что

⁵⁶ Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 30–32.

⁵⁷ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996 С. 145–146.

свойственно записям, возникшим после некоторого, иногда весьма длительного по срокам, осмысления прошедших событий. Некоторые хронологические показания повести о нашествии Батыя также являются приметами достаточно позднего обобщения хронологических ориентиров и даже признаками «пресовки» продолжительных отрезков времени в краткие интервалы (см. об этом 2.3). Да и наличие самих повторов и нелепостей в передаче событий откровенно указывает на то, что описание монгольского вторжения на северорусские земли в том виде, в котором оно сохранилось в летописях, составлялось в тот момент, когда уже подзабылись правильная очередность трагических эпизодов и их реальные временные границы.

В связи с этим более вероятными нам представляются версии, относящие появление летописной повести к середине или даже к окончанию XIII столетия⁵⁸. Впрочем, для достижения нашей главной исследовательской цели не столько важен вопрос о точном времени создания летописной повести, насколько важны следующие моменты, вытекающие из источниковедческой характеристики летописных сообщений о походе Батыя на Северную Русь:

1) летописная повесть о нашествии Батыя была составлена, как минимум, несколько десятилетий спустя после описываемого события, поэтому здесь весьма вероятны значительные искажения реальной хронологии; причинами их появления была относительная «забытость» некоторых деталей давнего происшествия, а также приспособление первоначального датирования под времяисчислительные представления составителя повести;

2) повесть создавалась преимущественно на основе старинных летописных сообщений о монгольском погроме, записанных его современниками или ближайшими потомками, следовательно, могла сохранить относительно достоверную информацию о вторжении, в том числе и информацию хронологического содержания;

---

⁵⁸ *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 192–200; *Бородихин А.Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989.

3) при соединении с летописным текстом повесть вытесняла из него первоначальные хронологические показания, но это вытеснение могло быть неполным, сохранявшим и включавшим в состав повести какие-то детали архаичного и, вероятнее всего, достоверного датирования; как и в предыдущем случае, это происходило либо по недосмотру компиляторов, небрежно соединявших летописный постатейный текст с повествованием, либо в силу того, что старинные правила счета времени совпадали с представлениями редакторов;

4) каждый очередной этап переписки уже включенной в состав летописи повести о нашествии Батыя мог привести к появлению новых искажений в показаниях первоначального датирования, но мог, в силу перечисленных причин, сохранять какие-то их элементы; эти едва заметные следы первоначальных датирующих записей могут быть разбросаны по страницам разных поздних летописных сводов.

В контексте всего сказанного мы можем характеризовать и источник другой разновидности – «Повесть о разорении Рязани Батыем». Этот художественно-литературный текст сохранил свою определенную самостоятельность, войдя в состав сборника повестей об иконе св. Николы Зараского. Однако, как показывают выводы всех исследователей, изучавших «Повесть...», она имела летописное происхождение, т. е. мы можем воспринимать ее хронологические показания как сообщения летописцев, предшественников создателя литературного сочинения. Уже начальные слова «Повести...» указывают на ее родство с летописной формой:

Въ лѣто 6745. Въ фторое на десят лѣто по принесении чюдотворного образа Николина ис Корсуня. Приде безбожнии царь Батый... и ста на рѣце на Воронеже близ Резанския земли⁵⁹.

По мнению А.Г. Кузьмина, основу дошедшего до нас литературного произведения составляло «особое сказание о разорении Рязани Батыем», входившее в состав древнего летописного текста местного происхождения⁶⁰. Конечно же, и в

⁵⁹ *Повесть о разорении Рязани Батыем* // Воинские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1985. С. 96.

⁶⁰ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 157–170.

этом случае были возможны искажения первоначальной информации, но с такой же вероятностью можно ожидать обнаружение в составе «Повести...» первоначальных датировок, принадлежавших современникам или же ближайшим потомкам событий.

Иностранные сочинения, описывающие монгольское вторжение в Восточную Европу, в большинстве своем не давали полезной информации для реконструкции хронологии этого события, поскольку содержали обобщенные сведения о военных походах наследников Чингиз-хана, записанные некоторое время спустя, кроме того, без употребления конкретных дат («Сокровенное сказание монголов», «История завоевателя мира» Джувейни, «История монгалов» Дж. дель Плано Карпини).

В одном случае мы убеждаемся в том, что историко-хронологическая парадигма создала в научно-исторической среде невольное впечатление о хронологической точности показаний иностранного автора. Речь идет о послании католического миссионера, венгерского монаха Юлиана, который дважды совершил в 30-х гг. XIII в. путешествие в Восточную Европу. Точных годовых дат автор послания не употребляет, поэтому датировать его поездки можно лишь по упомянутым в тексте историческим приметам. Первая из них датируется достаточно широким отрезком времени по упоминаниям владычества папы Григория IX (1227–1241 гг.) и указанию момента, предшествующего вступлению на венгерский престол короля Белы IV (сентябрь 1235 г.). Однако при датировании второй поездки Юлиана историки оказались под воздействием общепринятых взглядов, и вышло так, что не источник преподнес исследователям верную дату, а, наоборот, априорное мнение повлияло на датировку сообщений миссионера. Вот что писали издатели в предисловии к тексту этого послания:

При второй поездке Юлиан нашел город Булгар разоренным татарами (осень 1237 г.) [почему был выбран именно этот год?], но Суздаль еще не тронутым (разорен весной 1238 г.) [?]. Отсюда видно, что второй раз он был в Булгарии и на Руси зимой 1237-38 г.⁶¹

---

⁶¹ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М. ; Л., 1940. С. 73.

Из показаний венгерского монаха ясно, все же, что до Булгарии он в этот раз не добрался, а только наблюдал издалека (из Владимирской земли?) за происходящими там событиями, выпрашивая о них различных людей:

...и мы, желая выполнить порученное нам путешествие, дошли до крайних пределов Руси»; «ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду», «как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары...»⁶².

Такие способы получения информации привели автора послания к появлению весьма странных выводов, которые, к сожалению, воспринимаются современными исследователями как безусловно точные сообщения. Например, Юлиан пишет о том, что

все войско [монголов], идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалию. Другая же часть в южном направлении напала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона...,

и намекает на возможности вторжения каждой из них на Северную Русь⁶³. Четыре части получились, вероятно, как обобщение информации различных групп беженцев (русских, половцев, болгар и уральских угров). Рашид-ад-Дин вполне определенно опровергает это сведение:

Все находившиеся там [на завоеванной уже территории Среднего Поволжья] царевичи сообща устроили курилатай, по общему соглашению, пошли войной на русских⁶⁴.

Другими словами, никаких принципиально полезных для нас хронологических сообщений письмо доминиканца Юлиана не содержит.

Совсем иначе нами воспринимались сочинения ильханского визиря Рашид-ад-Дина Фазлулаха ибн Абу-ль-Хейр Хамадани. Составленная под его руководством в начале XIV в. история монгольских завоеваний в Азии и Европе основывалась на старинных письменных и устных сведениях, позволявших авторам излагать события в строгой хронологической последовательности (по годам мусульманской эры хиджра)⁶⁵. В одной из частей своего грандиозного со-

⁶² Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров... С. 83, 86.

⁶³ Там же. С. 86.

⁶⁴ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 39.

⁶⁵ Об источниках «Сборника летописей» см.: Петрушевский И.П. Рашид-ад-Дин и его исторический труд // Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л., 1952. С. 25–26.

чинения («Летопись Угедей-каана от начала коин-ил, то есть года барана,... до конца хукар-ил, года быка,... <т. е.> за семь лет») персидский автор описывает монгольский поход в Северную Русь. Мы можем безусловно доверять хронологическим показаниям этого сочинения потому, что датировки по эре хиджра вычислялись его составителями от годов старинного монгольского летосчисления (недаром рядом с мусульманскими годами в тексте летописи всегда указываются годы азиатского 12-летнего цикла), позаимствованных, вероятно, из «Золотой книги» (официальная хроника Чингис - хана и его потомков), при этом характерной чертой отмечается

точность [Рашид-ад-Дина] в передаче первоисточников⁶⁶.

Поэтому, в дальнейшем мы неоднократно будем отмечать удивительные совпадения показаний персидской хроники и русских летописей в описании многих деталей северорусской военной экспедиции монголов, в том числе и в описании последовательности и сроков шествия чингизидов по землям Северной Руси. Создатели «хрестоматийной» хронологической версии М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин (см. Введение) не были знакомы с «Летописью Угедей-каана...», но прекрасно знавшие ее историки последних полутора столетий намеренно игнорируют ее хронологические показания, потому что они входят в откровенное противоречие с привычной схемой датирования монгольского нашествия.

Характеристика познавательных возможностей источников убеждает нас в том, что в наличии современного поколения историков имеется весь необходимый материал для реконструкции достоверной хронологии похода Батыя на Северную Русь. Исследовательская задача заключается в критическом изучении всей доступной историко-хронологической информации источников, в тщательном изучении всех случаев совпадений или противоречий между ними, наконец, в воссоздании реальной хронологии исторических событий второй половины 30-х гг. XIII в.

---

⁶⁶ *Петрушевский И.П.* Рашид-ад-Дин и его исторический труд. С. 35–36.

2.2. Датировка начала вторжения

Летописные источники, рассказывающие о начале нашествия Батыя на русские земли и завоевании Рязанской земли, содержат два варианта годовых дат от С.М. (6745 и 6746 гг.), называют сезон года, когда происходили эти события (зима), и указывают юлианские календарные числа начала осады и взятия столицы княжества (16 и 21 декабря). Этих хронологических показаний недостаточно для того, чтобы провести полноценную редукцию летописных дат и определить точное время начала северо-восточного похода монголов. В связи с этим мы постараемся применить метод анализа относительной связи событий, рассматривая «рязанский эпизод» в связи с предшествующими историческими происшествиями, в частности, с захватом монголами Волжской Булгарии.

Устанавливается одна несомненная опорная дата, которая позволяет «привязать» к себе прочие события начала батыева вторжения. Почти все летописные источники в связи с первыми военными действиями монголов в Поволжье описывают солнечное затмение. Самое подробное его описание представляет Новгородская 1-я летопись:

В лѣто 6745. Бысть знамение въ солнци мѣсяца августа въ 3 день, на память святых отецъ Далмата, Фауста, Исакия, въ уденье [в Толстовском и Академическом списках «в полъдни»], бысть таково знамение; тма бысть въ солнци съ запада, акы мѣсяць бысть въ 5 ночки, а съ востока свѣтло, и опять со вѣстока тма бысть такоже, акы мѣсяць 5 ночки, а с запада свѣтло, и тако исполнися опять⁶⁷.

Астрономо-математические расчеты, безусловно, показывают, что в русских летописях было описано кольцеобразное солнечное затмение 3 августа 1236 г.⁶⁸

Другую, хотя и менее надежную опорную дату представляет известие об уходе новгородского князя Ярослава Всеволодовича на княжение в Киев. Оно

⁶⁷ НПЛ. С. 74.

⁶⁸ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. IV: Период удельный, 1054–1240. М., 1850. С. 136; *Степанов Н.В.* Единицы счета времени... С. 71; *Святский Д.О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС. 1915. Т. XX. Кн. 1. С. 120.

содержится в статье 6744 г. летописей северо-западной традиции (Новгородская 1-я и 4-я:

В лѣто 6744. Поиде князь Ярославъ изъ Новагорода Киеву на столю, пойма сь собою новгородци вятшихъ),

а также в зависимых от них памятниках (Московско-Академическая летопись, Тверской сборник)⁶⁹. В.Т. Пашуто, отыскивая в составе Новгородской 1-й летописи следы использования несохранившегося киевского летописного памятника 1238 г., не включил это известие в выборку из южнорусского источника, хотя, например, все известия предыдущей статьи (6743 г.), рассказывающие о борьбе за киевский престол юго-западных князей с черниговскими конкурентами, он целиком посчитал заимствованными новгородским летописцем из Киевской летописи 1238 г.⁷⁰ Действительно, сообщение новгородских памятников о киевском вокняжении Ярослава может быть признано местным, поскольку сопровождается дополнением о том, что на свое место ушедший на юг князь поместил сына Александра, а затем еще описывается такое действие прибывшего в Киев Ярослава:

И державъ новгородцевъ и новоторжцевъ [пришедших сюда с князем] одну недѣлю и одарив я, отпусти проче⁷¹.

Сами новгородские летописи не содержат каких-либо ориентиров, позволяющих составить хронологическую характеристику этого сообщения, но это помогает сделать Галицко-Волынская (Ипатьевская) летопись.

Здесь сообщение о княжении Ярослава Всеволодовича в Киеве помещено в статью 6743 г.:

И потомъ приде Арославъ . Соуждальскый и вза Киев подь Володиме-ромъ . не мога его держати . идее паки Соуждалю . и вза под ним Миха-иль⁷².

Как и многие другие статьи этой части Ипатьевской летописи, письменный комплекс 6473 г. объединял в своем составе события сразу нескольких лет, по-

⁶⁹ *НПЛ*. С. 74 - 75; *ПСРЛ*. Т. 4. Ч. 1. Пг., 1915. С.214; Т. 1. Стб. 513; Т. 15. СПб., 1865. Стб. 365.

⁷⁰ *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 55.

⁷¹ *НПЛ*. С. 74.

⁷² *ПСРЛ*. Т. 2. М., 2001. Стб. 777.

скольку годовые номера чуть ли не произвольно вставлялись редактором в первоначально не разделенный на годы летописный текст; к тому же сам этот текст изначально был компилятивным. Проявление такого редактирования мы как раз и наблюдаем здесь: начальные известия, связанные неопределенным хронологическим показанием «в то же время», отделяются от следующих пометкой «лѣтоу же наставшоу» (предположительно речь идет о весенних и летних событиях одного года), но затем следуют пометки «лѣтоу же наставшоу» и «тое же весени» (т.е. имеются в виду летний и осенний сезоны следующего года), далее описываются события «в томъ же лѣ . пошедъшоу», а затем – «по том же лѣтъ» (т.е. уже события третьего года в составе статьи), после чего употребляются аморфные показания «в то время» (в этот отрезок текста и вставлено известие о княжении Ярослава). Понятно, что при таком составе текста летописной статьи 6743 г. определить точную хронологическую принадлежность входящих в нее известий невозможно. Кроме того, сообщение о непродолжительном киевском княжении Ярослава, как установили исследователи Ипатьевской летописи, является вставным в рассказ о борьбе князя Даниила Романовича за Галицкую землю и само было разорвано на две части рассказом о Данииле, т.е. оно, очевидно, находится не на своем месте в ряду известий летописной статьи⁷³.

Установить примерную хронологию известия о Ярославе, как и других известий статьи 6743 г., позволяет только учет причинно-следственной связи всех обстоятельств межкняжеской борьбы за киевский и галицкий престолы, а также опорные даты от Р.Х., содержащиеся в западноевропейских источниках и относящиеся к тем событиям, которые описаны в рассматриваемой ипатьевской статье: в 1236 г. – начале 1237 г. германский император Фридрих II Гогенштауфен оккупировал австрийские земли, в связи с чем летопись пишет:

В то время пошелъ баше . Фридрихъ црѣ . на гърцика [австрийский герцог Фридрих Бабенсберг] воиноу . и восхотѣста ити . Даниль...

⁷³ Пацуто В.Т. Указ. соч. С. 81; Котляр Н.Ф. Галицко-Волинская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования: 1995 год. М., 1997. С. 107-108.

гърцикови во помощь;

в 1235 г. Даниил Романович был в Венгрии –

Даниль же в то время шель бяше со братомъ своимъ . Оугры ко королеви [король Бела IV] . бѣ бо звалъ его на помощь⁷⁴.

Учитывая все эти обстоятельства, разные историки пришли к похожим выводам относительно даты киевского вокняжения Ярослава: М.С. Грушевский – 1236 г., В.Т. Пашуто – 1235–1236 гг., Н.Ф. Котляр – после мая 1235 г.⁷⁵

Из сказанного следует, что отъезд Ярослава Всеволодовича в Киев и солнечное затмение должны быть описаны в пределах одного и того же летописного года с весенним началом, в состав которого помещался следующий интервал времени: май 1235 г. – 1236 г. Именно такую ситуацию мы наблюдаем в Суздальской летописи по Московско-Академическому списку и в софийско-новгородских летописях, при этом описание астрономического явления представляет оригинальную по сравнению с Новгородской 1-й и Лаврентьевской летописями редакцию:

В лѣтѣ ·҃҃·҃҃·мѣ· Сѣде на столѣ в Києвѣ князь велікіи Ярославъ Всеволодичъ ·҃· Того же лѣта погібе слнѣце по всеи земли⁷⁶.

Новгородская же 1-я летопись описание ухода Ярослава в Киев помещает в статью 6744 г., а затмение – в 6745 г.⁷⁷ Традиционно в историко-хронологической литературе разница двух годовых летописных показаний в датировании солнечного затмения характеризовалась как разница между ультрамартовским годом константинопольской эры от С.М. (6745 г.) и мартовским годом (6744 г.)⁷⁸. Лаврентьевская летопись предельно четко подтверждает мартовскую принадлежность 6744 г., располагая события в такой календарной последовательности, которая соответствует границам этого стиля: солнечное затмение – 3 августа (в

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776.

⁷⁵ Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки наукового товариства імени Шевченка. 1901. Т. ХІ. Кн. 3. С. 27; Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 220; Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 108.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 513; Т. 4. С. 214.

⁷⁷ НПЛ. С. 74.

⁷⁸ Степанов Н.В. Единицы счета времени... С. 71; он же. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи. С. 25; Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 109, 270.

редакции, близкой новгородскому сообщению, но все же имеющей существенные отличия от него), «тое же весени» взятие монголами Булгара и «тое же зимы» свадьба сыновей владимирского князя Юрия Всеволодовича⁷⁹. Из этого факта Н.Г. Бережков сделал очень важный для нас вывод:

Статья [6745 г. Новгородской первой летописи] сообщает о событиях того же года, что и предыдущая⁸⁰.

Таким образом, переход Ярослава Всеволодовича в Киев и нападение монголов на Волжскую Булгарию происходили в том же самом весеннем году (март 1236 г. – февраль 1237 г.), что и события, описанные Новгородской летописью в 6745 г. – нападение немцев на Ригу и приход из Никеи на Русь митрополита Иосифа.

Важность этого вывода заключается в том, что он помогает нам правильно охарактеризовать дублировку известий, отмеченную в Суздальской и софийско-новгородских летописях. Мы помним, что они содержат особую краткую редакцию описания затмения, датированную мартовским календарным стилем (6744 г.), и в этом же году помещают не только сообщение об уходе Ярослава в Киев, как и должно быть, но и известие о падении Булгарии (как и в 6744 г. Лаврентьевской летописи):

В лѣтѣ ·҃҃·҃҃·мѣ· Сѣде на столѣ в Киевѣ князь велікіи Іарославъ Всеволодічь ·҃· Того же лѣта погѣбе слнце по всеи земли ·҃· ... Того же лѣта прішѣше Татарове· попленіша всю землю Болгарскѹю· и гра́ ѿ Велікыи вѣаша⁸¹.

Все эти события, в чем мы убеждаемся еще раз, происходили в границах одного года с весенним началом (март 1236 г. – февраль 1237 г.). Однако в следующей летописной статье (6745 г.) те же самые памятники повторяют еще раз сообщение о солнечном затмении, но уже в редакции образца Новгородской 1-й летописи, и так же, как и она, вслед за «знамением» помещают здесь рассказ опадении «заморских» немцев на Ригу и о появлении митрополита Иосифа:

В лѣтѣ ·҃҃·҃҃·мѣ· Бѣ знаменіе въ слнці мѣа ав҃г҃ста въ ·҃· днѣ на память стѣѣ ѿцѣ Далмата и Фаоуста· <и> Исака въ оуднѣ... Того же лѣта прі-

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 459–460.

⁸⁰ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 270.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 513; Т. 4. С. 214.

идоша в силѣ велїце Нѣмци· изъ заморѣа... Томже лѣте приде митро-
полить Гречинь· в Києвъ · именемъ Єсифъ :·.

Мы знаем уже, что и эти известия происходили в том же самом древнерусском году, начинавшемся весной 1236 г. и продолжавшемся до весны 1237 г. Но, в отличие от Новгородской 1-й летописи, памятники, совмещающие мартовскую и ультрамартовскую даты солнечного затмения, не прекращают статью 6745 г., а после сообщения об Иосифе пишут:

Того же лѣта· на зимѣ прїидоша ѿ востѣныа страны на Рязаньскѣю землю
лѣсомъ· безбожнїи Татарове· со црѣмь Батыемь,

и далее начинают излагать рассказ о завоевании Рязанской земли⁸². Выходит, что начало монгольского вторжения на русские земли приходилось «на зиму» 1236 г.

Новгородская 1-я летопись, которая как будто совпадает в описании начальных событий 6745 г. с Московско-Академической, Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописями, в отличие от них рязанский сюжет помещает на год позже, в 6746 г. позже описания местного события:

В лѣто 6746. Створи монастырь у святого Павла Семенова Борисовича.
В то лѣто придоша иноплемьнїици, глаголемїи Татарове, на землю
Рязаньскую, множество бещисла, акы пружи, и первое пришедше и ста-
ша о Нузлѣ, и взяша ю⁸³.

Это сообщение теряет не только характерный для других древнерусских летописей эпитет «безбожные», не только добавляет оценочную характеристику «множество бещисла», но и упускает важное хронологическое уточнение о том, что «иноплеменники» пришли к Рязанским границам зимой, и эти пропуски и добавки, видимо, выдают позднюю редакционную форму рассказа Новгородской 1-й летописи в сравнении, например, с повествованием северо-восточных памятников. Вот как характеризует этот рассказ И.Н. Данилевский:

Создается впечатление, что и автору, и читателям, для которых он пишет, давно известно, кто они такие и чем занимаются на Русской земле. Описание нашествия лишено драматических подробностей. Перед нами довольно сухая констатация происшедшего⁸⁴,

⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 514; Т. 4. С. 215.

⁸³ НПЛ. С. 74.

и эти замечания, видимо, также указывают на относительно поздний вид новгородского рассказа о вторжении монголов, в том числе и о захвате Рязанской земли. Все сказанное заставляет нас считать относительно ненадежным и хронологическое показание Новгородской 1-й летописи, относящее начало батыева похода на Русь к 6746 г. Интересно, что два крупнейших знатока древнерусской хронологии – Н.В. Степанов и Н.Г. Бережков – не решились дать характеристику этой дате, причем второй из них, который, как мы помним, тонко установил ультрамартовскую принадлежность предыдущей статьи Новгородской 1-й летописи, предположил, что источник вряд ли здесь отходит от свойственного ему мартовского календарного стиля⁸⁵ (а это означает, что нашествие началось в 1238 г.?!). Искусственная неточность годовой даты Новгородской 1-й летописи (6746 г.) проявляется уже в том, что, согласно хронологической структуре этого памятника, нападение монголов на Рязанскую землю помещено в тексте двумя годами позже захвата Батыем Волжской Булгарии!

Итак, выводы из всего сказанного ранее сводятся к тому, что в определении времени начала монгольского нашествия на Русь мы можем, во-первых, уверенно отказаться от использования хронологической шкалы Новгородской 1-й летописи, а в хронологических показаниях других памятников различить совмещение двух вариантов константинопольской эры летосчисления от С.М. – мартовского (солнечное затмение, нападение монголов на Булгарию) и ультрамартовского (иное описание того же затмения и нападение на Рязанскую землю). Тверской летописный сборник, как и полагается сложносоставному памятнику, механически совместил показания этих двух систем с показаниями образца Новгородской 1-й летописи, что привело к появлению смысловых и хронологических несуразностей в тексте этого памятника. Так, в летописной статье 6744 г. после известия об уходе Ярослава Всеволодовича в Киев здесь сообщается:

---

⁸⁴ *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.). М., 2000. С. 154.

⁸⁵ *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 270.

Того же лѣта пришедшее безбожнїи Татарове плѣниша всю землю Болгарскую, и градъ их Великіи взяша,

после чего упоминаются еще и женитьбы Владимира и Мстислава, сыновей великого владимирского князя. Эта статья Тверского сборника представляет собой соединение мартовских показаний образца Новгородской 1-й, 4-й и Софийской 1-й летописей с мартовскими же хронологическими элементами типа Лаврентьевской летописи. В следующем году (статья 6745 г.) после краткой информации о деятельности владимирского епископа Митрофана (ультрамартовское известие из «лаврентьевского» текста) сборник описывает солнечное затмение в ультрамартовской редакции новгородо-софийских памятников и Суздальской летописи

(мѣсяца августа в 3 день, на память святыхъ мученикъ Исаакіа, и Далмата и Фавьста, бысть знаменіе въ солнци въ полудни),

прикрепляя к нему, как это и сделано в новгородских источниках, сообщения о рижском конфликте и появлении митрополита Иосифа. Затем, однако, следует фраза:

Татарове... двинушася съ восточныа страны, и поплѣниша пръвое Болгарскую землю, а на третїи годъ на Рускую землю придоша бесчисленное множество;

первая ее часть («Татарове... – землю») передает не сохранившееся в других летописях ультрамартовское сообщение о захвате Волжской Булгарии, а трехлетний интервал между нападением монголов на Среднее Поволжье и Рязань вычислен по хронологическим показаниям образца Новгородской 1-й летописи. Действительно, от 6744 г. (по новгородскому источнику это год захвата Булгарии) и до 6746 г. (год захвата Рязанской земли по той же хронологической схеме), по правилам древнерусского «включающего счета», проходило как раз три года. Именно к 6746 г. и относит появление врагов на Рязанской земле Тверской летописный сборник⁸⁶.

Соединение двух версий рассказа о появлении монголов в Волго-Донском междуречье отмечается и в Симеоновской летописи; проведено это соединение,

---

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 364–366.

однако, не с той механической бездумностью, какая отмечается в Тверском сборнике, и поэтому оно не привело к какому-либо грубому нарушению хронологии исторических событий. Придерживаясь в целом хронологического рисунка Лаврентьевской летописи (т.е. свода 1305–1307 гг.), описание солнечного затмения этот памятник излагает, однако, по редакции новгородо-софийских сводов:

Того же лета погыбе солнце по всеи земли⁸⁷.

Искаженная версия даты начала монгольского нашествия на Русь (6746 г. из Новгородской 1-й летописи) совсем неожиданно отражается и в южнорусском летописании. В Ипатьевской летописи перед словами «Побоище Батыево», открывающими рассказ о разорении Рязанской земли, сначала было записано, а затем стерто «въ лѣто $\bar{x}\bar{s}$. $\bar{\Psi}$. $\bar{m}\bar{s}$ », т. е. южнорусский летописец показал нам, что кроме даты «въ лѣтѣ $\bar{x}\bar{s}$. $\bar{\Psi}$. $\bar{m}\bar{e}$ », вошедшей в окончательный текст и которая, как мы уже знаем, была константинопольской ультрамартовской, он был знаком и с датой 6476 г.⁸⁸

Итак, из всего многообразия летописных показаний, датирующих события начала монгольского вторжения на русские земли, наибольшего доверия заслуживают сведения Лаврентьевской летописи. Тем не менее этот памятник разделяет все же болгарский и рязанский походы на две летописные статьи (6744 и 6745 гг.), отразив в такой форме ту самую дубликацию событий, которую мы выявили ранее в софийско-новгородских и в Московско-Академической летописях; по всей видимости, две хронологические версии описания событий середины 30-х гг. XIII в. имеют очень древнее происхождение и восходят к летописанию XIII столетия, что и обусловило их широкое и мозаичное распространение в сохранившихся летописных текстах. В самой Лаврентьевской летописи граница между 6744 г. и 6745 г. намечена весьма условно. Заканчивая первый из этих годов сообщением о том, что

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 54.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778, прим. «и».

Тое же зимы· Великыи кня Геврги· ѡ жени сна· своя· Володимера· и Мсти-
слава :·,

следующий год летопись начинает с недатированных и имеющих явное цер-
ковное происхождение известий:

В лѣтѣ ·҃·ѣ·ѡ·мѣ·ѣ· Бл҃говѣрныи епѣ Митрофанъ· постави кивоть в стѣи Б҃же
... Того лѣтѣ· исписа притворъ стое Б҃ци :·,

а затем переходит к описанию рязанских событий такими словами:

Того лѣтѣ· На зиму придоша ѡ восточныѣ страны· на Рязанскую землю лѣ-
сѡ безбожнии Татари⁸⁹.

Если же из межстатейного пограничья мысленно извлечь церковные события,
признав их вставными, тогда зима княжеских свадеб и зима рязанского разоре-
ния сольются в один сезон:

В лѣтѣ ·҃·ѣ·ѡ·мѣ·ѣ·... Тое же зимы· Великыи кня Геврги· ѡ жени сна· своя·
Володимера· и Мстислава :· [В лѣтѣ ·҃·ѣ·ѡ·мѣ·ѣ· – мысленно убираем этот
номер]... Того лѣтѣ· На зиму придоша ѡ восточныѣ страны· на Рязанскую
землю лѣсѡ безбожнии Татари.

По всей видимости, какой-то летописец, проживавший во Владимирской земле
в XIII в., имел в своем распоряжении две различно датированные записи о дей-
ствиях монголов в 1236 г. – ультрамартовскую и мартовскую; начав излагать
события, датированные мартовским календарным стилем (6744 г.) и затем об-
ратившись к ультрамартовскому 6745 г., рассказывающему о событиях того же
временного отрезка (март 1236 г. – февраль 1237 г.), он не смог проигнориро-
вать цифровую разницу годов и поэтому весьма условно провел годовую гра-
ницу между двумя статьями по зимнему сезону. Вполне возможно, что в уль-
трамартовской записи 6745 г., использованной владимирским сочинителем, в
начальной части излагались те же самые события, что и в мартовском 6744 г.,
поэтому он их сократил, оставив из ее известий только рассказ о приходе мон-
голов к рязанским границам.

Хотя такое текстологическое построение выглядит, без сомнения, весьма
приблизительным, но оно позволяет согласовать хронологию Лаврентьевской

---

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 459–460.

летописи с относительно твердо установленным нами фактом – солнечное затмение, захват монголами Волжской Булгарии и их нападение на Рязанскую землю происходили в одном году. Если же следовать по традиционному пути наших историков, тогда вслед за мартовской принадлежностью 6744 г. Лаврентьевской летописи (а это точно устанавливается по дате затмения и очередности событий; см. выше) надо умозрительно и без каких-либо доказательств признать таковым и следующий 6745 г. и поэтому относить завоевание Булгарии к 1236 г., а начало русской экспедиции Батыя – к 1237 г.

Несомненность предполагаемой нами временной связи событий и их хронологическую характеристику с очевидной определенностью подтверждают безупречные хронологические показания Рашид-ад-Дина. В «Летописи Угедей-каана...» он пишет о том, что в 633 г. хиджры (16 сентября 1235 г. – 3 сентября 1236 г.)

они все [монгольские царевици, направленные Угедеем в восточноевропейский поход] двинулись весной, ... лето они провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с родом Джучи... Они дошли до города (Булгара) Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться... А после того... в год курицы, соответствующий 634 г<оду> х<иджры> (4 сентября 1236 г. – 23 августа 1237 г.), сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке... занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими. Осенью упомянутого года [т.е. осенью 1236 г.] все находившиеся там царевици сообща устроили курилтай и, по общему соглашению, пошли войною на русских. Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-каан, Кулкан и Бури вместе осадили город Арпан (Рязань)⁹⁰.

Эти недвусмысленные сведения как нельзя лучше подтверждают наши историко-хронологические выводы, полученные в результате исследования древнерусских летописных текстов.

Усматривается, правда, небольшое противоречие между «Летописью Угедей-каана...» и Лаврентьевской летописью в датировании болгарского похода монголов. Древнерусский источник твердо относит покорение средневожского царства к осеннему сезону, тогда как по хронологии Рашид-ад-Дина год обезьяны, или 633 г. хиджры, когда происходило покорение Булгарии, за-

⁹⁰ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 37–38.

канчивался в самые первые дни осени в нашем ее понимании (3 сентября 1236 г.). Учтем, однако, то обстоятельство, что для лунных годов мусульманского времяисчисления, блуждающих по отношению к временам года солнечного календаря, сезонные понятия были условностью и не имели четких календарных границ. Кроме того, Лаврентьевская летопись, вероятно, связала болгарский сюжет с тем временем, когда весть о разорении восточных соседей, состоявшемся в конце лета 1236 г., достигла слуха жителей Владимиро-Суздальской земли, а это произошло уже в осенние дни.

Другой иностранный автор – венгерский монах-доминиканец Юлиан – был непосредственным современником и очевидцем вторжения монголов в Поволжье. Свое второе путешествие в Восточную Европу миссионер совершал в тот момент, когда монголы уже «завладели... Фулгарией». Далее в письме Юлиана говорится о том, что

ныне же... все войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж (Ovcheguch) [?], также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разгромить Русь, всю страну русских⁹¹.

Итак, Юлиан оказался на Руси (вероятнее всего, во Владимиро-Суздальской земле, потому как он несколько раз пишет о личных контактах с «князем суздальским») в тот момент, когда Булгария уже была разорена и в ожидании «ближайшей зимы» монголы сосредоточились на рязанских границах. Не совсем ясно, правда, из его описания, какой длительности интервал времени прошел между покорением «Фулгарии» и моментом, обозначенном в письме словом «ныне». Из контекста послания венгерского монаха ясно все же, что речь идет о событиях, непосредственно последующих друг за другом, и хотя полной уверенности в этом у нас нет, но, во всяком случае, эти сведения не противоречат нашим представлениям о последовательности и хронологии событий 1236 г.

⁹¹ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров о татарах... С. 86–87.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» вместе с летописными источниками дают нам основания для создания относительной хронологической версии начала вторжения завоевателей в Рязанскую землю. Календарная дата падения стольного города Рязанской земли – 21 декабря – может считаться несомненной, поскольку повторяется почти всеми древнерусскими произведениями, рассказывающими о нашествии на Рязанщину. «Повесть о разорении...» указывает нам и относительные показания начала осады Рязани:

И обьступиша градъ, и начаша битися неотступно пять дней... А въ шестый день рано приидоша погани ко граду,... и взяша град Резань мѣсяца декабря 21 день⁹².

Таким образом, начало осады города можно передвинуть на 15 или 16 декабря. Разница в реконструируемых датах объясняется тем, что в древнерусском относительном счете дней использовались два способа. Во-первых, это был линейный счет, напоминающий наш современный; в этом случае, «шестым» днем от 21 декабря будет 15 календарное декабрьское число. Однако достаточно широко применялся и так называемый «включающий» счет, когда начальный отсчетный ориентир-день считался не нулевым, как в предыдущем случае, а первым, т.е. он включался в число отсчитываемых дней; при таком порядке начальным днем осады рязанской столицы следует считать 16 декабря. Эту относительную хронологическую версию подтверждают показания Новгородской 1-й летописи:

Татарове же взяша градъ [Рязань] мѣсяца декабря въ 21, а приступили въ 16 того же мѣсяца⁹³.

Здесь уместно обратиться к показаниям Никоновской летописи. Ее сведения удивительным образом совпадают в перечислении рязанских князей, погибших в первой битве с монголами, со сведениями «Повести о разорении...». В этом нет ничего удивительного, поскольку еще А.Г. Кузьмин вполне обоснованно предположил использование в Никоновской летописи наименее искаженного варианта древнего рязанского источника («Особое сказание о разорении Рязани Батыем»), написанного очевидцем трагических событий; этот же

⁹² *Повесть о разорении Рязани Батыем*. С. 99.

⁹³ *НПЛ*. С. 75.

источник отразился и в «Повести о разорении...»⁹⁴. И так, Никоновская летопись содержит следующее сведение:

В лѣто 6745... И придоша окаяннїи иноплеменницы подѣ стольнїи ихъ градъ Рязань, и оступиша градъ ихъ столнїи Рязань мѣсяца Декабря въ 6 день⁹⁵.

Такую дату начала осады Рязани никто из историков не принимал во внимание, поскольку все полагались на показания «Повести о разорении...» и на ту относительную реконструкцию хронологии рязанских событий, что была описана выше. В датирующем сообщении Никоновской летописи мы можем подозревать, однако, бóльшую достоверность, нежели в хронологических показаниях «Повести о разорении...» и Новгородской 1-й летописи. Это ясно из того, в «никоновском» тексте мы чувствуем, с одной стороны, географическую отрешенность автора (точнее, редактора) летописного текста от описываемых событий («стольнїи ихъ градъ», «градъ ихъ столнїи»), но, с другой – его стремление безупречно следовать информации своего источника, который описывает незнакомую ему историю «их града». Выходит, что вполне возможно допустить начало монгольской осады стольного города Рязанского княжества не 15–16 декабря, а 6 декабря. Конечно, можно предполагать, что число 6 декабря появилось в результате типичной для древнерусской письменности ошибки, когда в числе ·ѣ· (16) при переписке была упущена десятковая цифра ·і· (10), но мы можем указать дополнительные аргументы в пользу того, что это вполне конкретное сведение заслуживает большего доверия, нежели информация других источников.

В сведениях «Повести о разорении...» об относительных сроках штурма Рязани отмечается явная сбивка изложения (и даже не одна!), свидетельствующая о неоднородности формирования литературного текста и о возможности наличия хронологических сбоев и «натяжек» в его составе. В начальной части

⁹⁴ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 157–170.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 106.

того эпизода «Повести...», где рассказывается о штурме столичного города, говорится о том, что

царь Баты окаанный нача воевати Резанскую землю [но раньше уже описывались военные действия монголов на Рязанщине и даже целое сражение местных князей с завоевателями!], <и> поидоша ко граду к Резани. И объступиша град, и начаша битися неотступно пять дней.

Затем, однако, в тексте помещается совершенно непонятная и имеющая явное редакторское происхождение фраза, информирующая нас о том, что «Батыево бо войско пременишася», после чего следуют слова:

А въ шестый день рано приидоша погани ко граду⁹⁶.

Последняя фраза представляет собой еще один повтор, поскольку ранее уже было описано продвижение монголов к стенам города («<и> поидоша ко граду к Резани»). Получается, что в этой короткой цитате мы сталкиваемся с двумя дубликациями: во-первых, здесь дважды говорится о вторжении войска Батыя в пределы Рязанской земли и, во-вторых, также дважды – о приходе завоевателей к стенам столичного города. Если оторвать слова

а въ шестый день рано приидоша погани ко граду

от предыдущего текста, повтором которого они являются, тогда их можно понять как

а въ шестый день <месяца декабря> рано приидоша погани ко граду,

что удивительным образом совпадает с показанием Никоновской летописи.

Уже упомянутые календарные даты Новгородской 1-й летописи

(татарове же взяша градъ мѣсяца декабря въ 21, а приступили въ 16 того же мѣсяца)

также выдают нам позднее редакционное хронологическое построение, что ясно хотя бы из того, что дата появления монголов у стен города (16 декабря) следует за датой его взятия (21 декабря), т.е. новгородская запись нарушает правильную календарную последовательность событий. Вспомним о том, что и номер годовой статьи Новгородской 1-й летописи, содержащей эти даты, также был заподозрен нами в позднем происхождении (см. выше).

---

⁹⁶ *Повесть о разорении Рязани* Батыем. С. 11.

Предполагаемые нами весьма длительные сроки осады столичного города Рязани (6–21 декабря) может подтвердить, на наш взгляд, такая фраза Никоновской летописи, помещенная в тексте источника между двумя названными календарными датами:

И острогомъ оградиша его [город Рязань]; князи же Рязанстїи затвори-
шася во градъ съ людьми, и крѣпко бившееся и изнемогаша⁹⁷.

Описанная В.В. Каргаловым схема оборонительных укреплений города

(с трех сторон Старую Рязань окружали валы и рвы, ... валы Старой Рязани были мощным сооружением и достигали высоты 9-10 м, ... рвы имели до 8 м глубиной⁹⁸),

представленная на основе результатов археологических раскопок, только способствует принятию нашей хронологической версии. В.В. Каргалов упомянул еще какое-то «короткое» сражение «на подступах к городу», но это известие, дополняющее, вроде бы, нашу схему, не находит подтверждения в источниках.

Несмотря на достаточную вероятность предположения о длительной осаде Рязани, что стало бы хорошей иллюстрацией мужественного героизма рязанцев, мы должны все же отказаться от этого весьма привлекательного историко-хронологического построения. Сделать это заставляет вполне определенное показание Рашид-ад-Дина. Рассказывая о том, как монгольские «царевичи» после начала войны с русскими «осадили город Арпан» (по согласному мнению всех комментаторов персидского автора, здесь называлась Рязань), он указывает далее, что «в три дня взяли (его)»⁹⁹. Более вероятным поэтому является предположение о том, что календарная дата 6 декабря в первоначальном сказании о нападении монголов на Рязанскую землю относилась к другому событию, случившемуся ранее их появления у стен столицы княжества.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» вполне определенно заявляет о том, что перед осадой главного города Рязанской земли было какое-то крупное сражение русских с монголами:

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 106.

⁹⁸ Каргалов В.В. Русь и кочевники. С. 141.

⁹⁹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 38.

И едва отдохнув от великаго того плача и рыдания [по поводу смерти Федора Юрьевича, убитого на переговорах с Батыем]... князь великий Юри Ингоревич, видя братию свою и боляръ своих и воеводе храбрыи и мужественны ѳздыше... И поидоша против нечестиваго царя Батя, и стретоша его близ придел резанских. И наподаша на нь, и начаша битися крепко и мужественно, и бысть съча зла и ужасна... И едва одолѣша их силныя полкы татарскыя. Ту убиень бысть благовѣрныи князь великии Георгий Ингоревич, брата его князь Давидъ Ингоревич Муромской, брат его князь Глѣбъ Ингоревич Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многая князи мѣсныя и воеводы крѣпкыя, и воинство... Ни един от них возвратися вспять: вси вкупе мертвии лежаша... Царь же [Батый]... начаша воевати Резанскую землю... И град Прънескъ, и град Бѣл, и Ижеславецъ розари до основания¹⁰⁰.

Многие историки высказывали сомнения в достоверности известия об этом сражении, полностью игнорируя сведения о нем из «Повести...» или же приписывая появление этого известия патристическому задору ее автора; по их мнению, рязанцы сразу же после появления врагов на своих рубежах приступили к пассивной обороне¹⁰¹. Существенным аргументом в пользу такого мнения являлось то обстоятельство, что битва «близ придеѣль резанскихъ» описана только в «Повести...». Однако один из летописных памятников северо-восточной группы (правда, очень поздний, но вобравший в себя древние источники этой летописной традиции), Никоновская летопись (30-е гг. XVI в.), недвусмысленно сообщает о том, что после смерти Федора

князи же Рязаньстїи, и Муромстїи и Пронстїи [это совпадает с перечнем князей в «Повести...»] изшедше противу безбожныхъ, и сотвориша с ними брань, и бысть съча зла, и одолѣша базбожнїи Измаилтяне, и бѣжаша князи во грады своя¹⁰².

В памятниках новгородской летописной традиции мы также встречаем отголосок сведения об этой битве в сообщении о том, что еще до штурма Рязани

¹⁰⁰ *Повесть о разорении Рязани Батыем*. С. 97–98.

¹⁰¹ Например: *Полевой Н.А.* Указ. соч. С. 226; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 137; *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 126–127; *он же*. Становление Руси. С. 521; *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития... С. 85; *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 9, и многие др.

¹⁰² *ПСРЛ*. Т. 10. С. 106.

местные князья выехали навстречу монголам «на Воронеж»¹⁰³ (зачем? – остается неясным).

Что означают слова, указывающие на место этой битвы («близ придѣль резанскихъ»)? Получается, что рязанцы первыми напали на монголов, стоящих лагерем на рязанских рубежах? Никоновская летопись прямо намекает на это, указывая, что после первой битвы рязанцев с монголами победившие в ней завоеватели «поплѣниша ю [Рязанскую землю] и до Проньска»¹⁰⁴. Однако летописные источники северо-восточной традиции показывают, что «до Проньска», находящегося вблизи от столицы княжества, монголы прошли сразу же после срыва переговоров¹⁰⁵. Скорее всего, первая битва рязанских князей с завоевателями произошла как раз у Проньска, куда враги стремительно вторглись после провала попыток договориться с рязанскими князьями. В пользу такого предположения свидетельствуют и сведения памятника южнорусской летописной традиции (Ипатьевская летопись), связывающие смерть старшего из рязанских князей Юрия Ингоревича как раз с Пронском, при этом, правда, фантастически предваряя этому известию взятие стольного рязанского города, пленение там врагами князя Юрия и его доставку под стены Проньска с целью выманить оттуда его жену:

Придоша безбожнии Измалтанѣ... и взаша гра Рязань копьемь . изведшее на льсти княза Юрья . и ведоша Прыньскоу бѣ бо в то врѣ княгини его Прыньскы . изведоша княгиню его на льсти оубиша Юрья княза и княгини его . и всю землю избиша¹⁰⁶.

Возможно допустить, что календарная дата 6 декабря относится как раз к первому военному монголо-рязанскому столкновению, происходившему у Проньска.

Современные города Пронск и Рязань разделяет расстояние более сотни километров. Старая Рязань располагалась ближе к Пронску, т.е. Батыю пред-

¹⁰³ *НПЛ*. С. 75.

¹⁰⁴ *ПСРЛ*. Т. 10. С. 106.

¹⁰⁵ *ПСРЛ*. Т. 1. Стб. 460; Т. 18. С. 55 и др.

¹⁰⁶ *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 778.

стояло пройти от места предполагаемого нами сражения до столицы Рязанского княжества около 50 км. Этот путь занимал, как минимум, 1–2 дня, значит, начало вторжения мы можем перенести на границу первой и второй декад декабря, если начало осады стольного города относить к 15–16 декабря. Если принять предположение о битве под Пронском 6 декабря, тогда, с учетом движения монголов от верховьев Воронежа до Пронска, вторжение врагов в Рязанскую землю следует относить к самому началу декабря или, что вероятнее, к концу ноября. Если остановиться на самом смелом, но сомнительном историко-хронологическом предположении (осада столицы началась 6 декабря), тогда все предшествующие события можно уверенно передвинуть на ноябрь.

Где располагалось становище Батыея и где происходили монголо-рязанские переговоры, т.е. откуда монголы направились в сторону Пронска? Ответ на этот вопрос позволил бы нам уточнить относительные хронологические выводы о начале вторжения завоевателей на территорию Рязанщины. К сожалению, ни летописные тексты, ни «Повесть о разорении Рязани Батыем» не дают нам конкретной информации о том, когда и где происходили эти события и какую роль сыграла так называемая Онуза и река Воронеж в судьбе Рязанского княжества, поэтому специалисты не могут достичь окончательной определенности в решении этой проблемы.

Общим может быть признан лишь вывод о том, что «Онуза» и «Воронеж», называемые источниками в качестве объектов первоначального расположения монголов, были расположены на территориях, непосредственно прилегающих к Рязанской земле¹⁰⁷. Можно согласиться с утверждением Ю.Р. Почекаева о том, что встречаемое в источниках название «Воронеж»

в рассматриваемый период... было названием реки, а не «замка», поскольку город Воронеж был основан лишь в XVI в. Поэтому... «замок Воронеж» Юлиана можно отождествить с «Онузой». Вероятно, это была одна из пограничных рязанских крепостей¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 161–162; Кривошеев Ю.В. Указ. соч. С. 141–142, прим. 81; Андреев С.И. Юго-восточное Рязанское пограничье в XII–XIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. С. 14–15; и др.

¹⁰⁸ Почекаев Ю.Р. Указ. соч. С. 116.

В любом случае понятно, что «Онуза» – это населенный пункт, потому как монголы «взяша ю и пожгоша»¹⁰⁹. Именно поэтому вполне уместно предположение В.В. Каргалова о том, что Онуза (городище, крепость, поселение?) могла располагаться на р. Воронеж¹¹⁰. В таком случае путь до Пронска, где, по нашим предположениям, 6 декабря произошло первое военное столкновение, действительно, должен был занять несколько дней и начался, как мы и предполагали раньше, в конце ноября – начале декабря.

По мнению Ю.В. Кривошеева, мнению вполне обоснованному и представляющемуся очень убедительным, монголо-рязанские переговоры были весьма длительной процедурой, что объяснялось традиционными монгольскими правилами ведения подобных контактов с иноземцами¹¹¹. Исследователь обратил внимание и на тот факт, что направленное монголами в Рязанскую землю посольство было «переадресовано» местными князьями великому владимирскому князю Юрию Всеволодовичу, после чего послы вновь вернулись «в Татары в Воронеж». Такие сведения содержались в Новгородской 1-й летописи, в Московском летописном своде конца XV в. и в Тверском сборнике¹¹². Пискаревский летописец, правда, отмечает, что после того, как

пустиша их [монгольских послов] къ Юрью в Володимер,
монголы уже

начаша воевати землю Рязанскую и плениша ю до Пронска
и только после того

из Володимеря пустиша их [тех же самых послов]... в татары.

При этом, правда, послы возвращаются не к Пронску, где тогда уже находился, по показаниям летописца, Батый, а «во Воронеж»¹¹³, т.е. к моменту окончания достаточно длительного путешествия монгольского посольства (из лагеря Батые в Рязань, затем – во Владимир, и после того – опять к своему хану) прошло

¹⁰⁹ *ПСРЛ*. Т. 10. С. 106; Т. 18. С. 55; и др.

¹¹⁰ *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы... С. 214.

¹¹¹ *Кривошеев Ю.В.* Указ. соч. С. 141–156.

¹¹² *НПЛ*. С. 74; *ПСРЛ*. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 126; Т. 15. Стб. 366.

¹¹³ *ПСРЛ*. Т. 34. М., 1978. С. 85. То же самое отмечается еще в одном позднем западно-русском памятнике, в Супрасльской летописи (*ПСРЛ*. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 17).

достаточно много времени. Все это вполне определенно указывает на то, что первые русско-монгольские контакты начались не просто в конце осени, а еще в первой половине ноября.

Наши выводы об осеннем начале монголо-рязанских контактов совпадают с мнением некоторых исследователей, в частности с выводами Е.И. Сусенкова и Курбан-Гали, которые считали, правда, умозрительно, что монголы концентрировали свои силы у рубежей Рязанского княжества в ноябре¹¹⁴.

Косвенным подтверждением нашей хронологической версии становится и употребляемая многими русским источниками такая сезонная датировка появления монголов у рязанских границ, как «на зиму», один из возможных переводов которой будет звучать как «перед зимой». Подтверждение находится и в уже знакомом нам послании венгерского миссионера Юлиана:

Они [стоящие на русских границах монголы]... ждут того, чтобы земля, реки и болота *с наступлением ближайшей зимы* замерзли, после чего все-му множеству татар легко будет разграбить Русь, всю страну русских¹¹⁵.

Конечно, наши выводы по поводу сроков вторжения Батыя в Рязанскую землю носят дискуссионный характер и не претендуют на безусловное их принятие, но источники все же заставляют нас пересмотреть ставшее привычным мнение о декабрьском появлении монголов у рязанских границ и последовавшим вскоре за ним стремительном вторжении.

Приступая к изучению хронологии дальнейших монгольских завоеваний на русском Северо-Востоке, мы должны отметить очень важное обстоятельство: завоевание Рязанской земли и вторжение Батыя в пределы Владимиро-Суздальского княжества – последовательные события, между которыми не было длительного интервала времени. Все источники указывают на эту последовательность. Даже «Повесть о разорении...», автор которой сосредоточился на изложении исключительно рязанских бедствий, отмечает, что после покорения Рязанской земли

---

¹¹⁴ Сусенков Е.И. Указ. соч. С. 99; Курбан-Гали. Хронология истории булгаро-татар. Кн. 1. Казань, 2004. С. 116.

¹¹⁵ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров о татарах... С. 87.

безбожный царь Батый... поиде на град Суздаль и Владимирь¹¹⁶, тем самым указывая на близкую временную связь покорения Рязанской и Суздальской земель. Лаврентьевская летопись специально подчеркивает, что вторжение монголов на Владимирскую землю было «тое же зимы», что и разорение Рязанщины¹¹⁷. Наконец, Рашид-ад-Дин относит рязанский и владимирский походы Батыея к одному и тому же 634 г. хиджры (4 сентября 1236 г. – 23 августа 1237 г.)¹¹⁸.

2.3. Хронология разгрома Владимирской земли

В «Истории российской» В.Н. Татищева встречается календарная дата, которая связывает во времени два эпизода нашествия Батыея на Северную Русь – завоевание Рязанской земли и покорение земли Владимирской. По сведениям историка, после разорения Рязанщины (декабрь) завоеватели 1 января двинулись далее на север, т.е. в сторону Владимира¹¹⁹. Откуда в труде В.Н. Татищева появилась эта дата, которой нет ни в одном из известных нам древнерусских памятников? Мы знаем, что в его распоряжении были не сохранившиеся до наших дней летописи (Раскольничья и Голицинская), но они не могли стать источником появления оригинального сведения, поскольку заканчивались описанием событий конца XII в. Давно, уже с XVIII в., было отмечено, что автор «Истории российской» отличался «творческим» подходом к использованию своих источников и нередко прибегал к домыслам, что приводило к искажению исторической информации и ее пополнению вымышленными сведениями, довольно умело вписанными в ряд реальных известий. Такое произошло, к примеру, в случае с датировкой русско-монгольской битвы на Калке, когда В.Н. Татищев самостоятельно вычислил день недели (пятница) первого русско-

¹¹⁶ *Повесть о разорении Рязани Батыем*. С. 99–100.

¹¹⁷ *ПСРЛ*. Т. 1. Стб. 460.

¹¹⁸ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 38–39.

¹¹⁹ *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 233, прим. 27.

монгольского сражения (см. 1.1, 2). Однако, как выяснили исследователи татищевского творчества, методика появления вымыслов в его сочинении была такой: к их помощи он прибегал чаще всего в тех случаях, когда сталкивался с противоречивой или малопонятной информацией своих источников¹²⁰. При учете этого обстоятельства в нашем случае мы можем, вероятно, доверять показанию автора XVIII в., который получил уникальное сведение из какого-то не сохранившегося до наших дней древнерусского произведения; используя его информацию, В.Н. Татищев, тем не менее, не упомянул названия источника на страницах «Истории российской», как это он делал в других случаях.

Сохранилось еще одно весьма любопытное хронологическое показание, занимающее промежуточное место между рязанским и суздальским этапами похода Батыя. В списках так называемой редакции Б цикла повестей о Николе Заразском (второй вид этой редакции, по классификации Д.С. Лихачева; списки XVI–XVII вв.) «Повесть о разорении Рязани Батыем» указывает календарную дату погребения Евпатия Коловрата – 11 января¹²¹. Как мы знаем, «Повесть о разорении...» относит героические подвиги Евпатия к тому времени, когда монголы, оставив территорию разоренной Рязанщины, «поиде на град Суздаль и Владимирь»:

И нѣкий от велмож резанских имянем Еупатий Коловрат... погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздальстеи, и внезапно нападоша на станы Батыеви¹²².

Конечно, реалистичность образа Евпатия, как и его военные подвиги, вызывают серьезные и вполне обоснованные сомнения историков. Еще более усиливают эти сомнения особенности информации именно этой редакции произведения, в составе которой, по мнению Д.С. Лихачева,

ни первый, ... ни второй ее вид не могут быть признаны древнейшими¹²³.

---

¹²⁰ Толочко А.П. «История российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 249–287; Стефанович П.С. «История российская» В.Н. Татищева: Споры продолжаются // Отечественная история. 2007. № 3. С. 88–96.

¹²¹ Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 244, 247–248.

¹²² Повесть о разорении Рязани Батыем. С. 100.

¹²³ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 244.

Так, согласно этому виду «Повести о разорении Рязани...» Евпатий и князь Ингорь Ингореви́ч собирают

пóдать государя своего великого князя Георгия Ингореви́ча

почему-то в Черниговской земле (!), тело Евпатия торжественно хоронится в рязанском соборе (и это буквально через три недели после того, как пишет та же «Повесть...», монголы «пожегоша» кафедральный собор и «храмы божия разориша») и т. д. Тем не менее удивляет точное согласование календарной даты погребения Евпатия с хронологическими показаниями летописей и В.Н. Татищева.

Означает ли это, что битва у Коломны, открывшая монголам путь вглубь Владимиро-Суздальской земли, произошла еще до 11 января 1237 г.? Поскольку Евпатий погиб в битве с воинами Батыя уже «въ земле Суздальстеи», значит, коломенское сражение на рязанско-владимирском пограничье должно было предшествовать гибели и погребению легендарного богатыря.

И такая догадка действительно подтверждается сведениями источников и историко-географическими наблюдениями. Несомненно, что путь завоевателей от Рязани до Коломны пролегал по льду Оки, поскольку это была самая удобная естественная дорога, соединяющая два названных географических пункта. Если принять дату В.Н. Татищева о начале выдвижения завоевателей в сторону Коломны 1 января 1237 г., тогда достичь этого пункта они должны были через 2–3 дня, поскольку им предстояло преодолеть расстояние примерно в 150 км. Битва произошла, несомненно, сразу же после подхода монголов к Коломне, а не спустя какое-то время, как это можно представить из показаний Лаврентьевской летописи, повторяемых многими другими памятниками. Здесь сообщается, что враги

потѡ̂ [после взятия Рязани] поидоша на Коломну,

а следом говорится:

Поиде Всеволодь · сн̄ь Юрьев... противу Таарѡ̂ · и сступишася оу Коломны · и бы̂ сѣча велика · и оубиша Ѹ Всеволода воеводу · Еремѣя Глѣбови-

ча и иныаа мужии много ўбиша оу Всеволода¹²⁴.

Из этих слов создается впечатление о том, что владимирские воины выступили в сторону Оки лишь после того, как узнали о появлении на своих границах «безбожных иноплеменников», которые терпеливо поджидали у Коломны своих будущих противников. Именно такую картину рисует Типографская летопись, на страницах которой в результате существенного сокращения текста появилась чуть ли не внезапная встреча владимирцев с монголами у Коломны:

Князь же великыи Юрьи посла противу имъ сына своего Всеволода, и с нимъ князь Романъ Инъгваровичъ Рязанский и воевода Ерѣмеи Глѣбовичъ. И срѣтостася с Татары оу Коломны...¹²⁵.

Несомненно, однако, что в этом городе, находившемся на рязанско-суздальской границе, еще до прихода сюда Батыея и до присоединения дружин под командованием Всеволода Юрьевича уже присутствовали достаточно крупные русские вооруженные силы. Это были остатки рязанских полков, возглавляемые уцелевшим при захвате Рязани Романом Ингворевичем. Суздальская летопись, правда, отправляет его в Коломну из Владимира вместе с сыном великого князя:

Тое же зимы поиде Всеволобъ снѣ Юрьевъ... и князь Романъ... съ своими вой · из Володимера противѸ Татаромъ¹²⁶,

но делает это, без сомнения, надуманно, полагаясь при этом лишь на знание о том, что Роман все же присутствовал здесь и принимал участие в Коломенской битве. В Коломне Роман оказался после падения Рязани, этот факт зафиксировал Тверской летописный сборник, так завершивший рассказ о рязанском разорении:

А князь Романъ отступи <къ> Коломнѣ съ своими людми¹²⁷.

Любопытно, что бегство Романа в Коломну, почти забытое северными русскими летописными памятниками, отмечает и, следовательно, подтверждает, Ипатьевская летопись:

Кюрь Михайловичъ же оутече со своими людми¹²⁸.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 92.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 515.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 367.

Новгородская 1-я летопись объясняет нам причину того, что Роман единственным из рязанских князей уцелел при обороне Рязани:

Князь же Рязаньскыи Юрьи затворися въ граде с людми, князь же Романъ Инъгорович ста битися противу ихъ съ своими людми¹²⁹,

т.е. Роман сражался за пределами городских стен. Зная о том, что Юрий Ингворевич погиб вместе с большинством своих сородичей, вероятнее всего, в битве у Пронска, мы можем считать, что именно Роман руководил обороной стольного города и сумел скрыться после его захвата врагами. Именно к рязанскому князю и именно в Коломну направил владимирских воинов Юрий Всеволодович:

Князь же Юрьи Володимирьскыи тогда посла Еремѣя въ сторожихъ воеводою, и сняся с Романомъ... у Коломны¹³⁰.

Выступление Еремея Глебовича по воле великого князя из Владимира «в сторожу» упоминают многие памятники, но некоторые из них помещают его вслед за описанием выхода из Владимира Всеволода Юрьевича, и это заставляет считать, что княжеский воевода уходил вдогонку за полками молодого князя (при чем тогда «сторожа?»); правильный порядок выхода владимирских дружин в военный поход передают Симеоновская и Никоновская летописи:

А воеводу своего Еремѣя Глѣбовича посла князь Юрьи напред [Всеволода] в сторожех¹³¹.

Итак, у границ Суздальской земли монголов встретили уже несколько дней пребывающие здесь воины Романа Ингворевича (как минимум, с 20-х чисел декабря и, во всяком случае, после 21 декабря 1236 г.) и соединившийся с ними сторожевой отряд Еремея Глебовича; накануне прихода врагов коломенская «группировка» была усилена недавно подошедшей дружиной Всеволода Юрьевича. Очевидно, что собранные в Коломне русские вооруженные силы были весьма значительными. Здесь мы поддерживаем мнение В.В. Каргалова о

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

¹²⁹ НПЛ. С. 74.

¹³⁰ НПЛ. С. 74–75. Упомянув такую важную деталь событий зимы 1236–1237 гг., этот памятник, тем не менее, вообще забывает об участии в Коломенской битве сына великого князя Всеволода Юрьевича.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 127; Т. 10. С. 106; Т. 18. С. 55.

масштабности и значимости Коломенской битвы, хотя не согласны с его попыткой искусственно увеличить силы русских за счет упоминаемых якобы в источниках «отрядов из Пронска, Москвы и других городов Руси»¹³². Об ожесточенности Коломенской битвы свидетельствует факт гибели здесь одного из монгольских «царевичей»

(они овладели также городом Ике [т.е. городом на Оке, Коломной], Кулкану была нанесена там рана и он умер¹³³),

что было уникальным случаем в истории многолетней военной экспедиции Батыея. Таким образом, мы приходим к весьма твердому выводу о том, что русско-монгольское сражение у Коломны произошло сразу вслед за появлением здесь войск Батыея, т.е. примерно 4–5 января 1237 г. и, в любом случае, до 11 января (если верить дате погребения Евпатия Коловрата).

В.В. Каргалов утверждает, что под Коломной завоеватели оказались не ранее 10 января, полагаясь при этом не только на учет географических расстояний, но и на умозрительное рассуждение о том, что

монголо-татары неизбежно должны были задерживаться для взятия приокских рязанских городов¹³⁴.

Такое предположение выглядит принципиально уместным, но, как мы скажем ниже, «неизбежность» продвижения монголов к Коломне определялась совсем не стремлением разграбить мелкие населенные пункты, попадавшиеся по пути их следования.

Предполагаемое нами присутствие в Коломне рязанского князя Романа Ингворевича в составе значительного по численности русского воинства как раз и объясняет направление продвижения батыева войска от захваченной Рязани к владимирским рубежам. Во всех своих войнах, начиная еще со времен Чингиз-хана, в завоеванных странах победители стремились истребить правящие до их появления монархические династии или же добиться от их представителей безусловного и личного признания своей власти. Бежавший из Рязани в

¹³² Каргалов В.В. Освободительная борьба Руси... С. 108: *он же*. Русь и кочевники. С. 146.

¹³³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 39.

¹³⁴ Каргалов В.В. Русь и кочевники. С. 144.

Коломну князь Роман представлял с этой точки зрения вполне мотивированный объект преследования. Совсем не случайно из всех северо-восточных русских князей, противостоящих Батью, Рашид-ад-Дин, знавший имена, как минимум, пяти князей, особо выделил только одного:

Один из русских эмиров по имени Урман [Роман] выступил с ратью, но его разбили и умертвили¹³⁵.

Кстати, участие в Коломенской битве владимирцев объясняет и дальнейшее углубленное проникновение монголов в северорусские земли, хотя, как вполне обоснованно считают многие исследователи, завоевание этой территории не было первоначальной целью военной экспедиции в Восточную Европу¹³⁶. Выступив у Коломны на стороне рязанцев, которые к тому моменту уже считались монгольскими врагами, князья Владимирской земли автоматически превращались в таковых же и заслуживали наказания. Теми же причинами объясняется, вероятно, и позднейшая попытка проникновения «безбожных» в Новгородскую землю. По сообщению Московско-Академической летописи, «противꙋ Татаромъ» к Коломне из Владимира выступили не только владимирцы и рязанцы, но еще и «Новгородѣци»¹³⁷.

Следующим объектом монгольского завоевания в Северо-Восточной Руси все источники называют Москву:

Тое же зимы . взаша Москву Татарове · и воеводу Ѹбиша · Филиппа Нанка... а княза Володимера · ѡша руками сѣна Юрьева¹³⁸.

Рашид-ад-Дин так описывает это же событие:

Сообща в пять дней взяли также город Макар и убили князя <этого> города по имени Улайти-мур¹³⁹.

Если в именах собственных «Макар» и «Улайти-мур» исследователи вполне справедливо слышали созвучие Москве и князю Владимиру (который, правда, здесь был пленен и предан смерти позже, уже у стен Владимира), то указанный

¹³⁵ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 39.

¹³⁶ Подробней об этом см.: *Кривошеев Ю.В.* Указ. соч. С. 136–138.

¹³⁷ *ПСРЛ*. Т. 1. Стб. 515.

¹³⁸ Там же. Стб. 460.

¹³⁹ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 39.

персидским автором 5-дневный срок осады небольшого города-крепости вызывает удивление. Остается предполагать, что длительная оборона Москвы объяснялась тем, что здесь скопились бежавшие из под Коломны остатки объединенного рязанско-владимирско-новгородского русского воинства, сражение с которым являлось для монголов обычным военным действием – преследованием побежденного противника. Такое рассуждение заставляет считать, что взятие Москвы случилось вскоре после Коломенской битвы, т.е. примерно во второй половине первой декады января 1237 г., поскольку воинам Батые по льду реки надо было пройти около 100 км. Однако здесь мы опять сталкиваемся с оригинальным календарным показанием В.Н. Татищева, который относит взятие Москвы к 20 января¹⁴⁰. Это сведение позволяет считать началом осады будущего стольного российского города день 15 января. По всей видимости, ожесточенность Коломенского сражения потребовала того, что монголы какое-то время «зализывали раны», а не бросились сразу же, как они обычно поступали, преследовать побежденных и бегущих противников.

От Москвы путь захватчиков пролегал к Владимиру-Залесскому. Всем исследователям такое направление продвижения Батые казалось вполне естественным, потому как завоевание столицы Владимирской земли представляло, якобы, особо важную цель. Обратим, однако, внимание на то, что для традиционного способа передвижения воинов Батые в зимнее время более подходил не переход лесного водораздела между реками Москва и Клязьма (двигаясь по льду Клязьмы на восток, можно было достичь Владимира), а дальнейшее продвижение по реке Москве на северо-запад с возможным выходом к Звенигороду или Волоку-Ламскому. Именно в таком северо-западном направлении монголы неуклонно следовали по ледовым речным путям после взятия Рязани. Клязьма также открывала возможности продвижения либо на северо-запад в направлении Дмитрова, либо на север в сторону Перяславля-Залесского. Тем не менее восточное направление после взятия Москвы стало для завоевателей основным

---

¹⁴⁰ *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 233.

и в первую очередь потому, что за стенами Владимира спрятался бежавший сюда из под Коломны «в малѣ дружинѣ» князь Всеволод Юрьевич, уже превратившийся для монголов в олицетворение враждебности.

Накануне прихода врагов к стенам столицы великий князь Юрий Всеволодович покинул город и отправился далеко на север своих владений, на левый берег Волги к реке Сить. Это случилось между 4–5 января (битва у Коломны) и 3 февраля (начало осады Владимира-Залесского). Убежав с берегов Оки после военного поражения, Всеволод Юрьевич, скорее всего, довольно быстро достиг столицы (не позже первых чисел второй декады января), следовательно, его отец с этих дней и мог покинуть город, оставив его на попечение сыновей, в том числе и уже познавшего горечь поражений Всеволода. Для этого великому князю не надо было дожидаться вестей из Москвы (ее захват монголами случился 20 января), поскольку уже к середине месяца стало понятно, что оборона южных рубежей княжества полностью прорвана врагами, и это потребовало от великого владимирского князя действий по формированию новых дружин. Правда, Рашид-ад-Дин и Новгородская 1-я летопись пишут не о стратегическом перемещении, а о бегстве великого князя, но это не меняет взглядов на хронологию этого события.

Историко-хронологическое исследование летописных календарных дат начала осады столицы Владимирской земли и ее захвата является важнейшим моментом нашего исследования. Особая роль изучению этих дат отводится потому, что оно позволяет не только сформулировать окончательные выводы по поводу характеристики датирования монгольского нашествия, но и проследить путь «наслоения» на первоначальные и, вероятнее всего, достоверные даты позднейших редакционных искажений. Совмещение в этих показаниях разновременных хронологических «слоев» очевидно хотя бы потому, что дата прихода монголов к стенам Владимира во вторник 3 февраля никак не согласуется с датой взятия города в неделю (воскресение) 7 февраля (см. 2.1).

Итак, все многообразие летописных показаний начала осады Владимира-Залесского можно свести к трем разновидностям датирующих записей. Первую группу дат полнее всего представляет запись Лаврентьевской летописи:

В лѣтѣ · ѿ · ѿ · ѿ · мѣ · ... Тоѣ зимы · Придоша Татарове к Володимерю · мѣа фев-
ра · въ · Г · на памѣ стѣ Семешна во вторнѣ прѣ мапу за нѣлю¹⁴¹.

Сокращенный вариант этой датирующей записи, лишенной месяцесловного дополнения («на памѣ стѣ Семешна»), донесла большая группа летописных памятников как северо-восточного (Суздальская летопись по Академическому списку, Московский свод конца XV в., Типографская и Никоновская летописи и др.), так и северо-западного происхождения (Софийская 1-я летопись):

В лѣтѣ · ѿ · ѿ · мѣ · ... мѣа февраля въ · Г · днѣ въ вторнѣ · прежде масопуста
за недѣлю¹⁴².

Без сомнения, еще более урезанный вид такой датировки, содержащий только юлианское число («в лето 6745... месяца Февраля въ 3 день»), попал на страницы нескольких других памятников (Симеоновская, Новгородская 4-я, Супрасльская и другие летописи, а также в Русский Хронограф)¹⁴³; происхождение этого вида записи от лаврентьевского образца подтверждается тем, что все памятники, содержащие его, другое календарное показание этого эпизода (дата взятия Владимира) также передают «по-лаврентьевски».

Второй вариант интересующей нас календарной даты содержится в Львовской и Ермолинской летописях:

В лѣта 6745,... февраля 3, во вторник мясопустныя недѣли¹⁴⁴.

Его отличие от первого варианта заключается не в простом пропуске предлога «прежде», а носит глубокий и принципиальный содержательный смысл, поскольку вторник на неделе перед Мясопустной семидневкой и вторник Мясопустной седмицы – это два совершенно разных дня пасхального календаря. И все же мы склонны считать, что дата с мясопустной принадлежностью втор-

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 516; Т. 5. С. 212; Т. 25. С. 127; Т. 24. С. 98; Т. 10. С. 107; Т. 30. М., 1965. С. 88; Т. 34. С. 85.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 4. С. 216; Т. 17. С. 18; Т. 18. С. 55; Т. 22. Ч. 2. СПб., 1914. С. 397.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 20. 1-я пол. Ч. 1. СПб., 1913 С. 156 - 157; Т. 23. СПб., 1910. С. 74.

ничного дня 3 февраля была лишь механическим искажением смешанной даты лаврентьевского образца, но не результатом глубокомысленных пасхально-хронологических расчетов. Думать так нас заставляет прежде всего несомненный календарно-хронологический факт: ни в одном из годов четвертого десятилетия XIII в. юлианское число 3 февраля не было вторником на Мясопустной неделе-семидневке. Несомненно, что вариант Львовской и Ермолинской летописей был поздней и случайной модификацией первого варианта календарной даты начала осады Владимира-Залесского.

Иначе обстоит дело с третьей разновидностью даты. В отличие от всех предыдущих примеров, она относит приход завоевателей к стенам столицы Владимирской земли не к 6745, а к 6746 г. Именно в таком году помещают изучаемое событие Новгородская 1-я летопись и Тверской летописный сборник¹⁴⁵. Мы уже выяснили ранее, что годовая дата Новгородской 1-й летописи (6746 г.), к которой относятся все события монгольского вторжения (от вступления врагов в Рязанскую землю до взятия ими Торжка), была получена искусственно в результате механического и ошибочного совмещения ультрамартовского и мартовского календарных стилей (см. 2.2), следовательно, она не заслуживает доверия. Тверской сборник, представляющий собой сложную компиляцию летописных текстов различных традиций, усугубил эти искажения, механически дополнив их разнотипными хронологическими элементами. В нашем случае это проявляется с очевидной несомненностью: 6746-й номер года Тверской сборник совместил с календарными элементами уже описанных нами первого и второго вариантов датирования:

В лѣто 6746... мѣсяца февраля 3 день, на память святаго Симеона богопрі-
емца, въ вторникъ мясопустныя недѣли¹⁴⁶.

Иначе говоря, хронологическо-текстологические наблюдения показывают нам, что наиболее близкий к первоначальному и наиболее полный вариант календарной даты начала осады Владимира сохранила Лаврентьевская летопись.

¹⁴⁵ *НПЛ. С. 75-76; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 366.*

¹⁴⁶ *ПСРЛ. Т. 15. Стб. 368.*

Хронологические элементы рассказа о решающем штурме Владимира-Залесского в этом памятнике представлены следующим образом:

В лѣтѣ · ꙗко · мѣ · мѣ · ... В сѣту · мѣпѣ · ю · почаша [монголы] наражати лѣсы · и пороки ставиша до вечера · а на ночь шгородиша тынѣ школо всего города Володимера · В нѣлю мѣпѣ · ю · по заутрени · приступиша к городу · мѣ · феврѣ · в · 7 · на памѣ · стѣ · мѣ · Февдора Стратилата¹⁴⁷ .

Без месяцесловного дополнения («на памѣ · стѣ · мѣ · Февдора Стратилата») эти показания повторяются многими памятниками, как относительно ранними, так и позднейшими, как северо-восточными, так и северо-западными¹⁴⁸ . Несомненно, к этой же группе относится и дата Московского свода конца XV в., который забыл указать субботу мясопустную, но вторую половину датирующих известий повторил безошибочно:

В недѣлю мясопустную по заутрени февраля 7 день¹⁴⁹ .

Составитель Типографской летописи решил по своему усмотрению дополнить хронологические показания предшествующих текстов: поскольку к Владимиру «в сѣту · мѣпѣ · ю» враги вернулись от Суздаля, он глубокомысленно рассудил, что

взяша [монголы] Суздаль в пятокъ, а в субботу опять приидоша к Володимерю¹⁵⁰ .

Иную юлианскую календарную дату взятия Владимира приводит Никоновская летопись. Относя возвращение воинов Батые от Суздаля к Владимиру, как и все ранее перечисленные памятники, к мясопустной субботе, она датирует начало приступа

заутра въ недѣлю мясопускъную, мѣсяца Февраля в 8 день, ... на память святого мученика Феодора стратилата¹⁵¹ .

Наконец, третий вариант датировки доносит до нас Новгородская 1-я летопись. Мы уже неоднократно писали раньше о том, что этот источник, отлича-

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 516; Т. 4. С. 216; Т. 5. С. 213–214; Т. 17. С. 18; Т. 20. С. 157; Т. 30. С. 88; Т. 34. С. 85; и др.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 127–128.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 98.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 107–108.

ясь от прочих, относит нашествие к 6746 г., но этой годовой дате не стоит доверять. При описании штурма Владимира-Залесского Новгородская 1-я летопись опять же, проявляя оригинальность, не указывает календарной даты начала осады, не упоминает об уходе части батыева войска от стен осажденной владимирской столицы к Суздалю и об их возвращении и, наконец, приводит только пасхально-недельную дату падения города:

В пяток преже мясопустныя недѣли¹⁵².

Тверской летописный сборник, который, как уже тоже говорилось выше, с механической простотой компилировал разнотипную летописную информацию, при описании решающего штурма в полном объеме демонстрирует «творческие» приемы одного из его составителей. Позаимствовав из северо-западной летописной традиции годовую дату 6746, он оттуда же скопировал и дату пятничного перед Мясопустом дня (в Новгородской летописи так датировалось падение Владимира). Однако из северо-восточного летописания тот же сводчик почерпнул сведение о мясопустной субботе, обозначавшей возвращение монголов от Суздаля к Владимиру. Совмещая два этих показания пасхального календаря, составитель проявил незаурядную «наблюдательность» и «сообразительность», здраво, с его точки зрения, рассудив, что пятница должна предшествовать субботе. Именно поэтому дату позднего события (окончательный захват Владимира монголами в пятницу перед Мясопустом, по новгородской версии) он присоединил к событию раннему (возвращение монголов из Суздаля), а дату того же возвращения из северо-восточных летописей (суббота мясопустная) перенес на день захвата города. Последнее из скомпилированных им хронологических показаний он для большей убедительности сопроводил еще и датой юлианского календаря 7 февраля, которая в северо-восточных летописях действительно относилась ко дню падения владимирской столицы, но там она соединялась с воскресным днем недели. В итоге таких манипуляций в Тверском сборнике получился следующий рассказ, сопровождаемый нелепым нагромождением разнородных хронологических элементов:

---

¹⁵² *НПЛ. С. 75.*

Безаконні же Татарове... придоша къ Володимеру [от Суздаля] въ пя – токъ преже мясопуста, воутрии ж, въ субботу мясопустную, февраля 7, на память святаго отца Парфеніа начаша Татарове полки рядити...

В этом месте, однако, в порядок изложения вмешалось еще одно рассуждение, не позволившее редактору уместить штурм Владимира в один день. По рассказу северо-восточных летописей, вернувшись от Суздаля в субботу, монголы всю ночь готовились к приступу и начали его только утром следующего дня. Как раз поэтому в Тверском сборнике осада Владимира продлевается еще на день, чтобы дотянуть события до воскресного дня (по хронологической версии компилятора, это будет уже воскресенье 8 февраля):

Въ ноци тои градъ весь тыномъ отыниша. Въутрии... къ граду приступи-ша¹⁵³.

Таким образом, нам становится понятно, что «оригинальные» хронологические показания Тверского летописного сборника явились результатом грубой «сшивки» информации различных летописных памятников и элементов различных времяисчислительных систем и поэтому могут не приниматься нами в расчет.

Тем не менее в хронологических показаниях Тверского летописного сборника обращает на себя внимание случай личного вмешательства одного из его составителей в редактируемый текст. Заимствуя дату падения Владимира из летописей северо-восточной традиции

(мѣца феврѣа · въ · з̄ · на памѣ стѣ мѣа Феодора Стратилата),

которую он, как мы только что выяснили, отнес к событиям дня накануне штурма города, составитель изменил ее святцевую часть: вместо великомученика Феодора Стратилата он вставил в свою запись имя преподобного Лампсакийского епископа Парфения. Это изменение было совсем не случайным; его историко-хронологический анализ поможет не только понять порядок размышлений «тверского» редактора, но и найти одно из возможных объяснений появления оригинального календарного показания Никоновской летописи в дате захвата Владимира (см. выше).

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 369–370.

В современном месяцеслове память Феодора Стратилата помещается 8 февраля, в связи с чем можно усмотреть ошибку в дате образца Лаврентьевской летописи. Однако еще Н.В. Степанов предполагал правильность «лаврентьевского» сочетания хронологических элементов, поскольку в древнерусских святцах память св. Феодора нередко датировалась 7 февраля, что и соответствовало архаичной легенде о гибели святого в этот день¹⁵⁴. Действительно, именно под этим числом она располагалась в одной служебной минее XII в., в новгородской февральской минее XIII в., в Обиходнике XIV в.¹⁵⁵ и др. Однако составитель того текста, что вошел в состав Тверского сборника, не был, видимо, знаком, со старинными месяцесловными традициями и, заметив «ошибку» в сочетании юлианского числа и памяти святого, решил заменить сомнительное, по его мнению, показание более надежным, хотя Феодор Стратилат как покровитель воинов, казалось бы, более подходил к излагаемым событиям. Вероятно, та же самая мотивация определила и появление оригинальной календарной даты захвата Владимира-Залесского на страницах Никоновской летописи

(мѣсяца Февраля в 8 день, ... на память святого мученика Феодора стратилата).

Заметив в протографе «неверное» число (7 февраля – день св. Феодора), составитель «никоновского» текста переправил его на более современную юлианскую дату чествования угодника. В этом случае следует признать, что необычное показание данного памятника было получено искусственным путем и не отражает исторической реальности; об этом вроде бы свидетельствует неверное соединение 8 февраля с Мясопустной неделей, хотя ни разу в 30-е гг. XIII в. 8 февраля не было Мясопустным воскресением.

Впрочем, календарные разночтения летописей в дне поминовения св. Феодора могут быть истолкованы совсем иначе. Обращает на себя внимание отсутствие месяцесловных дополнений в известиях о монгольской осаде Влади-

¹⁵⁴ *Степанов Н.В.* К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи. С. 27.

¹⁵⁵ *Срезневский И.И.* Древний русский календарь по месячным минеям XI–XIV вв. // Христианские древности и археология. Кн. 7. СПб., 1863. С. 10, 20; *Сергий (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. Т. II: Святой Восток. Ч. 1. М., 1997. С. 37; *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI - XIV веков. М., 2001. С. 265.

ровке подверглась дата начала, но не окончания осады?. Вероятно, только потому, что этот путь исследовательского вмешательства в текст угодил привычным, но вместе с тем ограниченным представлениям ученых XIX–XX вв. о правилах древнерусского учета времени (см. 2.1).

Такую же корректировку признал в свое время справедливой и Н.В. Степанов¹⁵⁷, а Н.Г. Бережков пробовал обосновать ее правомерность утверждением о том, что юлианское февральское число $\bar{\Gamma}$ (3) появилось в результате ошибочной переписки числа $\bar{B}$ (2). В качестве дополнительного аргумента Н.Г. Бережков отметил, но при этом ошибочно истолковал то обстоятельство, которое, как выяснится чуть позже, станет решающим в правильной трактовке исследуемого хронологического показания:

Наличие... ошибки... в дате обнаруживается... несогласованностью ее элементов: 3 февраля в 6745 мартовском году было действительно «преже мясопуста», но... в среду; в 6745 ультрамартовском году (6744 мартовском) это число было во вторник, но не до, а после мясопуста¹⁵⁸.

Формулируя это утверждение, исследователь допустил сразу несколько ошибок. Во-первых, 3 февраля будет вторником после Мясопуста (на Сыропустой неделе поста) только при относительно ранней Пасхе (28 марта), тогда как в 1237 г. Пасха была достаточно поздней (19 апреля). Во-вторых, в источниках юлианская дата 3 февраля обозначена не просто «преже мясопуста», как выразился Н.Г. Бережков, а «прѣ мапу за нѣлю». В-третьих, в древнерусской письменности нам практически не известны очевидные случаи превращения при переписке числа $\bar{B}$ (2) в $\bar{\Gamma}$ (3) или наоборот.

Тем не менее следует признать правильным вывод Н.Г. Бережкова о несогласованности элементов даты начала осады Владимира-Залесского, содержащейся в Лаврентьевской летописи; внутренняя противоречивость хронологического комплекса является видимой. Если месяцесловная часть даты не вызыва-

¹⁵⁷ Степанов Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи. С. 26–27.

¹⁵⁸ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 109.

ет никаких сомнений (3 февраля – день праведного Симеона Богоприимца¹⁵⁹), то совсем не так на первый взгляд следует характеризовать пасхально-календарные показания. В 6745 ультрамартовском году (март 1236 г. – февраль 1237 г.) или в 6745 сентябрьском году (сентябрь 1236 г. – август 1237 г.), по современному пасхальному счету, 3 февраля было все же вторником, но не вторником Мясопустной недели (16 - 22 февраля 1237 г.) и даже не вторником предшествующей недели Блудного сына (9 – 15 февраля 1237 г.); это юлианское число приходилось на вторник недели Мытаря и Фарисея (2 – 8 февраля 1237 г.), т.е. первой недели пасхального года (табл. I – схема 1). Почему же источник называет неделю Мытаря «предмясопустной»?

Историки всегда считали, что в Древней Руси недели пасхального года отсчитывались так же, как и в современной Пасхалии. Однако уже в начале XX столетия Н.В. Степанов выявил, что русский пасхально-недельный счет в XI–XIII вв. имел много своеобразных деталей, отличавших его от современного. Так, в частности, он установил, что при нумерации последних седмицевок Великого поста некоторые пасхалисты вели счет седмицевных циклов не в порядке понедельник – суббота, а по ветхозаветному образцу: седмицевки начинались с воскресения и заканчивались субботой¹⁶⁰. Главным недостатком выводов Н.В. Степанова было ограничение исследовательских реконструкций исключительно летописным материалом. Позже С.В. Цыб детализировал и расширил степановские выводы за счет привлечения информации из церковно-служебной литературы¹⁶¹. Попробуем применить эти выводы к историко-хронологическому изучению пасхально-недельных показаний летописных источников, рассказывающих об осаде монголами столицы Владимирского княжества.

¹⁵⁹ Под этим числом, например, память св. Симеона расположена в Остромировом Евангелии (*Остромирово Евангелие* 1056–1057 гг. М.; Л., 1988. Л. 265 об.) и в новгородских минеях XIII в. (*Срезневский И.И.* Указ. соч. С. 10).

¹⁶⁰ *Степанов Н.В.* Единицы счета времени... С. 22–32; *он же.* Календарно-хронологические факторы Ипатьевский летописи до XIII века // ИОРЯС. 1915. Т. XX. Кн. 2. С. 26–37.

¹⁶¹ *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». СПб., 2011. С. 249–268.

Таблица I

Сопоставление двух вариантов календарно-недельного счета
начальных пасхальных седмиц 1237 г.

схема 1

<u>Воскресенье</u>	<u>1 февраля</u>
Понедельник	2 февраля
Вторник	3 февраля
Среда	4 февраля
Четверг	5 февраля
Пятница	6 февраля
Суббота	7 февраля
<u>Воскресенье</u>	<u>8 февраля</u>
Понедельник	9 февраля
Вторник	10 февраля
Среда	11 февраля
Четверг	12 февраля
Пятница	13 февраля
Суббота	14 февраля
<u>Воскресенье</u>	<u>15 февраля</u>
Понедельник	16 февраля
Вторник	17 февраля
Среда	18 февраля
Четверг	19 февраля
Пятница	20 февраля
Суббота	21 февраля
<u>Воскресенье</u>	<u>22 февраля</u>

Неделя
Мытаря и
Фарисея

Неделя
Блудного
сына

Мясопус-
тная
неделя

схема 2

<u>Воскресенье</u>	<u>1 февраля</u>
Понедельник	2 февраля
Вторник	3 февраля
Среда	4 февраля
Четверг	5 февраля
Пятница	6 февраля
<u>Суббота</u>	<u>7 февраля</u>
Воскресенье	8 февраля
Понедельник	9 февраля
Вторник	10 февраля
Среда	11 февраля
Четверг	12 февраля
Пятница	13 февраля
<u>Суббота</u>	<u>14 февраля</u>
<u>Воскресенье</u>	<u>15 февраля</u>
Понедельник	16 февраля
Вторник	17 февраля
Среда	18 февраля
Четверг	19 февраля
Пятница	20 февраля
<u>Суббота</u>	<u>21 февраля</u>
Воскресенье	22 февраля

В структуре современного пасхального года расположение седмиц, исчисляемых от понедельника до воскресения (далее мы будем именовать такой порядок недельным), и седмиц ветхозаветного образца (от воскресения до субботы, седмичный счет) имеет четкое разграничение. Три предпостных седмиц (Мытаря и Фарисея, Блудного сына, Мясопустная) считаются по недельному распорядку, также считаются и седмицы Великого поста, но от дня Пасхи начинается вычисление седмиц. Оно продолжается до дня Троицы, после которого вновь, и уже до конца пасхального года, употребляется недельный счет¹⁶². В Древней Руси еще не сложилось такого четкого чередования недельного и седмичного порядков отсчета, и это разнообразие отражали источники того времени.

¹⁶² См. ежегодно издаваемый Московским патриархатом «Православный церковный календарь».

Так, очевидно, что первые недели Великого поста считались не только по образцу понедельник-неделя, как ныне, но и седмичным способом. Например, в рассказе Лаврентьевской летописи о битве при Кулачке мономаховичей и святославичей в 6604 г. выстраивается такая последовательность событий и дат: появление Олега Святославича со своими воинами на Клязьме – «наста Феѡдора нѣла поста [т.е. первая неделя поста] и приспѣ Феѡдорова сѣта»; сбор дружин Мстислава Владимировича – «въ тѣ днѣ и в другыи», т.е. в субботу и воскресенье Федоровой недели поста; противостояние соперников продолжалось «дѣ днѣ»; наконец, Вячеслав подошел с дружиною на помощь брату Мстиславу «в четвергъ Феѡдоровы нѣли в постѣ»¹⁶³. Эти сведения показывают, что четверг Федоровой недели следовал за воскресением Федоровой недели, т.е. в этой записи использовался седмичный счет.

Как выяснил С.В. Цыб, этот же самый седмичный счет использовался и в нумерации семидневок, предшествующих Великому посту. Такой порядок счета приводил к тому, что названия семидневок, по современной схеме получаемые от завершающих их воскресных дней, передвигались на предшествующее воскресенье. Так, если в 1237 г. Мясопустная «неделя» заканчивалась, по современной схеме, 22 февраля, а начиналась 16 февраля, то, по седмичному порядку расчетов, Мясопустная «неделя» начиналась с воскресенья 15 февраля и заканчивалась субботой 21 февраля (табл. I – схема 2). В соответствии с этим передвигались «наверх» по недельному расписанию и все остальные семидневки (ср.: табл. I – схемы 1 и 2).

Если допустить, что в «лаврентьевском» ультрамартовском 6745 году применялся седмичный счет, тогда Мясопустная седмица, в отличие от современного ее расположения в пределах пасхального года, будет помещаться в пределы 15–21 февраля 1237 г. (табл. I – схема 2), а ее первый день (воскресение 15 февраля) будет носить название Мясопустной недели. По той же самой счетной схеме, предыдущее воскресенье (неделя-воскресение «прѣ мѣпу») бу-

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248–249.

дет выпадать на 8 февраля, а предшествовавший ей вторник («во вторнѣ прѣ мапу за нѣлю») – на 3 февраля 1237 г., что полностью соответствует построению календарных элементов в дате летописей, описывающих начало осады Владимира-Залесского (табл. I – схема 2).

Употребление словосочетания «за нѣлю» характерный для древнерусской письменности прием относительного датирования, предназначенный для указания удаленности тех или иных дневных дат от ориентиров пасхального или месяцесловного календарей. Особенно показателен смысл его использования в обозначении событий, последующих за избранными ориентирами относительного датирования. К примеру, такой случай мы встречаем в 6705 г. новгородских летописей:

Приде на зиму Ярославъ по крещении за неделю¹⁶⁴.

Понятно, что Крещенский день (6 января) здесь считается уже прошедшим («по крещении»), следовательно, предлог «за» относится к недельному сроку, последующему, но не предшествующему празднеству. Еще один такой случай последующей датировки встречается в договорной грамоте литовско-русских князей с королем Казимиром 1350 г.:

Хочемъ его постави(ти) на судѣ... по исшествии стго дѣха за ·в· не(д)ли¹⁶⁵.

В случае с интересующей нас «лаurentьевской» датой такой способ датирования «опрокинут» в прошедшее время. Таким образом, «вторнѣ прѣ мапу за нѣлю» будет предшествовать неделе-воскресению накануне мясопустного воскресения, т.е. он на 12 дней должен опережать мясопустный ориентир.

Наша трактовка даты появления монголов под стенами Владимира-Залесского (3 февраля 1237 г.) находит подтверждение при ее сопоставлении с ближайшими хронологическими показаниями того же самого рассказа северо-восточных летописей об осаде города. Подготовку к штурму источники относят

¹⁶⁴ *НПЛ*. С. 43.

¹⁶⁵ *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. IV. М., 1991. С. 131.

на «сѹту мѧпѹю», затем описывают «ночь» и «заоутреню», после чего взятие города датируют так:

В нѣлю мѧпѹю мѧ феврѧ в ·з· на памѧ стѧ мѧ Феодора Стратилата.

Седьмой февральский день действительно был Мясопустным воскресением по современной схеме счета в 1238 г. (табл. II – схема 1), но он, как уже упоминалось, не всегда бывал днем св. Феодора Стратилата. Кроме того, дата 7 февраля, Мясопустное воскресенье, никак не согласуется ни с юлианскими, ни с пасхальными счетными элементами только что исследованной даты появления монголов у стен Владимира: предмясопустными вторниками в 1238 г. были 2 февраля, 26 января, 19 января и т.д. (табл. II – схема 1). Не подходит указание на «нѣлю мѧпѹю» и для ультрамартовской версии (табл. I): в 1237 г. такое название могли получить воскресные дни 15 и 22 февраля, что заставляет «растянуть» пребывание врагов у владимирских стен на срок около двух недель, а это противоречит динамике летописного рассказа. Получается, что пасхально-юлианское показание «в нѣлю мѧпѹю мѧ феврѧ в ·з·» является инородным для изучаемого летописного текста, потому что входит в противоречие не только с датирующими элементами, составляющими с ним единый хронологический комплекс, но и с предыдущими показаниями летописного рассказа. Удивительно, что именно этому нелепому показанию всегда отдавалось предпочтение исследователей в определении времени монгольского нашествия.

Таблица II

Сопоставление двух вариантов календарно-недельного счета начальных пасхальных седмиц 1238 г.

1 схема

<u>Воскресенье</u>	17 января
Понедельник	18 января
Вторник	19 января
Среда	20 января
Четверг	21 января
Пятница	22 января
Суббота	23 января
<u>Воскресенье</u>	24 января
Понедельник	25 января

2 схема

<u>Воскресенье</u>	17 января	
Понедельник	18 января	
Вторник	19 января	
Среда	20 января	Неделя
Четверг	21 января	Мытаря и
Пятница	22 января	Фарисея
<u>Суббота</u>	23 января	
Воскресенье	24 января	
Понедельник	25 января	

Вторник	26 января		Вторник	26 января
Среда	27 января	Неделя	Среда	27 января
Четверг	28 января	Блудного	Четверг	28 января
Пятница	29 января	сына	Пятница	29 января
Суббота	30 января		<u>Суббота</u>	<u>30 января</u>
<u>Воскресенье</u>	<u>31 января</u>		<u>Воскресенье</u>	<u>31 января</u>
Понедельник	1 февраля		Понедельник	1 февраля
Вторник	2 февраля		Вторник	2 февраля
Среда	3 февраля	Мясопус-	Среда	3 февраля
Четверг	4 февраля	тная	Четверг	4 февраля
Пятница	5 февраля	неделя	Пятница	5 февраля
Суббота	6 февраля		<u>Суббота</u>	<u>6 февраля</u>
<u>Воскресенье</u>	<u>7 февраля</u>		Воскресенье	7 февраля

По всей видимости, поводом к появлению в тексте Мясопустной недели стало первоначальное хронологическое показание «прѣ мапу за нѣлю», которое в процессе позднейшего редактирования подверглось сокращению двух элементов относительного датирования («прѣ» и «за»). Как выяснил А.Ю. Бородихин, подобное редактирование носило совсем не случайный характер. Выбор мясопустной недели для переработки первоначальной летописной даты в рассказе о страшном разорении врагами столицы Владимиро-Суздальской земли определялся тем, что Мясопустная неделя в богослужебной практике русской православной церкви специально посвящалась воспоминанию Страшного Суда. А.Ю. Бородихин пишет:

Стремление составителя... Лавр<ентьевской летописи> [имеется в виду составитель повести о нашествии Батгя] соединить в сознании читателю оба события, Страшный Суд и «наказание Божие» земле Русской, и было одной из причин внесения им дополнений и изменений в источник¹⁶⁶.

В принципе соглашаясь с этим выводом, который как нельзя более соответствует нашим историко-хронологическим построениям, отметим все же, что не все «мясопустные» показания Лаврентьевского текста принадлежат позднему редактору рассказа о нашествии Батгя. Вторичные и искаженные хронологические элементы («в сѣту мапую», «в нѣлю мапую») были искусственно внесены в текст летописным редактором, считавшим время по константинопольской

¹⁶⁶ Бородихин А.Ю. «В пяток преже мясопустныя недели...» (О функции календарных дат в летописном повествовании) // Книга и литература. Новосибирск, 1997. С. 30. Это мнение уже нашло признание в кругу специалистов: Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 106.

мартовской времяисчислительной шкале (в соответствии с этим он и вычислил для воскресного дня юлианскую дату 7 февраля), а первоначальные датирующие записи о разорении Владимирской земли («во вторнѣ прѣ мѣпѹ за нѣлю», «в сѹту <прѣ> мѣпѹ <за нѣлю>», «в нѣлю <прѣ> мѣпѹ <за нѣлю>») были константинопольскими датами ультрамартовского или сентябрьского календарных стилей. Вероятно, именно здесь, в датировании осады Владимира-Залесского, и «пересекаются» хронологические показания двух летописных памятников, совмещение которых устанавливается в этой части северо-восточного летописания при помощи сравнительно-текстологических методов.

Совмещение здесь ультрамартовских и мартовских константинопольских элементов было отмечено в свое время еще Н.В. Степановым и Н.Г. Бережковым¹⁶⁷, однако оба исследователя, фиксируя это соединение, не ставили перед собой задачу определить последовательность их появления в старинном тексте «протолаврентьевского» образца. Кажется, что нам удастся выявить очередность соединения двух календарных стилей на примере летописной статьи 6726 г. Лаврентьевской летописи.

Исследуя ее хронологические показания, Н.Г. Бережков посчитал ультрамартовской дату размещения в Вознесенской церкви святых мощей, в том числе и мощей св. Логина, принесенных во Владимир-Залесский из Константинополя:

И бывшо дѣни стѣго въскнѣнѣ Гнѣя · [имеется ввиду не день Пасхи, а воскресный день недели] и приспѣ ѿ днѣ памѣ стѣ мѣка Логина¹⁶⁸.

Чтение «ѿ днѣ» он трактовал как «за день» - указание на канун дня памяти легендарного сотника Лонгина, который чествуется 16 октября. При таком прочтении получалось, что на воскресный день число 15 октября приходилось в 1217 г., значит, в летописи был указан 6726-й ультрамартовский год константи-

¹⁶⁷ Степанов Н.В. Единицы счета времени... С. 1 - 74; он же. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи. С. 1-40; Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 86-113.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441.

нопольской эры (март 1217 г. – февраль 1218 г.)¹⁶⁹. Однако такой перевод древнерусского словосочетания не очевиден, поскольку аналогичных примеров относительного датирования мы не знаем, тем более, что церковные кануны предшествовали только самым значимым праздникам годового православного цикла. Показательно в этом отношении то, что составитель Московского свода конца XV в. совсем не понимал дату принесения мощей как упоминание дня кануна:

И приспѣ память святаго мученика Логына¹⁷⁰.

Возможно допустить, что чтение Лаврентьевского списка представляло собой сокращенное искажение примерно такой фразы:

...и приспѣ тѣ днѣ памѣ стѣ мѣа Логина.

Наша догадка подтверждается примером из 6738 г. того же памятника¹⁷¹. В этом случае получается, что день 16 октября был воскресением в 1216 г., а это означает, что в летописи при датировании ритуального события использовался мартовский год эры летосчисления с интервалом в 5511 лет между С.М. и Р.Х. (март 1216 г. – февраль 1217 г.). Применение этой эры в древнерусском летописании, в том числе и в северо-восточном, уже отмечалось ранее С.В. Цыбом¹⁷².

В том же летописном году Н.Г. Бережков вслед за Н.В. Степановым признал безупречным ультрамартовским показанием следующее совмещение календарных элементов в дате смерти князя Константина Всеволодовича:

¹⁶⁹ *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 105. Почему-то признав, что календарные показания 6726 номера года Лаврентьевской летописи соответствуют 6725 мартовскому году, Н.Г. Бережков не назвал этот год ультрамартовским.

¹⁷⁰ *ПСРЛ.* Т. 25. С. 115.

¹⁷¹ Здесь сначала говорилось о землетрясении во Владимире-Залесском «мѣа маѣ въ ·Г· днѣ на пѣтъ стѣ Феодосыа · игумѣ Печерьскѣ», затем рассказывалось о подобном катаклизме в Киеве, когда «празниѣ ... бѣа ѿ дне стѣ ѿца Федѣа», что, согласно Н.Г. Бережкову, можно понять как указание на канун праздника, на то, что землетрясение в Южной Руси было на день раньше владимирского. Однако позже следует уточнение: «Тѣ все бѣ по всеѣ земли ѿдиного дни ѿдиного чѣ... мѣа маѣ . въ ·Г· днѣ · в пѣтѣ · д · нѣ · по пасцѣ» (*ПСРЛ.* Т. 1. Стб. 454).

¹⁷² *Цыб С.В.* С. Указ. соч. С. 191–195.

Тоѡа же зимы · мѣца февраля · въ · в̄ · днѣ в праздникъ Оустрѣныа Гѣ нѣго Ісѣ
Хѣ · въ ПА¹⁷³.

Таким образом, летописная статья 6726 г. свода 1305 г. («параллельная» статья 6727 г. в «увеличенном» ряду тверской редакции 1412 г.) производит впечатление цельного ультрамартовского хронологического комплекса с четко оформленными весенними календарными границами: события выстраиваются в последовательности от 6 мая до 2 февраля. Оказывается, однако, что видимый хронологический порядок является результатом редакционной компиляции, грубо и ошибочно объединившей разновременные события. Так, уже самое первое известие статьи 6726 г. откровенно противоречит ультрамартовской хронологии (этот факт не был отмечен предшественниками). Описывая начало строительства каменной церкви Воздвижения Честного Креста Господнего на владимирском «торговище», Лаврентьевская летопись датирует его так:

Мѣца · маѡа · въ · в̄ · днѣ · на памѣ · стѣ и праведнаго Ишва.

Очевидно, что это известие имело позднее происхождение, поскольку далее говорится о том, что церковь

того же лѣта и свершена бы · и сщѣна семтѣ · въ · дѣ · днѣ¹⁷⁴.

Поскольку закладку церковных храмов в Древней Руси проводили либо в воскресный день недели, либо в день того праздника (того святого), чье название (имя) присваивалось новому храму (именно в такой день прошло освящение церкви Креста Господнего – 14 сентября)¹⁷⁵, то можно считать, что указанный в летописи день основания церкви 6 мая был воскресным днем, а такое совмещение юлианско-недельных элементов происходило в 1218 г. Следовательно, это известие относилось к 6726 мартовскому году константинопольской эры (март 1218 г. – февраль 1219 г.) и было инородным по отношению к ультрамартовской дате смерти князя Константина Всеволодовича, находящемуся в той же летописной статье.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441; Степанов Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи. С. 24; Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 105.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441.

¹⁷⁵ Ратнопорт П.А. Ориентация древнерусских церквей // Краткие сообщения института археологии. Вып. 139: Славяно-русская археология. М., 1974. С. 43–48.

Затем в комплексе хронологических элементов этой статьи отмечаются опять же вставные сообщения, искусственно соединенные с первым известием. Как уже говорилось, сообщения о принесении во Владимир константинопольских мощей было датировано, скорее всего, элементами мартовского года эры летосчисления в 5511 лет. Таким же посторонним по отношению к начальному мартовскому известию является, вероятно, и следующее сообщение:

Сѣна бы̆ цкы̆ сто̆ю мч<е>нку Бориса и Глеба · Ростовѣ еѣпомъ Кири -
ломъ · мѣца · авгў · въ · кѣ · днѣ на памѣ̆ стӑ аѣла Тита.

Если, как и в предыдущем случае, считать, что 25 августа было воскресным днем недели, тогда выяснится, что ростовский епископ Кирилл освятил новый храм в августе 1219 г., т.е. более чем через год после описанных ранее владимирских религиозных церемоний. Признавая 6726 номер года этой летописной статьи годом константинопольской эры, устанавливаем, что ростовское сообщение следует относить к постмартовскому календарному стилю (март 1219 г. – февраль 1220 г.)¹⁷⁶.

Далее в статье 7626 г. следуют недатированные конкретно известия о наделении уделами родственников князя Константина Всеволодовича, а затем еще одно сообщение, нарушающее построение цельного хронологического комплекса, причем оно входит в противоречие как с предшествующим ростовским борисоглебским сюжетом, так и с еще более ранними владимирскими церковными рассказами. Смерть Константина здесь датируется так:

Тоѣ же зимы · мѣца февраля · въ · в̄ · днѣ · в праздникъ Оустрѣнья̆ Гѣ̆ нӑго
Ісѣ̆ Хӑ · въ пӑ.

Сочетание датирующих элементов является, казалось бы, безупречным, поскольку выводит исследователей на пятничный день 2 февраля 1218 г., т.е. на ультрамартовское константинопольское показание. Однако это хронологическое показание откровенно противоречит предыдущему, потому что умерший в феврале 1218 г. великий князь владимирский, понятное дело, не мог присутствовать при освящении Ростовской церкви святых Бориса и Глеба в 1219 г.

¹⁷⁶ О нем см.: Цыб С.В. Указ. соч. С. 216–217.

Точно так же не мог он после этого направлять своих сыновей на княжение в Ростов и Ярославль. Одним словом, очевидно, что внешне безупречный хронологический комплекс летописной статьи 6726 г. представляет собой нагромождение элементов различных систем времяисчисления, умело выстроенных редактором друг за другом в границах весеннего (т.е. начинающегося в марте и заканчивающегося в феврале) летописного года. Компилятивный характер этого комплекса выдает и неопределенность поздних переписчиков в определении сезонного времени смерти князя Константина. Так, если некоторые из них, представляя сокращенную версию известия образца Лаврентьевской летописи, пишут, что

тоя же зимы мѣсяца февраля в 2 преставися великыи князь Костянтинъ
Всоволодич,

то Львовская летопись, поставившая перед некрологическим известием сообщение о приглашении новгородцами смоленского князя Святослава Мстиславича 2 февраля (в тот же календарный день, что и смерть Константина) утверждает, что смерть владимирского князя была «тое же весны», после чего, однако, опять использует контекстовую датировку «тое же зимы»¹⁷⁷. Для нас важно не столько признание сложного состава летописной статьи 6726 г., сколько констатация того, что присутствующее в ее составе мартовское константинопольское показание выдает следы ретроспективной записи, что указывает на ее относительную молодость.

Ультрамартовский календарный стиль во владими́ро-суздальском летописании первой половины XIII в., «перекрытый» затем позднейшим «мартовским» редактированием, выявляется и на примере даты первой битвы русских с монголами, битвы на Калке (см. 1.4, 5).

Еще одно подтверждение правильности своих выводов мы находим в показаниях Новгородской 1-й летописи, хотя ранее мы характеризовали ее хронологию как принципиально отличную от версии северо-восточных летописных памятников. В ее рассказе о взятии Владимира содержится только одна дата:

---

¹⁷⁷ Ср.: *ПСРЛ*. Т. 25. С. 116; Т. 20. С. 150.

Безаконьнии приближишася... , взяша град и запалиша и огнемь, в пяток преже мясопустных недѣли.

Действительно, кажется, что она решительно противоречит всем ранее рассмотренным показаниям. От ультрамартовской линии датирования (табл. I) ее отличает то обстоятельство, что штурм Владимира здесь переносится с недели Мытаря и Фарисея на Мясопустную пятницу (29 февраля по первой схеме счета) или на пятницу седмицы Блудного сына (13 февраля по второй схеме счета). И тот, и другой сроки не вписываются в контекст рассказа об осаде стольного владимирского города. От мартовской линии датирования (табл. II) ее отличает перенесение даты решающего штурма с Мясопустного воскресения на предшествующий пятничный день.

Несомненно, что пасхальная дата новгородского памятника объединила события, которые, как ясно из северо-восточных текстов, происходили на протяжении нескольких дней; новгородский автор «слитно» описал приход врагов к стенам города (3 февраля в Лаврентьевском и других текстах), сооружение «пороков» (за день до штурма, т.е. 7 февраля) и непосредственно штурм (8 февраля). Очевидно, что северо-западная летопись сбивчиво представляет последовательность событий осады Владимира: так, в ее рассказе еще до упоминания даты падения города («в пяток преже мясопустных недѣли») пишется о том, что

безаконьнии же... приближася къ граду [это повтор, так как еще раньше говорится о появлении монголов у Владимира] и оступиша градъ силою, и отыниша тыномъ весь [опять повтор! О «тыне» уже говорилось раньше]. И бысть на заутрьє [т.е. все предыдущее происходило на день раньше?], увидѣ князь Всеволодь и владыка Митрофанъ, яко уже взяту бытии граду [значит, и штурм начался днем раньше?!]...»¹⁷⁸.

Возможно допустить, что первоначальная дата, отразившаяся в Новгородской 1-й летописи, имела уже знакомую нам относительную форму («прѣмѣпѣ за нѣлю»); к такой мысли приводит воспроизведение в новгородском рассказе одного из элементов подобного словосочетания («прежѣ»). В этом случае пятница перед неделей, предшествующей Мясопустному воскресению 1237 г., будет 6 февраля (табл. I, схема 2). Реальность существования такого исчезнув-

¹⁷⁸ НПЛ. С. 75–76.

шего ныне пасхально-юлианского показания («пятюкъ преже Мясопуста за неделю, месяца февраля в 6 день») подтверждается тем, что во вторичном и искаженном поздним «мартовским» редактированием северо-восточном рассказе сооружение монголами «пороков» и «тына» относится на «сѹту мѧпѹю», т.е. по календарной схеме 1238 г. на 6 февраля (табл. II, схема 2). Такая юлианская дата и была позаимствована поздним северо-восточным «мартовским» редактором из первоначального «ультрамартовского» рассказа и привела его к Мясопустной субботе. Таким образом, дата новгородского летописного памятника, хотя и противоречит на первый взгляд древним северо-восточным датам осады Владимира-Залесского, все же частично отражает их. Наш вывод, с одной стороны, подтверждается и, с другой – согласуется с мнениями исследователей о влиянии на новгородский рассказ владимирского или ростовского летописного источника¹⁷⁹.

Наконец, в качестве последнего подтверждения правильности наших выводов о времени осады Владимира-Залесского мы приводим сведения Рашид-ад-Дина, который относит это событие к тому же 634 г. хиджры (4 сентября 1236 г. – 23 августа 1237 г.), что и взятие Рязани, Коломны и Москвы:

Осадив город Юрия Великого, взяли <его> в восемь дней.

Интересно, что 8-дневный срок осады Владимира, указанный персидским автором, более близок к нашей хронологической версии (осада началась 3 февраля, а закончилась 8 февраля, т.е. продолжалась 6 дней), нежели к общепринятой версии об одно- или двухдневном штурме Владимира. Длительность штурма объясняет сам Рашид-ад-Дин:

Они ожесточенно дрались [неясно, о ком речь, но это не меняет сути]. Менгу-каан лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их (русских)¹⁸⁰.

Прямое свидетельство Ипатьевской летописи подтверждает ожесточенность обороны Владимира; она пишет о том, что жители города «вси начаша

¹⁷⁹ Лихачев Д.С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 261; Насонов А.Н. Указ. соч. С. 184–185.

¹⁸⁰ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 39.

крѣпко боротиса» и перестали это делать только после того, как князь Всеволод Юрьевич проявил малодушие¹⁸¹. Вряд ли поэтому у монголов была возможность оставить под Владимиром часть своих войск и основными силами совершить быстрый рейд к Суздалю и как бы мимоходом захватить этот город, чтобы потом вернуться к столице и завершить дело ее захвата. Вспомним, что Новгородская 1-я летопись не знает Суздальского демарша завоевателей, не упоминает о нем и Русский Хронограф, который, по мнению А.Ю. Бородихина, полнее всего отразил одну из древнейших редакций цикла повестей о нашествии Батыя¹⁸². Суздаля не знает и Рашид-ад-Дин, что, впрочем, не показательно, поскольку из всех городов Владимирской земли после захвата столицы он называет лишь Переяславль. По всей видимости, известие о захвате Суздаля было вставным в рассказ об осаде Владимира; не случайно, именно здесь встречаются типичные фразы поздних редакторов («но то встави» перед самым известием о взятии Суздаля; «но нынѣ на прѣрѣнаѣ взиде» после рассказа о взятии Владимира).

Итак, появление монголов под стенами Владимира-Залесского произошло 3 февраля 1237 г. («во вторнѣ прѣ мѣпу за нѣлю»), штурм города начался 6 февраля («в пяток <прѣ> мѣпу <за нѣлю>»), а окончательный его захват был осуществлен 8 февраля 1237 г. («в нѣлю <прѣ> мѣпу <за нѣлю>»). Теперь, вероятно, мы можем признать не случайной и описанную выше дату захвата Владимира из Никоновской летописи (8 февраля), а также появление пятничного дня в Типографской летописи (см. выше).

Последним военным действием монголов на Владимирской земле источники называют битву на р. Сить, где было разгромлено собранное Юрием русское воинство, а сам великий князь погиб (мы пока не рассматриваем сообщения источников о взятии 14-и владимирских городов). Некоторые русские ле-

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

¹⁸² Бородихин А.Ю. Хронографическая редакция цикла повестей о нашествии Батыя и летописные своды конца XV в. // Материалы 24-й Всесоюзной студенческой конференции: Филология. Новосибирск, 1986. С. 37–42.

тописи утверждали, что продвижение монголов к Сити началось сразу после захвата Владимира:

Татарове же поплениша Володимеръ и поидоша на великаго князя Юрья, потом, правда, перед битвой описывают захват множества владимирских городов¹⁸³. Рашид-ад-Дин после описания захвата Владимира-Залесского упоминал еще о взятии Переяславля, и лишь потом пишет:

Эмир этой области Банке Юрку бежал и ушел в лес, его также поймали и убили.

Он относит это событие к тому же 634 г. хиджры (4 сентября 1236 г. – 23 августа 1237 г.), что и все предыдущие действия монголов в Северной Руси¹⁸⁴.

Годовая дата битвы на Сити передается в летописных памятниках различно. Лаврентьевская летопись относит битву к тому же 6745 г., когда были взяты Рязань и Владимир (т.е. к ультрамартовскому константинопольскому году; см. выше). Заметно все же, что верхняя годовая граница этой летописной статьи «размыта»: сначала упоминается «мѣць февръа · кончевающюса · мѣ · лѣту», но на этом «лѣто» совсем не заканчивается; вслед подробно описываются события, связанные с князьями Юрием Всеволодовичем и Васильком Константиновичем, среди которых упоминается дата 4 марта, и только затем наступает новый 6746 г.¹⁸⁵ Эту хронологическую схему повторяют Никоновская, Симеоновская и, в сокращенном виде, Львовская и Ермолинская летописи¹⁸⁶.

Большая группа летописных памятников разделяет рассказ на две годовые статьи: он начинается в 6745 г., а затем продолжается в 6746 г. Годовая граница проходит между известием о получении Юрием вести о падении Владимира и гибели его семьи, вызвавшей скорбь великого князя (окончание 6745 г.), и известием об обнаружении монголов русским сторожевым отрядом (первое известие 6746 г.)¹⁸⁷. По всей видимости, появление годового разграничения

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 18. С. 57; Т. 30. С. 89.

¹⁸⁴ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 39.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464–466.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 110–112; Т. 20. С. 157–158; Т. 23. С. 75–76; Т. 18. С. 57.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 518–519; Т. 4. С. 218–219; Т. 17. Стб. 19–20; Т. 25. С. 128–129; Т. 34. С. 86–87.

объяснялось совмещением двух источников, рассказывающих о находящемся в бегах великом владимирском князе и датирующих рассказ с разницей в один год. На это указывают неоднократные повторы, отмечаемые в памятниках этой группы. Так, Суздальская и новгородо-софийские летописи сообщают о том, как великий князь

възопи глѣмъ великѣи со слезами [узнав скорбную весть о гибели семьи],

а затем еще раз упоминают о его молитве «со слезами». Узнав о появлении монголов на Сити,

кнѣзь Юрьи всѣ на конь свои... и поидоша противу поганѣи, и нача кнѣзь полки ставити;

затем, однако, пишется о том, что

внезапѣ приспѣша Татарове на Сить» и «кнѣзь же ѿложи всю печаль [т.е. он еще не сел «на конь свои», а продолжал скорбеть?]. и поиде к нимъ, и стѣпиша ѿбои полци.

В Лаврентьевском тексте, где, как мы уже знаем, граница годов была искусственно удалена (см. выше), непосредственно перед рассказом о событиях на Сити присутствует фраза, сигнализирующая о соединении разных текстов: «Но мы на преднѣи взиде». Упоминания об этих повторах, уже неоднократно отмечаемых предыдущими исследователями, нужны нам для того, чтобы лишний раз убедиться в совмещении на этом участке текста различных времяисчислительных систем.

Наконец, Новгородская 1-я летопись, как уже не раз отмечалось ранее, собрала все события монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь, в том числе и гибель Юрия Всеволодовича, в статью 6746 г. Эту годовую дату повторил Тверской летописный сборник, причем очевидно, что и оригинальный рассказ новгородского образца не был однородным. После упоминания р. Сить в летописи пишется о захвате монголами Москвы, хотя об этом городе уже упоминалось раньше (между взятием Коломны и Владимира-Залесского, как и в других источниках)¹⁸⁸. Новгородскую версию отразил и Владимирский летопи-

¹⁸⁸ Ср.: *НПЛ*. С. 75, 76. Первое, «послеколоменское» упоминание Москвы имеет, правда, урезанный и малопонятный вид: «Москвичи же ничего же не видѣвше». Тверской сбор-

сец; сначала здесь, как и в Лаврентьевской летописи, битва на Сити помещается в 6745 г., а затем следует повтор «новгородского образца»:

В лѣто 6746. Убиень бысть князь великий Юрьи Всеволодичь на рѣцѣ Сити¹⁸⁹.

Итак, в датировании битвы на Сити мы можем подозревать такое же сложное совмещение хронологических элементов, которое мы отмечали в предыдущих летописных известиях о монгольском вторжении во Владимирскую землю.

Традиционно в нашей исторической литературе битва на р. Сить датируется календарной датой 4 марта (и, конечно же, 1238 г.!). Однако, почти во всех летописных текстах это показание связывается не с битвой, а с трагической смертью князя Василька Константиновича, попавшего в ходе битвы в плен к завоевателям и замученного ими в Шеренском лесу.

Лишь в одном памятнике – Лаврентьевской летописи – календарная дата расположена вблизи от рассказа о русско-монгольской «сече», но и здесь она не связана с битвой непосредственно; такая связь появилась за счет повторного и, несомненно, вставного известия о смерти Юрия Всеволодовича. Эта вставка выявляется из сравнения Лаврентьевского и других летописных текстов (в качестве примера для них выбираем текст Суздальской летописи):

Лаврентьевская летопись
6745 г.

... и бы̆ сѣча зла · и побѣгоша наши прѣ̆ ино-
племенники · и ту оубьень бы̆ кна<з> Юрьи ·

а Василка ꙗша руками безбожнии · и повѣ-
доша в станы своѣ · се же зло здѣаса · мѣа ·
марта · въ · д̄ · днь̄ ... и ту оубьень бы̆ кна<з>
великий Юрьи · на Сити на рѣцѣ · и дружи-
ны его много ꙗбиша ...

а Василка Костантиновича ведоша с мно-
гою нужею до Шерньскаго лѣса · и ꙗко ста-
ша станѣ̆ ... абе безъ мѣти оубьень бы̆

Суздальская летопись
6746 г.

... и бы̆ сѣча зла, и побѣгоша прѣ̆ инопле-
менники, и тѣ̆ оубьень бы̆ великий кнѣзь
Юрьи Всеволодичь, на рѣцѣ на Сити, и
вои его мнози погибоша,

а Василка Костантиновича руками ꙗша и
ведоша... на своа

с великою нужею, и до шѣ̆ Шереньскаго лѣ-
са и сташа станы тѣ̆ ... и тѣ̆ абе ꙗбиень бы̆;
сй̆ злоба склучиса. мѣа марта · д̄.¹⁹⁰

ник за счет дополнительных северо-восточных материалов «усиливает» этот анахронизм, после смерти князя Юрия упоминая захват городов, уже ранее описанных, как разоренных врагами (кроме Волока) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 370).

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 30. С. 89.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464–465, 519–520.

Появление в Лаврентьевском тексте повторного сообщения об убийстве Юрия (оно выделено курсивом) привело и к перемещению календарной даты ближе к батальному рассказу.

Конечно, можно предположить, что календарная дата, относящаяся к битве на Сити, была размещена каким-то древним летописцем в качестве своеобразного итога в окончание рассказа, «слитно» представляющим два эпизода (сражение и гибель Василька), и поэтому показание 4 марта стало восприниматься позднейшими переписчиками как дата мученической смерти молодого ростовского князя. Подобный случай нам известен на примере повести о битве на Калке, когда «итоговая» дата, подразумевавшая день сражения (16 июня), была понята составителями Типографской и Густынской летописей как дата последнего события из этого рассказа (начало княжения Владимира Рюриковича в Киеве) (см. 1.3, 5). Несомненно все же, что повесть о гибели Василька Константиновича была самостоятельным литературным произведением, возникшим после обретения мощей погибшего князя и искусственно соединенным в летописных текстах с рассказом о сражении на Сити. На это указывает различный порядок чередования эпизодов двух рассказов (о битве и о смерти Василька) в разных памятниках.

Таким образом, вопреки устоявшемуся мнению, мы не склонны связывать календарную дату 4 марта с битвой на Сити. Вполне возможно допустить, что у древнерусских летописцев, писавших по горячим следам нашествия Батыя, не было какой-либо точной информации по поводу обстоятельств гибели великого князя. Не случайно в Новгородской 1-й летописи о его смерти было сказано следующее:

Богъ же вѣсть, како скончася, много бо глаголють о немь инии¹⁹¹.

Недостаток достоверных знаний о гибели Юрия отразился и в южнорусском летописании. Так, Ипатьевская летопись помещает известие о его смерти накануне рассказа о захвате монголами Владимира-Залесского¹⁹². Сказание о битве

¹⁹¹ *НПЛ*. С. 76.

¹⁹² *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 779.

на Сити появилось, видимо, некоторое время спустя, в момент переноса и захоронения останков Юрия в Ростове, а затем во Владимире. Его церковно-панегирический характер выдает обилие скорбных молитвенных причитаний главного героя и схематичным описанием собственно военной стороны события в отличие, скажем, от описания Коломенской битвы или осады Владимира-Залесского. Таким образом, считая битву на Сити непосредственным продолжением вторжения монголов в северо-восточные русские земли зимой 1236 – 1237 гг. (на это указывают сведения Рашид-ад-Дина и совмещение в русском летописании 6746 ультрамартовского и 6745 мартовского годов в датировании битвы), мы можем наметить только примерные хронологические ориентиры этого события.

Вероятно, какое-то время после захвата Владимира-Залесского (8 февраля 1237 г.) завоеватели отдыхали вблизи пепелища только что разоренного города, заодно разоряя округу. По крайней мере, именно так они действовали после захвата Рязани (захват – 21 декабря, начало дальнейшего продвижения – 1 января). Затем уже в начале второй декады февраля они «разсыпашася», как пишут русские летописи, в разных направлениях и захватывали разные города Владимирской земли. Летописи дают разный порядок их перечисления, но все эти перечни объединяет отстраненная краткость изложения, выдающая фиксацию информации *post factum*, и только один из географических пунктов особо выделяется относительной подробностью описания в Голицинском томе Лицевого свода:

И поидоша отголе [от Владимира-Залесского]... къ Ростову, инїи же к Ярославлю, и взяша и, а инїи поидоша на Волгу и на Городецъ, и ти поплѣниша все по Волзѣ и до Галичя Мерьскаго, а инїи поидоша къ Переаславлю, и тотъ градъ взяша, а люди из ѡкоша¹⁹³.

В «Летописи Угедей-каана...» Рашид-ад-Дин между описанием взятия Владимира и убийством великого князя Юрия также описывает захват Переяславля:

Город Переяславль [реконструкцию названия провел И.Н. Березин], коренную область Везислава (Всеволода), они взяли сообща в пять дней¹⁹⁴.

---

¹⁹³ ПСРЛ. Т. 10. С. 109.

Зная о том, что персидский автор мог ошибаться в указании сроков осады русских городов на несколько дней (см. выше), мы, тем не менее, можем считать, что придя к Переяславлю-Залесскому по льду р. Нерль, монголы захватили этот город еще до 20 февраля 1237 г. Если предполагать, что по пути следования был взят еще и Суздаль, то захват Переяславля можно переместить на время после 20 февраля. Следующим пунктом продвижения этого монгольского отряда, которому предназначено было настигнуть великого владимирского князя, был, видимо, Ярославль, потому как именно туда направляет Юрия первоначально из Владимира Новгородская 1-я летопись, а Супрасльская летопись упоминает о бегстве Юрия на Сить уже после падения Владимира-Залесского¹⁹⁵, т.е., видимо, князь бежал на север из Ярославля, где он отсиживался во время разгрома своей столицы. Таким образом, наиболее возможным сроком битвы на р. Сити было самое окончание февраля – первые дни марта 1237 г. Не случайно многие источники отмечают окончание февраля в момент прихода к Юрию Всеволодовичу вести о падении стольного города и гибели его родных:

Прииде же си <вѣсть> къ великому князю Юрію на рѣку Сить, суци ему тамо, а мѣсяцу февралю уже исходящю¹⁹⁶.

Впрочем, это сообщение вряд ли стоит принимать буквально, так как трагические новости наверняка стали известными Юрию еще в Ярославле; если же считать, что они достигли княжеского слуха в этом городе все-таки в конце февраля, тогда сражение на Сити уверенно следует относить к первым числам марта 1237 г.

Что же касается даты гибели князя Василька Константиновича, то она представлена в русских летописях в трех разновидностях. Первый вид – «чистый» юлианский («мѣца марта .д.») встречается в Московско-Академическом списке, в Никоновской, Новгородской 4-й, Супрасльской и некоторых других

¹⁹⁴ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 39.

¹⁹⁵ *НПЛ*. С. 75; *ПСРЛ*. Т. 17. Стб. 19.

¹⁹⁶ *ПСРЛ*. Т. 15. Стб. 369; Т. 20. С. 157; Т. 23. С. 75.

летописях. В Лаврентьевской летописи находится другой ее вид, сопровождаемый месяцесловным дополнением:

Мѣца · марта · въ · дѣ · днѣ на памѣ стѣю мѹнѹ · Павла · н Ооулыяны¹⁹⁷.

Наконец, в летописных текстах она присутствует в сопровождении пасхально-недельных хронологических элементов. В Софийской 1-й и многих других летописях встречаем:

Мѣсяца марта въ 4, въ четвергъ 4 недѣли поста¹⁹⁸.

В Тверском сборнике присутствует иная пасхально-юлианская модификация даты:

Марта въ 4, въ средохрестіе¹⁹⁹.

Вполне возможно допустить, что первый вид даты был исходным для формирования двух других ее самостоятельных модификаций, хотя можно предполагать и обратное – сокращение месяцесловных и пасхально-недельных элементов в процессе переписки текстов.

Таблица III
Сопоставление двух вариантов календарно-недельного счета
начальных седмиц Великого поста 1238 г.

схема 1

<u>Воскресение</u>	<u>7 февраля</u>	
Понедельник	8 февраля	
Вторник	9 февраля	
Среда	10 февраля	Первая
Четверг	11 февраля	неделя
Пятница	12 февраля	Великого
Суббота	13 февраля	поста
<u>Воскресение</u>	<u>14 февраля</u>	
Понедельник	15 февраля	
Вторник	16 февраля	Вторая
Среда	17 февраля	неделя
Четверг	18 февраля	Великого
Пятница	19 февраля	поста

схема 2

Воскресение	7 февраля	
Понедельник	8 февраля	
Вторник	9 февраля	
Среда	10 февраля	
Четверг	11 февраля	
Пятница	12 февраля	
<u>Суббота</u>	<u>13 февраля</u>	
<u>Воскресение</u>	<u>14 февраля</u>	
Понедельник	15 февраля	
Первая	Вторник	16 февраля
неделя	Среда	17 февраля
Великого	Четверг	18 февраля
поста	Пятница	19 февраля

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465. Память свв. Павла и Иулиании действительно в древнерусских святцах приходилась на 4 марта (Срезневский И.И. Древний русский календарь по месячным минеям... С. 11).

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. 5. С. 216. См. также: ПСРЛ. Т. 10. С. 110; Т. 20. С. 157; Т. 23. С. 75; Т. 24. С. 93; Т. 25. С. 129; Т. 34. С. 87.

¹⁹⁹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 370.

Суббота	20 февраля		<u>Суббота</u>	<u>20 февраля</u>	
Воскресение	21 февраля		Воскресение	21 февраля	
<u>Понедельник</u>	<u>22 февраля</u>		Понедельник	22 февраля	
Вторник	23 февраля	Третья	Вторая	Вторник	23 февраля
Среда	24 февраля	неделя	неделя	Среда	24 февраля
Четверг	25 февраля	Великого	Великого	Четверг	25 февраля
Пятница	26 февраля	поста	поста	Пятница	26 февраля
Суббота	27 февраля		<u>Суббота</u>	<u>27 февраля</u>	
<u>Воскресение</u>	<u>28 февраля</u>		Воскресение	28 февраля	
Понедельник	1 марта		<u>Понедельник</u>	<u>1 марта</u>	
Вторник	2 марта	Четвертая	Третья	Вторник	2 марта
Среда	3 марта	неделя	неделя	Среда	3 марта
Четверг	4 марта	Великого	Великого	Четверг	4 марта
Пятница	5 марта	поста	поста	Пятница	5 марта
Суббота	6 марта		<u>Суббота</u>	<u>6 марта</u>	
Воскресение	7 марта		Воскресение	7 марта	

Четвергом четвертой недели Великого поста день 4 марта был в 1238 г., если полагаться на современный порядок счета предпасхальных великопостных семидневок (табл. III, схема 1). В соответствии с той же схемой Средокрестным называется третий воскресный день поста (28 февраля), в связи с чем Средокрестной будет именоваться неделя от 23 до 28 февраля включительно. В этом случае получается, что дата Тверского сборника является ошибочной, поскольку 4 марта не попадает в пределы Средокрестной недели. Однако, как было установлено Н.В. Степановым и С.В. Цыбом, наряду с недельным порядком отсчета (понедельник – воскресенье) великопостные семидневки в древнерусской Пасхалии считались и по ветхозаветному образцу (воскресение – суббота), при этом они начинались на шесть дней позже семидневок-недель (табл. III, схема 2). При таком способе вычисления названия семидневок Великого поста (первая, или Федорова, вторая, третья, или Средокрестная) переносились не на шесть предшествующих воскресению дней, а на шесть последующих; в этом случае 4 марта будет считаться четвергом третьей (Средокрестной) семидневки поста, т.е. в дате Тверского сборника ошибка не фиксируется.

Получается, что смерть князя Василька Ростиславича произошла на год позже битвы на Сити. Этому хронологическому наблюдению можно дать неоднозначное толкование. Вполне возможно, что днем гибели будущего святого стал считаться день обретения его мощей, как это нередко случалось в древне-

русской канонической практике, например, в случае с князьями Борисом и Глебом Владимировичами в XI в.²⁰⁰ Впрочем, можно допустить, что смерть благоверного князя действительно произошла в 1238 г., поскольку, как станет ясно из содержания следующего параграфа, монголы могли присутствовать на русских землях и значительное время спустя после разорения Владимирской земли.

2.4. Хронология Новгородского похода монголов

Обратим прежде всего внимание на то обстоятельство, что хроника Рашид-ад-Дина не упоминает вторжения в Новгородскую землю. Его описание отсутствует также в Лаврентьевской летописи и во Владимирском летописце. Прочие летописные памятники помещают Новгородскую экспедицию сразу же вслед за окончанием рассказа о погребении останков владимирских князей Юрия Всеволодовича и Василька Константиновича, погибших в момент или после битвы на Сити. В нескольких текстах, продолжающих излагать события монгольского нашествия в пределах 6745 г. с искусственно расширенной верхней границей (по образцу Лаврентьевской летописи), Новгородский поход относится к этому году (Симеоновская, Никоновская и Львовская летописи), во всех остальных – к 6746 г.

Из всех военных действий завоевателей в Новгородской земле источники датируют календарными элементами только осаду Торжка. В.Л. Янин, тщательно изучивший вопрос о хронологии этого события, утверждал, что исходной для появления всех разнообразных вариантов летописных дат обороны Торжка является датирующая запись Новгородской 1-й летописи. Этот вывод, с учетом относительной древности текста Синодального списка в сравнении с другими летописями, может показаться безусловным, но вместе с тем, как отметил тот же исследователь, даты новгородского памятника дошли до нас в

---

²⁰⁰ *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М., 1986. С. 24–25, 33–34.

сильно искаженном виде²⁰¹. Все это заставляет нас внимательно изучить всю группу летописных дат, сопровождающих рассказ о Торжке в разных памятниках, а не полагаться преимущественно на сведения древнейшей сохранившейся русской летописи. Кроме того, в исследовательских построениях В.Л. Янина присутствуют неточности, которые подрывают доверие к предлагаемым выводам. Так, например, он пишет о том, что Средокрестной называлась четвертая неделя Великого поста²⁰², тогда как в структуре древнерусского пасхального года такое название отводилось третьей великопостной седмице. Как ясно из заглавия его статьи, ученый безоговорочно принимает мнение о том, что завоевание Владимирской земли монголами закончилось в феврале 1238 г., и этот ошибочный ориентир дает ему основания рассчитать сроки и темпы передвижения захватчиков из верховьев Волги в среднее течение Тверцы. Априорное признание той же самой годовой даты делает условными и попытки других исследователей реконструировать сроки продвижения монголов из Владимирской земли в Новгородскую²⁰³.

Появление врагов у стен Торжка Новгородская 1-я летопись датирует так:

Придоша безаконнии и оступиша Торжекъ на сборъ чистой недѣли²⁰⁴.

Чистой называется первая (Федорова) неделя Великого поста, воскресный день которой носил название Соборного (Сборного) воскресения, потому как в Древней Руси он отводился для проведения епархиальных соборов, т.е. в новгородской записи речь идет о воскресении первой недели поста. В краткой форме («на зборъ») это показание повторяется в Симеоновской летописи и в Московском своде конца XV в.²⁰⁵ Однако в нескольких памятниках (Московско-Академическая и Софийская 1-я летописи, Пискаревский летописец и др.) встречается

²⁰¹ Ср.: Янин В.Л. Указ. соч. С. 148, 149–151.

²⁰² Там же. С. 139.

²⁰³ Каргалов В.В. Русь и кочевники. С. 61–62; Сусенков Е.И. Указ. соч. С. 63–64; и многие др.

²⁰⁴ НПЛ. С. 76.

²⁰⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 58; Т. 25. С. 129.

на зборъ по Федоровѣ нѣле [т.е. после Федоровой недели]²⁰⁶.

В этой датирующей записи мы не усматриваем, все же, противоречия с датой образца Новгородской летописи, поскольку она отражает особый порядок счета семидневок Великого поста. Мы уже упоминали о том, что в их обозначении, наряду с недельным порядком современного образца (от понедельника до воскресения), древнерусскими пасхалистами использовался седмичный порядок (от воскресения до субботы), начинавшийся на шесть дней позже первого (см. табл. III, схема 2). Существовал еще и третий вариант счета великопостных семидневок, также построенный по седмичной схеме (воскресение – суббота), но начинавшийся на день раньше недельного (современного) счета (табл. IV, схема 3). Он отразился в агиографических сочинениях Нестора и в летописании XI – XIII вв.²⁰⁷ Суть этой разновидности счета заключалась в том, что названия великопостных семидневок, получаемые по заключающим их воскресным дням (табл. IV – схема 1), перемещались на один день раньше, т.е. фактически отрывались от тех воскресных дней, которые давали им название (табл. IV – схема 3). Таким образом, первая (Федорова) неделя заканчивалась в субботу первой недели поста, а Соборное воскресение следовало сразу же вслед за ней. Получается, что датирующие записи образца Новгородской 1-й летописи, с одной стороны, и образца Суздальской летописи – с другой, не противоречат друг другу.

Таблица IV.

Сопоставление первого и третьего вариантов календарно-недельного счета начальных седмиц Великого поста 1238 г.

схема 1

Воскресение	7 февраля
Понедельник	8 февраля
Вторник	9 февраля
Среда	10 февраля
Четверг	11 февраля
Пятница	12 февраля
Суббота	13 февраля
Воскресение	14 февраля

схема 3

Воскресение	7 февраля
Понедельник	8 февраля
Вторник	9 февраля
Среда	10 февраля
Четверг	11 февраля
Пятница	12 февраля
<u>Суббота</u>	<u>13 февраля</u>
Воскресение	14 февраля

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 521; Т. 5. С. 217; Т. 34. С. 88.

²⁰⁷ Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление... С. 74–75

<u>(Соборное)</u>			<u>(Соборное)</u>	
Понедельник	15 февраля		Понедельник	15 февраля
Вторник	16 февраля	Вторая	Вторник	16 февраля
Среда	17 февраля	неделя	Среда	17 февраля
Четверг	18 февраля	Великого поста	Четверг	18 февраля
Пятница	19 февраля		Пятница	19 февраля
Суббота	20 февраля		<u>Суббота</u>	<u>20 февраля</u>
<u>Воскресение</u>	<u>21 февраля...</u>		Воскресение	21 февраля...

Необычным выглядит показание Новгородской 4-й летописи:

Измалтенѣ оступиша Торжокъ по святеи недѣли на Сборъ²⁰⁸.

Его нелепость заключается в том, что вторжение врагов в Новгородскую землю здесь относится к Святой, или Праздной седмидневке, последующей за Пасхой (в 1237 г. Пасха – 19 апреля, в 1238 г. – 4 апреля), что никак не согласуется с представленными в летописях сроками и темпами монгольского похода на Русь. Кроме того, в послепасхальном седмичном расписании нет никакой Соборной недели. Эта дата также входит в противоречие с дальнейшими хронологическими показаниями памятника (взятие Торжка – 5 марта) и, наконец, ближайший родственный текст (Софийская 1-я летопись) передает эту дату по образцу Суздальской летописи («на зборъ по Федоровѣ недѣлѣ»). Вероятнее всего, Святая неделя появилась в результате ошибки, совершенной переписчиками: первоначальная пасхально-недельная запись примерно такого вида «по чстои недели» (Чистая неделя, как мы помним, указана в Новгородской 1-й летописи) была прочитана переписчиком как «по стѣи недели». Кстати, модификацию первоначального варианта даты из Новгородской 1-й летописи лучше отразила даже не поздняя местная традиция, а одна из западнорусских летописей:

Ко Торжькоу... придоша на стѣи недели²⁰⁹.

Почти все летописи, описывающие осаду Торжка, определяют ее длительность в две недели, причем даже те, которые, подобно Русскому Хронографу, не содержат в этом рассказе более никаких датирующих показаний. Таким образом, окончание осады переносится на третью-четвертую недели Великого

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. 4. С. 221.

²⁰⁹ ПСРЛ. Т. 17. Стб. 21.

поста. Этому относительному сроку и соответствует дата взятия города, содержащаяся во многих летописных памятниках:

И тако погани взяша град Торжекъ... марта въ 5 на средохрестной недѣли [или короче: «мѣца марта .ѿ. на срѣхртѣ»]²¹⁰.

Дата 5 марта употребляется и без каких-либо дополнительных элементов (Симеоновская летопись)²¹¹. Как уже говорилось, по второй схеме древнерусского способа счета великопостных седмицевок 5 марта приходилось на третью (Средокрестную) неделю поста.

В Новгородской 1-й летописи эта дата выглядит полнее:

Мѣсяца марта въ 5, на память святого мученика Никона, въ среду средохрестную²¹².

Оба расширения даты (месяцесловное и пасхально-недельное) являются искажениями. Так, еще Н.Г. Бережков, а вслед за ним и В.Л. Янин догадались, что имя св. мученика Никона появилось в результате дефектной переписки имени св. Конона Исаврийского, чья память и помещается в святцах 5 марта²¹³. Исследователи, правда, не заметили прямого подтверждения своей догадке в дате Тверского летописного сборника:

Поганіа взяша градъ... мѣсяца марта въ 5 день, на память святаго Канона²¹⁴.

Пасхально-недельное дополнение («въ среду средохрестную») также нуждается в корректировке, потому как в 1238 г. пятое число первого весеннего месяца было не средой, а пятницей на четвертой неделе поста (табл. III, схема 1). Ошибочно относя 5 марта к третьей, а не четвертой неделе поста, Н.Г. Бережков предложил следующую версию появления «некондиционного» дня среды: первоначально в древнем летописном тексте было записано показание «пред средокрестной неделей», а при его переписке предлог «пред» превратил-

²¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 522; Т. 4. С. 222; Т. 5. С. 217; Т. 10. С. 112; Т. 20. С. 157; Т. 23. С. 76; Т. 34. С. 88, и др.

²¹¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 58.

²¹² НПЛ. С. 76.

²¹³ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 270; Янин В.Л. Указ. соч. С. 149–150.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 370–371.

ся в «среду»²¹⁵. Необходимость в такой конъюнктуре отпадает, если мы учтем, что в 1238 г. 5 марта могло относиться к третьей неделе поста и одновременно с тем считаться днем (пятницей) Средокрестной седмицы (табл. III, схема 2).

Как же в таком случае в тексте появилось название среды? Подсказку к верному решению нам дает конкретный пример из русского летописания. В статье 6779 г. Синодального списка Новгородской 1-й летописи так описано солнечное затмение 23 марта 1270 г.:

Померче солнце въ 5-ю недѣлю поста средѣ утра.

Летописец рассказал о том, что затмение было утром, и это недвусмысленно подтверждает запись о том же событии в списках младшего извода этой же летописи:

въ недѣлю 5 недѣли поста в полутра²¹⁶.

Однако в Московском своде конца XV в. проявилось искаженное понимание переписчикам слов «средѣ утра»:

Тоя весны бысть знамение во солнци, померче бо в среду 5 недѣли поста и порану²¹⁷.

Если в этой записи отразился все же учет утренних условий («порану»), то соответствующее известие Воскресенской летописи его полностью уничтожило, доведя тем самым деформацию начального показания до логического завершения: «въ среду 5 недѣли поста»²¹⁸.

Интересно, что такую же ошибку допустил в свое время и Н.Г. Бережков, истолковавший похожее показание 6725 г. Новгородской 1-й летописи

(тои же веснѣ загорѣся мѣсяца мая въ 31... въ середѣ утра),

как «полную» календарную дату (31 мая, среда.

¹ НПЛ. С. 89, 321. О дате солнечного)²¹⁹.

²¹⁵ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 270–271.

²¹⁶ НПЛ. С. 89, 321. О дате солнечного затмения см.: Степанов Н.В. Единицы счета времени... С. 27, 71; Святский Д.О. Указ. соч. С. 121.

²¹⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 180.

²¹⁸ ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 170. Д.О. Святский ошибочно отметил чтение «в среду» и в Тверском летописном сборнике (Святский Д.О. Указ. соч. С. 121).

²¹⁹ НПЛ. С. 57; Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 250.

Итак, мы уверенно можем считать сведение о захвате Торжка монголами в среду ошибочным показанием и принять во внимание дату 5 марта, пятница на Средокрестной неделе. Вне всякого сомнения, она относится к мартовскому 6746 г. константинопольской эры от С.М. и заставляет нас относить захват пограничного города Новгородской земли врагами к 1238 г., т.е. на год позже разорения ими Владимирского княжества. Такую уверенность, однако, подрывают две необычные летописные даты, которые расположены на страницах разных летописных памятников, но своим системным единообразием и согласованностью проявляют относительную достоверность и приводят нас к пересмотру выводов по поводу хронологии монгольского похода в Новгородскую землю.

В Тверском летописном сборнике, как и во многих других памятниках, появление монголов у Торжка относится к первой неделе Великого поста (отметим, все же, что отличительной особенностью сборника является то, что он не именует эти седмицу ни Федоровой, ни Чистой). К этому датирующему показанию, однако, источник добавляет совершенно оригинальные хронологические элементы:

Мѣсяца февраля въ 22 день, на обрѣтеніе мощей святыхъ мученикъ иже въ Евгеніи²²⁰.

Если один из них – месяцесловный – не вызывает никаких сомнений (день 22 февраля в древнерусских святцах действительно связан с обретением мощей евгениевских мучеников²²¹), то другой – сочетание 22 февраля с первой неделей Великого поста – вызывает подозрения по поводу его точности. В 1238 г. юлианское число 22 февраля ни в одном из известных нам вариантов отсчета великопостных седмиц не было «неделей»-воскресением первой недели поста и вообще никак не совмещалось с первой постной седмицей (табл. II–IV). Одновременно с этим выясняется, что в 1237 г. этот день юлианского календаря был как раз воскресением, с которого начинается отсчет дней Великого поста

²²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 370.

²²¹ Срезневский И.И. Древний русский календарь по месячным минеям... С. 11.

по одной известной нам схеме счета (табл. I, схема 2). Это правильное, казалось бы, ультрамартовское пасхально-юлианское построение даты начала осады входит, однако, в резкое противоречие с дальнейшими «осадными» хронологическими показаниями и Тверского сборника, и других летописей (двухнедельная осада закончилась 5 марта на Средокрестной неделе; см. выше). Можно предполагать, что оригинальные показания этого памятника стали результатом проявления самостоятельной счетной инициативы автора одного из вошедших в его состав текстов, причем, этот автор был приверженцем ультрамартовского календарного стиля. Однако с такой же вероятностью можно допустить, что Тверской сборник добросовестно скопировал хронологические элементы какого-то древнего источника, который размещал события нашествия Батыя в ультрамартовской календарно-годовой шкале. Вспомним, что ранее мы уже отмечали отражение этого календарного стиля в датах Тверского сборника (см. 2.3), а окончательно убедиться в его присутствии в описании осады Торжка нам позволяет Никоновская летопись.

Отличаясь от большинства прочих летописных текстов, в том числе и от Тверского сборника, этот памятник не указывает ни даты начала осады, ни двухнедельных сроков сопротивления торжковских жителей. Датируя же захват города монголами и повторяя при этом один из распространенных в летописях элементов (Средокрестная неделя), Никоновский свод сопровождает его таким юлианским показанием, которое принципиально меняет историко-хронологическую трактовку события:

И тако взяша Татарове градъ Торжекъ... *мѣсяца марта въ 15 день* на средокрестной недѣли²²².

Если мы продолжим перечисление юлианских чисел и названий дней недели пасхального года для 1237 г., отраженное в таблице I (схема 2), то выяснится, что 15 марта в этом году было воскресением третьей (Средокрестной) седмицы! Выходит, что ультрамартовская пасхально-юлианская дата взятия Торжка из Никоновской летописи идеально согласуется с ультрамартовским же показани-

---

²²² ПСРЛ. Т. 10. С. 110.

ем начала осады этого города из Тверского сборника. Хотя формально между этими датами (22 февраля и 15 марта) расположен срок более двух недель (длительность осады, по другим источникам), но мы можем отнести вычисление этого срока на счет поздних редакторов, которые перевели древние ультрамартовские показания на схему мартовского календарного стиля и при этом не смогли окончательно согласовать своих показаний (см. выше). В Никоновской летописи отсутствует сведение о двух неделях осады потому, что не было его и в древнем ультрамартовском тексте, а Тверской сборник, отличающийся замысловатым нагромождением разнотипных хронологических элементов, механически совместил этот поздний относительный расчет с ранними календарными показаниями. Архаичные хронологические элементы, сохранившиеся в записи Никоновской летописи, помогают объяснить появление несуразностей, которые фиксируются в памятниках, передающих позднюю «мартовскую» модификацию дат: так, становится понятно, что абсурдное именование даты 5 марта Средокрестной неделей–воскресением (Московский свод конца XV в., Ермолинская и Супрасльская летописи) было отражением «протониконовского» ультрамартовского текста, в котором 15 марта действительно было Средокрестным воскресным днем.

Любопытно, что день 15 марта, предполагаемая нами дата захвата Торжка, в православном месяцеслове был днем поминовения мученика Никандра Египтянина, врачевателя, убитого по распоряжению императора Диоклетиана (302 г.). Судя по тому, что этого имени нет в древнейших русских месяцесловах XI–XIII вв., св. Никандр был малопочитаемым на Руси угодником, но его имя, несомненно, было известно русским людям. Так, архиепископ Сергей (И.А. Спасский) отмечал это имя в древних списках Константинопольского Устава (IX–X вв.)²²³. Можно с большой долей вероятностью предполагать, что присутствие памяти этого святого в первоначальной записи даты захвата Торжка рядом с прочими хронологическими элементами и стало исходным для появления в поздних вариантах датировки святых Никона и Конона (см. выше) и юлиан-

²²³ *Сергий (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. С. 74.

ской даты 5 марта (день памяти св. Конона); во всяком случае, оба новообразованных имени могли быть результатом искаженного прочтения имени Никандр. Также, вероятно, находит объяснение и выбор малоизвестного святого для датирования исторического события 15 марта вместо более известных и чтимых в этот день, судя по русским месяцесловам, мучеников кессарийских: в дни Четвердесятницы (первые 40 дней Великого поста) христианская церковь, по правилу Лаодикийского собора, запрещает торжественное поминовение святых.

Главный вывод из всего сказанного здесь заключается в том, что первоначальный летописный рассказ об осаде и взятии монголами Торжка датировался 6746 ультрамартовским годом константинопольской эры от С.М., и это означает, что в переводе на наше времяисчисление осада проходила 22 февраля – 15 марта 1237 г. Получается, что вторжение завоевателей в Новгородскую землю происходило в то же время, когда на р. Сити монголы добивали владимирские дружины. Во временном совпадении двух этих событий не усматривается никакого парадокса, поскольку оба наступательных направления от Владимира-Залесского (на северо-восток к Ярославлю и далее на р. Сить; на северо-запад к р. Тверце) были вполне обоснованными с позиций традиционной монгольской стратегии и сиюминутных военных задач. Решение двух одновременных задач (ликвидации великого владимирского князя и преследование бегущих в сторону Новгорода воинов и жителей Владимирской земли) могло привести к разделению батыева воинства.

Не должен вызывать удивления и достаточно длительный, по нашей реконструкции, срок осады Торжка (более 20 дней, с 22 февраля по 15 марта 1237 г.). Во-первых, общеизвестным является факт наличия хороших оборонительных укреплений вокруг города. Во-вторых, современные исследователи вполне мотивированно считают, что численность монгольского отряда, направившегося в Новгородскую землю, вряд ли была значительной, при этом на его активности сказывались сдерживающие факторы религиозного свойства²²⁴.

---

²²⁴ Каргалов В.В. Русь и кочевники. С. 164–167; Кривошеев Ю.В. Указ. соч. С. 158–164.

По мнению В.Л. Янина, после разгрома Торжка монголы продвигались на север в сторону Новгорода около двух недель, перемещаясь за сутки примерно на 13 км, и закончили свое продвижение незадолго до 18 марта; на это указывало, якобы, упоминание св. Кирилла (память 18 марта) в Новгородской 1-й летописи, отметившей день получения в Новгороде известия о приостановлении врагов²²⁵. По нашей версии, в середине марта завоеватели пребывали еще в районе Торжка, конечно же, за три дня они никак не могли преодолеть расстояние в 170 км. Заметим, однако, что имя Кирилла еще раз упоминается в месяцеслове: 21 марта здесь отмечен св. Кирилл, епископ Катанский (I - II вв.). Получается, что после взятия Торжка монголы продвигались в северном направлении пять-шесть дней и совершали ежедневно путь около 30 км, что более соответствует уже известной динамике их перемещений по северорусским землям. Можно допустить также, что к Торжку и Новгороду следовали различные отряды завоевателей, вступившие на Новгородскую землю в разное время («торжокский» отряд раньше второго), направлявшиеся сюда из разных мест и шедшие разными путями, но прекратившие затем свое продвижение примерно в одно и то же время: первый отряд, взявший-таки после длительной осады Торжок 15 марта, повернул назад через несколько дней после традиционного для монголов отдыха и дележа добычи, второй – примерно в то же время, в день св. Кирилла (18 или 21 марта). Вспомним, что вторжение в Новгородскую землю началось уже после того, как была нарушена цельность воинстава Батыя, и оно разделилось на мелкие группы для проведения «облавы». Это делает весьма вероятным предположение о существовании двух групп завоевателей, действовавших на русском Северо-Западе. В сознании растерянных современников и потрясенных трагическими событиями потомков разрозненные отряды монголов слились в единую массу «безбожных» и жестоких завоевателей.

В заключение изложения нашей реконструкции хронологии монгольского похода на Северную Русь мы не можем обойти своим вниманием один из важ-

---

²²⁵ Янин В.Л. Указ. соч. С. 150–156.

ных вопросов, возникающий при осмыслении полученных результатов. Мы помним о том, что гибель князя Василька Ростиславича датируется в летописях 4 марта 6746 г. константинопольской эры в ее мартовском календарном варианте, иначе 4 марта 1238 г. Мы допускали возможность того, что письменной датой смерти Василька стала считаться дата обретения его мощей (см. 2.3), но полной уверенности в том не имеется. Возникает вопрос: как долго пребывали монгольские войска на разоренных ими северорусских землях?

Наши летописи дружно отправляют воинство Батыя сразу же из Новгородской земли к Козельску (лишь Никоновская летопись предварительным местом возвращения завоевателей называет Рязань). Рашид-ад-Дин писал следующее:

После того [после захвата Переяславля-Залесского и убийства великого князя Юрия] они [монголы] ушли оттуда, порешив на совете идти туменами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся, брать и разрушать²²⁶.

Самым ранним временем сбора этого «походного курултая» могла стать вторая половина марта, когда закончилось продвижение одного из монгольских отрядов в Новгородскую землю. Местом сбора были, вероятно, северные районы Владимирской земли, поскольку, указывая уход монголов «оттуда», Рашид-ад-Дин подразумевал районы, расположенные к северу от Волги, где и состоялась битва на Сити и где был убит князь Юрий Всеволодович. Из этой местности и началась «облава», направленная на «всякий город, область и крепость». Обращаем внимание на то, что хронист не сообщает нам о решении совета покинуть северорусские земли.

Далее персидский автор рассказывает о том, как Батый тщетно пытался взять Козельск, «осаждая его в течение двух месяцев», и сделал это только после оказания помощи двоюродными братьями Каданом и Бури²²⁷. Некоторые летописи, казалось бы, подтверждают индивидуально обособленное участие Батыя в осаде Козельска:

²²⁶ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 39.

²²⁷ Там же.

И отсюда [от Торжка] идее к Козельску Батыя²²⁸, но следует учитывать, что для русских людей вся военная деятельность объединенного монгольского войска в 1236-1237 гг. всегда ассоциировалась с именем этого Чингизида, лучше всего известного на Русской земле. Это известие привело историков к мнению о том, что движение разрозненного потока завоевателей направлялось исключительно в южном направлении, из пределов Владимирской земли в правобережные области Оки и далее в Половецкие степи. На формировании этого умозрительного вывода сказалось также и знание о том, что после окончания Северорусского похода монгольское войско в конечном итоге оказалось в Донских степях. Обратим, однако, внимание на то, что при описании длительной осады Козельска Рашид-ад-Дин недвусмысленно намекает на разобщенность монгольских отрядов и на достаточную удаленность их друг от друга (Кадан и Бури смогли присоединиться к отряду Батыя только через два месяца). Понятно, что «облава» представляла собой движение небольших отрядов в самых разных направлениях.

По нашему мнению, именно во время этой «облавы» были захвачены и разорены многие города Владимирской земли. Древнерусские летописи приводят в разных вариантах список этих городов, чем объясняется и разница их перечней в исторических исследованиях²²⁹, но все источники единогласно относят сообщение о захвате владимирских городов ко времени между захватом Владимира и битвой на Сити, резюмируя его такой фразой:

И нѣ мѣста ни вси ни сель тацѣ рѣдко · идеже не воєваша на Суждальской земли · и възаша городовъ · дї · шпрочь свободъ · и погостовъ · во шдинь мѣць февръ · кончевающюса · мѣ · тому лѣту²³⁰.

Сразу же ощущается нереалистичность этого сообщения, и данное впечатление подтверждается дополнительными аргументами. Так, понятно, что срок завое-

²²⁸ ПСРЛ. Т. 23. С. 76; Т. 15. Стб. 372 и др.

²²⁹ Наиболее полный и проверенный перечень этих городов см.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 106–109.

²³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

вания городов, расположенных севернее Клязьмы, не мог уместиться «во шдинъ мѣць февръа». Между датой штурма Владимира (8 февраля 1237 г.) и битвой на Сити (начало марта 1237 г.; см. главу 3) действительно прошло около месяца, но окончание этого срока выходит за пределы календарного февраля. Кроме того, очевидно, что сообщение о массовом разорении владимирских городов имело обобщающий характер и было записано уже спустя какое-то время (не исключено, продолжительное время) после самих событий. Это «итоговое» известие, без сомнения, было вставным в летописный текст, поскольку открывается характерной редакторской фразой («но нынѣ на прѣрѣнаѣмъ взиде») и содержит указание на событие, описанное в летописном тексте позже («и ти плѣниша все... доже и до Торжку»), тем самым создавая повторное известие. Вспомним также и о том, что в заключении этой повествовательной линии (завоевание владимирских городов – битва на Сити – смерть князя Василька) содержится дата мартовского календарного стиля (4 марта), который, как неоднократно уже выяснялось, имел позднее происхождение в сравнении с первоначальными ультрамартовскими датами.

Представление о том, что после захвата врагами столицы княжества владимирские города не имели возможности сопротивляться, также выглядит надуманным. Это выясняется на примере осады Переславля-Залесского, который, по сообщению Рашид-ад-Дина, сопротивлялся пять дней, и это с учетом того, что монголы штурмовали его, как пишет персидский хронист, «сообща» и местный князь Всеволод Юрьевич и его дружина пали при обороне Владимира. Несомненно, что возможность к длительному сопротивлению имели Ростов и Суздаль (если последний город не был разорен еще во время осады Владимира; см. 2.3), поскольку местные дружины, как справедливо догадался В.А. Кучкин, ушли из стана великого князя еще до битвы на р. Сити²³¹. Вспомним и о том, как москвичи, жители небольшой пограничной крепости, противостояли основным силам захватчиков также на протяжении пяти дней. Примеры многоне-

---

²³¹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 105–106.

дельной обороны Торжка и Козельска демонстрируют нам возможности небольших древнерусских городов сопротивляться монголам, разделившись на небольшие отряды, но ведь именно такими отрядами и завоевывалась большая часть территории Владимирской земли. Нельзя, однако, согласиться с попытками некоторых авторов распределить монгольские воинские силы поименно за отдельными царевичами и военачальниками²³²; такая точность была возможной, если бы историкам удалось заглянуть в стратегические карты действий монгольских военных руководителей. Таким образом, не имеется никаких оснований представлять это завоевание быстрой и легкой «увеселительной прогулкой» грабительских отрядов по русскому Северо-Востоку. Отчаянное и героическое сопротивление местного населения надолго задержало завоевателей, которые, впрочем, и не испытывали потребности как можно быстрее завершить северорусский поход и, наоборот, имели цель полного и, если можно так выразиться, «методичного» разорения завоеванной территории. По всей видимости, эту цель завоеватели реализовывали на протяжении весны и лета 1237 г.

Подробное описание семинедельной героической обороны Козельска, к сожалению, не содержит каких-либо прямых или косвенных хронологических примет, поэтому не может помочь в уточнении хронологии похода монголов на Северную Русь. Во всяком случае, окончание этого летописного эпизода следует относить к первой половине и даже, что вероятнее, к середине лета 1237 г. Описанный вслед за тем уход Батыя в Половецкие степи совсем не означал прекращения монгольского разорения Владимирщины, поскольку завоеватели продолжали действовать разрозненными отрядами, а уход одного из них за пределы Русских земель не был сигналом для подобного поступка других. По описанию Рашид-ад-Дина вообще не создается впечатления о далеком отходе монголов от Руси:

Тогда они [монголы после взятия Козельска] расположились в домах и отдохнули²³³.

²³² Например: *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы... С. 107–108.

²³³ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 39.

В этой цитате обращает на себя внимание упоминание «домов», что, вероятно, было бы неуместным для описания условий обитания в Половецкой степи. Начиная излагать события следующего года (635 г. хиджры = 24 августа 1237 г. – 13 августа 1238 г.), Рашид-ад-Дин опять же повествует о деятельности отдельных «царевичей» и ни разу до 1241 г. не упоминает имени Батыя и не рассказывает о действиях молодых чингизидов «сообща».

Иными словами, мы предполагаем достаточно длительное, растянувшееся, вполне возможно, до осенне-зимнего времени 1237 г. пребывание монголов на северорусских землях после окончания собственно военного похода (временная веха выбрана весьма условно и приблизительно). Предполагаем также, что во время пребывания самого Батыя в Половецкой степи (?), отдельные группы недавних победителей располагались в самых разных районах покоренных территорий, обеспечивая за их счет пополнение потраченных в походе сил и ресурсов, а также подавляя отдельные очаги сопротивления. Пребывание здесь не было попыткой освоения завоеванной земли, оно лишь обеспечивало подготовку для продолжения дальнейших завоеваний, для похода на Южную Русь, которая и была главной целью военной экспедиции в Восточную Европу.

2.5. Относительные даты вторжения

В историко-хронологических исследованиях довольно часто решающее значение придается не абсолютным, а относительным датирующим показаниям источников, когда исторические события датируются не конкретными номерами лет или дней, а соотносятся с более ранними (поздними) происшествиями, при этом указывается интервал времени, разделяющий их. Если в подобных датах один из крайних опорных ориентиров (начальное или конечное событие) имеет твердую «привязку» к нашей современной хронологии, тогда становится возможным определить и дату другого. Именно поэтому мы обязаны рассмотреть все относительные даты, касающиеся монгольского нашествия на Северную Русь с целью проверки выводов, полученных путем исследования абсо-

лютных хронологических показаний, которые, как мы знаем, нередко отличались противоречивостью.

О ненадежности результатов, полученных при изучении относительных датирующих показаний источников, мы уже писали в тот момент, когда привлекали их к реконструкции хронологии первого русско-монгольского сражения (см. 1.6). Тогда же, кстати, мы получили относительно надежный вывод о 10-летней интервале времени между битвой на Калке и батыевом вторжении. Рассмотрим прочие показания, касающиеся хронологии изучаемого нами события.

Одно из относительных показаний нам уже знакомо, оно содержится в статье 6745 г. Тверского летописного сборника:

Татарове... двинушася съ восточныа страны, и поплѣниша пръвое Болгарскую землю, а на третіи годъ на Русскую землю придоша бесчисленное множество²³⁴.

Как мы уже выясняли (см. 2.3), разделение двумя годами («на третіи годъ» означает через два года) покорения монголами Волжской Булгарии и начала их вторжения на Русь, противоречащее всем знакомым нам источникам, произошло потому, что Тверской сборник, представляющий позднюю и очень сложную по составу компиляцию, объединил известие о захвате Булгарии, датированное 6744 мартовским годом, ультрамартовское сообщение о солнечном затмении 6745 г. и, наконец, дату образца Новгородской летописи (6746 г.), механически омолаживающую на один год вторжение завоевателей на Русь. Именно поэтому и получилось, что в данном летописном памятнике события одного летописного года (март 1236 г. – февраль 1237 г.) оказались разделенными на три летописные статьи (6744–6746 гг.), что и привело компилятора к мысли о существовании двухлетнего интервала между двумя эпизодами завоевательной деятельности Батыея на Средней и Верхней Волге. Примечательно, что компилятор сам буквально в той же самой фразе опровергает свой грубый расчет, дважды говоря о падении Волжской Булгарии:

---

²³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 365.

В лѣто 6744... Того же лѣта пришедшее безбожніи Татарове и плѣниша всю землю Болгарскую, и градъ их Великіи взяша... В лѣто 6745... Татарове... двинушася съ восточныя страны, и поплѣниша пръвое Болгарскую землю...²³⁵

Несомненно, что двухлетний относительный расчет был сделан после того, когда уже полностью сложился летописный текст в том виде, в каком он представлен ныне на страницах памятника, следовательно, автором этого расчета мы можем считать ростовского летописного редактора, жившего в XVI в., тем более, что ему были свойственны экскурсы в относительную хронологию²³⁶.

Рядом с этим относительным показанием в тексте Тверского летописного сборника расположено еще такое сведение:

В лѣто 6745... Не много бо лѣтъ мину, отъ Калкатцкіа рати до потрясенія земли 8 лѣтъ, тогда же и гладь бысть, а от потрясенія земли до Батыева прихоженія 8 лѣтъ²³⁷.

Здесь упоминаются три события, предшествующие монгольскому нашествию, – первая русско-монгольская битва, землетрясение и голод. В самом Тверском сборнике эти события датируются соответственно 6732 (или 6733)²³⁸, 6738 и 6739 гг. Сразу же заметно, что ни общий 16-летний срок, ни его промежуточные 8-летние интервалы, заявленные в относительной дате, не уместаются в абсолютные годовые показания летописи (6732 – 6738 гг. и 6739 – 6745 гг.), а это означает, что относительное показание было вычислено по другим годовым датам, что заставляет нас исследовать вопрос о точном времени свершения всех указанных здесь событий.

²³⁵ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 364, 365.

²³⁶ См., например, ремарку составителя, помещенную в летописную статью 6747 г.: «Отъ того донынѣ без пяти лѣтъ 300 лѣтъ как тамо [в Переяславле-Русском] епископа нетъ» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 374).

²³⁷ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 365.

²³⁸ Годовая статья 6732 г. Тверского сборника, несомненно, объединяет события двух лет. Ее начало: «Въ лѣто 6732, зимѣ, прииде князь Ярославъ... х Колываню», но чуть далее встречается «733 [т.е. в 6733 г.]. Тоа же зимы поиде князь Ярославъ съ княгынею... из Новгорода къ Переяславлю», но затем опять «732. Того же лѣта явися звѣзда на западе» и далее «Повѣсть о Калкацком побоищѣ... В лѣто 6732...» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 335). Может быть, здесь отразилось соединение 6732 г. и «увеличенного» 6733 г. летописей, восходящих к тверской редакции 1412 г. (см. 1.4).

Дата исходного расчетного ориентира нам известна: русско-монгольская битва на Калке, как нам уже известно, произошла 16 июня 1226 г. (см. 1.6). Что касается двух других событий («гладь» и «потрясение»), то мы должны выяснить, действительно ли они происходили в одно время, как это указывает Тверской сборник, или же обозначение «тогда же» подразумевает какой-то весьма длительный срок времени, который для позднейшего редактора «слился» в короткий временной интервал между давно прошедшими событиями.

В большинстве сохранившихся текстов оба этих экстремальных происшествия совмещены в пределах одного летописного 6738 г. Лаврентьевская летопись, правда, в статье 6738 г. описывает только землетрясение, но в предыдущем году намекает на возможность бедствия через год:

Того̃ · лѣ̃ · Рожь не родиса по всеи нашей земле и дорого бы̃ жито²³⁹.

В Никоновской летописи распределение хронологических элементов несколько другое: в 6738 г. описано колебание земной поверхности, а голод – годом ранее, но при этом указывается, что он «простресея по три лѣта»²⁴⁰. Понять это относительное показание помогают сведения Голицинского тома Лицевого свода, родственного «никоновскому» тексту: там в изложении событий пропущен 6737 г.²⁴¹, т. е. какие-то известия протографа Никоновской летописи (в том числе и «гладь») были вписаны в «слитную» статью 6736 – 6737 гг.; от 6736 г. до 6738 г. по правилам «включающего» счета как раз и получается «три лѣта».

Итак, редактор Тверского сборника не ошибся в том, что, вопреки показаниям своих годовых статей (6738 и 6739 гг.), объединил сведения о землетрясении и голоде в словах «тогда же». Определить номер этого года по нашему летосчислению поможет связанное с этими известиями сообщение о солнечном затмении. Как показывают астрономо-математические расчеты, затмение, ви-

²³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 450.

²⁴⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 98–99.

²⁴¹ Там же. С. 97–99.

денное русскими жителями в конце 20-х – начале 30-х гг. XIII в., это затмение 14 мая 1230 г.²⁴²

Это затмение описывается в источниках в двух письменных редакциях. Первый вариант, который отмечает не одно, а сразу два астрономических события, представлен в Лаврентьевской летописи:

В лѣтѣ · лѣтѣ · зѣ · ѿ · ли · ... Того мѣца маѣ въ · г̄ · день в пѣк · е̄ · нѣ · по пасцѣ ·
Нѣци видѣ · рано въсходящю слнцю · бы на · г̄ · оуглы ѣко и коври-
га потѣ мнѣ бы аки звѣзда тако и погибе · потѣ мало фпѣ взиде въ
своемъ чѣ · Того мѣца въ · дѣ · днѣ во втор · з̄ · нѣ по пасцѣ · Второе въ
гѣ слнце на погыба · ... Остася его и бы аки мѣць · г̄ · дни и на фпѣ по-
лнитѣ · ... и т. д.²⁴³

Такой же рассказ о двух следующих друг за другом «погибелях» солнца повторяется в Московском летописном своде конца XV в.²⁴⁴ Мы не можем объяснить противоречия двух дат солнечного затмения историко-хронологическими данными и поэтому предполагаем, что в числе · дѣ · (14) при переписке была пропущена цифра единиц, и получилось число · г̄ · (10). Вторая редакция описания затмения повторяет в полном или сокращенном виде рассказ о первой «погибели» (без указания календарной даты 10 мая), при этом копируя все характерные детали этого малопонятного известия (события в Киеве, огненный «столп», ручей Лыбедь и т. д.)²⁴⁵. Становится ясно, что дошедшие до нас летописные тексты отразили в разной степени искаженную информацию об астрономическом явлении 1230 г.

Отсюда следует вполне обоснованный вывод о том, что великое землетрясение (его ощущали жители Новгорода и Киева одновременно) и великий «глад» были в 1230 г. Прилагая к этой годовой цифре 6 лет относительного показания Тверского сборника, мы получаем год начала монгольского нашествия на Северную Русь в 1236 г., что полностью соответствует нашим предыдущим выводам (см. 2.2, 3).

²⁴² Святский Д.О. Указ. соч. С. 116–117; Степанов Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи. С. 25.

²⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454–455.

²⁴⁴ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С.124.

²⁴⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 99; Т. 20. С. 155; Т. 23. С. 73 и др.

Надо признать, что в этом случае самую правильную последовательность событий передает Новгородская 1-я летопись. Она начинает изложение событий 6738 г. с «трясения земли», затем упоминает о том, что «богъ наведе на ны смерть тои весны», потом описывает солнечное затмение в редакции, совершенно оригинальной в сравнении с описанием северо-восточных летописей («того же лѣта солнче померьце...» и т.д.), а после того описывает страшные явления голода. 6738-й год Новгородской 1-й летописи – год мартовского календарного стиля (март 1230 г. – февраль 1231 г.)²⁴⁶, поэтому наши предыдущие выводы находят полное и идеальное подтверждение в показаниях этого летописного памятника.

Важнейшее, казалось бы, относительное показание содержит «Повесть о разорении Рязани Батыем». Она начинается такими словами:

Въ лѣто 6745. Въ фторое на десят лѣто по принесении чюдотворного образа Николина ис Корсуны. Прииде безбожный царь Батый на Русскую землю²⁴⁷.

Здесь говорится о том, что вторжение моголов произошло на двенадцатый год после того, как на Русь была принесена из Крыма чудотворная икона с ликом св. Николая Мирликийского. Если мы установим год перенесения чудотворного образа на Русь (а это событие было на самом деле, о чем нам рассказывают многочисленные источники), тогда и сможем через посредство применения простого арифметического действия (номер года принесения иконы + 12 лет) определить год начала нашествия монголов на Северную Русь.

Изучению даты появления чудотворной иконы на Русской земле посвятил в свое время усилия академии А.А. Куник. Этот вопрос интересовал его с точки зрения определения даты битвы на Калке, и поэтому он всячески пробовал соотносить свои выводы по поводу хронологических показаний религиозной церемонии с хронологией батального происшествия. Исследуя один из списков повести о Николе Зараском, А.А. Куник пришел к выводу, что икона была принесена в 1223 г., но уже после Калкской битвы (по его представлениям – 31

²⁴⁶ *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 269–270.

²⁴⁷ *Повесть о разорении Рязани Батыем.* С. 96.

мая 1223 г.)²⁴⁸. Расчеты академика были проведены, казалось бы, пунктуально и безукоризненно, но при этом в них был один слабый момент: исследователь опирался на тот список повести, который он получил, по его собственному признанию, из собрания К.Ф. Калайдовича, где годы битвы и перенесения иконы были синхронизированы. Известны, однако, и другие списки повествования о перенесении иконы заразского святого, причем это списки более древние в сравнении с тем, что был в распоряжении А.А. Куника. В этих текстах принесение иконы в Новгород датируется «во 2-е лето по Калмыцком побоище», или даже в «в третье лето по Калке»²⁴⁹. Иными словами, в относительных сообщениях цикла древнерусских повестей о Николе Заразском мы не можем найти каких-либо твердых оснований для корректировки даты монгольского нашествия.

Еще одно относительное показание содержит Лаврентьевская летопись, описывающая смерть великого владимирского князя Юрия Всеволодовича в битве на р. Сить и после того указывающая сроки его княжения в стольном граде:

Исполни лѣ его добродѣнстви и посѣдѣ в Володимерѣ на столѣ лѣ ·к̄ и ·д̄ а на ·е̄е оубиень бы²⁵⁰.

Та же итоговая цифра княжения Юрия указывается и в Никоновской летописи

(сѣде же въ Володимери на столѣ на великомъ княженіи лѣтъ 20 и 4²⁵¹),

из чего мы делаем вывод, что она не была рассчитана редакторами XV–XVI вв., а восходила к относительному показанию древнего летописного текста. От 6745-го «лаврентьевского» года, к которому памятник относит смерть великого князя, получается, что начало его властвования во Владимирской земле приходилось на 6720 г.

Действительно, в 6720 г. все летописи, восходящие к старым северо-восточным протографам, говорят о смерти известнейшего великого князя Влади-

²⁴⁸ К. (Куник А.А.) О перенесении иконы св. Николая из Корсуня в Новгород (материалы, служащие к восстановлению первобытной новгородской летописи с 1208 по 1224 г.) // УЗ ИАН. 1854. Т. II. Вып. 5. С. 755–759.

²⁴⁹ Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском. С. 246, 253, 255.

²⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 468–469.

²⁵¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 111.

мирской земли, отца упомянутого Юрия, Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Если перевести эти летописные даты на наши хронологические ориентиры (по мартовской календарной схеме, как это и делалось всегда!), то получится, что Юрий Всеволодович княжил во Владимире-Залесском с 1212 по 1237 г.

Однако ранее мы установили, что годом смерти князя Всеволода был, вероятнее всего, в 1216 г. (см. 1.6). Зная об этом, мы можем приложить к этой дате сведения о 24-х (или 25-и) годах княжения его наследника, значит, годом гибели Юрия Всеволодовича во время сражения с монголами мы получим 1240 или 1241 гг., что никак не соответствует показаниям источников и результатам наших предыдущих исследований. Становится ясно, что относительная дата правления Юрия Всеволодовича была высчитана позднейшим редактором от уже присутствующих в летописном тексте дат (6720 г. – смерть Всеволода, 6745 г. - смерть Юрия на Сити). Иными словами, это относительное показание является бесполезным для решения нашей научно-исследовательской задачи.

У знакомого нам автора, венгерского миссионера Юлиана (см. главу 1), мы встречаем такое сообщение:

Подступив к стране куманов, он [вероятно, Чингиз - хан] одолел самих куманов и подчинил себе их страну. Оттуда они воротились в Великую Венгрию... и нападали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими... Завладев ими, и обратившись к западу... ныне же, находясь на границах Руси...²⁵² и т.д.

В этой фразе речь идет о каких-то 15-и годах между моментом завоевания Великой Венгрии и появлением монголов у русских границ. Однако никакого длительного завоевания этой самой Великой Венгрии прочие источники не знают. Наш вывод однозначен: никакой историко-хронологической ценности сообщение Юлиана не имеет, тем более, что совершенно непонятны исходные ориентиры его расчетов.

Еще одно относительное показание представляет нам перечень Комиссионного списка Новгородской 1-й летописи, который содержит следующие сроки пребывания различных князей на владими́ро-суздальском столе:

Всеволод 37 лѣт. Юрьѣ 5 лѣт. Костанѣтинъ 10 лѣт. И паки Юрьѣ 17 лѣт.

---

²⁵² *Антинский С.А.* Известия венгерских миссионеров о татарах... С. 86–87.

А всего оба 25 лѣтъ. В лѣто 6745. Батыи плѣнил Русьскую землю²⁵³.

Все летописные перечни, в том числе и этот, составлялись по заранее готовым годовым летописным показаниям и поэтому не отражали реальных хронологических интервалов времени. Если мы попробуем довериться показаниям процитированного текста новгородского перечня, то по итоговой цифре («а всего оба 25 лѣтъ») от 6745 г. получим общепринятый в летописании год смерти Всеволода Большое Гнездо (6720 г.). Однако при точном учете «всего», мы получаем не 25 лет, а 32 года правления его наследников («Юрьи 5 лѣт. Костаньтинъ 10 лѣт. И паки Юрьи 17 лѣт»), что вообще меняет все наши выводы по поводу хронологии событий этого времени; так, например, смерть Всеволода по этому варианту расчетов будет выпадать на 6713 г. Отметим также, что указанная в перечне абсолютная дата нашествия Батыя не совпадает с той, что содержится в основном тексте Новгородской 1-й летописи (6746 г.). Согласно нашим предыдущим выводам Всеволод Большое Гнездо умер 15 апреля 1216 г. (см. выше), а Константин – 2 или 5 февраля 1221 г. Если полагаться на эти числа и отсчитать от смерти старшего Всеволодовича еще 17 лет («и паки Юрьи 17 лѣт»), тогда мы получим дату смерти Юрия Всеволодовича в 1237 г. (по «включающему счету») или в 1238 г. Однако понятно, что составитель перечня Комиссионного списка вел свои вычисления от каких-то других ориентиров, восстановить которые не представляется возможным. Иначе говоря, относительные расчеты Новгородской 1-й летописи никак не помогают нам в разрешении вопроса о точной хронологии батыева нашествия на Северную Русь.

Хотя, как мы и предполагали заранее, относительные хронологические показания древнерусских источников не внесли важных дополнений в нашу версию датировки монгольского похода на Северную Русь, тем не менее два из них (о 16-летнем промежутке времени между землетрясением и голодом, с одной стороны, и нашествием – с другой, а также о 10-летнем интервале между

---

²⁵³ *НПЛ*. С. 406. В несколько измененном виде этот расчет повторяет Летопись Аврамки: «Юрьи 5 лѣт, Костянтинъ 10 лѣт и паки Юрьи 5 лѣт, а всего оба 23 лѣт» (*ПСРЛ*. Т. 16. М., 2000. Стб. 309), что не меняет оценки этих сведений.

битвой на Калке и началом нашествия) могут быть признаны вполне весомыми дополнительными аргументами датирования.

* * *

Конкретным результатом историко-хронологического изучения датирующих показаний древнерусских источников стал вывод о том, что начальный «слой» дат был внесен в описание северорусского похода Батыя древнерусским летописцем, который был современником событий и считал время годами константинопольской эры, которые имели ультрамартовское календарное начало (от С.М. до Р.Х. 5509 лет, при этом счет начинался от дня 1 марта). По нашему предположению, это был житель Владимира-Залесского, работавший над составлением великокняжеского летописного свода. Географическая и хронологическая приближенность этого летописца к описываемым событиям позволяет предполагать достаточно высокую степень достоверности его информации, в том числе и информации хронологического содержания.

Через несколько десятилетий после разорения Владимирской земли монголами первоначальные датирующие показания вместе с прочей информацией вошли в состав новой письменной компиляции, где они соединились с летописными записями ростовского происхождения и подверглись редактированию, при этом сводчик, соединявший летописные материалы двух крупнейших городских центров Владимирской земли, имел иные представления о счете времени и поэтому приспособивал под них иногда весьма грубо и неумело, начальную времяисчислительную информацию. Этот сводчик считал годы по той же летосчислительной эре, но использовал ее мартовский календарный вариант (от С.М. до Р.Х. 5508 лет, счет начинается также с 1 марта, но отстающего по срокам на год от ультрамартовского начала года). Это было моментом первоначального искажения относительно достоверной информации. Именно на этом этапе формирования дошедших до нас текстов и появилось противоречие между ультрамартовской датой начала осады монголами Владимира-Залесского и мартовскими датами окончательного захвата города врагами

(В лѣтѣ · ѿ · ѿ · мѣ · мѣ · ... Тоѣ зимы · Придоша Татарове к Володимерю · мѣа фев-
ра · въ · г · на памѣ стѣ Семевна во вторнѣ прѣ мапу за нѣлю;
В лѣтѣ · ѿ · ѿ · мѣ · мѣ · ... В нѣлю мапу · по заутрени · приступиша к городу · мѣа
февра в · з · на памѣ стѣ мѣа Февдора Стратилата²⁵⁴).

Дальнейшая неоднократная переписка компилятивного владими́ро-рос-
товского текста привела к появлению новых и изменению старых датирующих
элементов, но при этом в большинстве случаев поздние переписчики стреми-
лись сохранить мартовский «рисунок» хронологии рассказа о нашествии, кото-
рый, как уже нам известно, не был самым начальным и достоверным. Происхо-
дило это, вероятно, потому, что в XIV–XV вв. постепенно стал забываться ста-
ринный ультрамартовский календарный стиль, а все большую популярность
приобретало мартовское календарное новогодие в силу того, что русская цер-
ковь в эти времена произвела своеобразную пасхально-счетную реформу, пере-
ведя все пасхально-хронологические элементы на мартовский календарный
стиль. Именно в таком виде, с преобладанием относительно поздней мартов-
ской «окраски», дошли до историков летописные хронологические показания
рассказа о монгольском вторжении в Северную Русь, и это обстоятельство, ви-
димо, повлияло на характер исследовательских выводов и на их содержание. В
некоторых памятниках, таких как Новгородская 1-я летопись и Тверской лето-
писный сборник, механическое соединение разновременных и разнотипных
хронологических элементов привело к искажению и вторичной мартовской
структуры датирования.

Правомерность предложенной нами схемы возникновения и видоизмене-
ния летописных дат рассказа о батыевом погроме подтверждается анализом
сведений северо-восточных памятников о событиях начальной трети XIII в., где
прослеживается аналогичное «наслоение» хронологических элементов: относи-
тельно древние ультрамартовские константинопольские показания в этих со-
общениях изменялись под воздействием позднего редактирования, включавше-
го в первоначальные записи мартовские элементы (см. 2.3).

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб.461, 462

Однако в процессе модификации первоначальных датирующих элементов возникали и такие ситуации, когда поздние и сложносоставные летописные памятники сохраняли в виде отдельных «вкраплений» самые архаичные показания, восходящие к первоначальному описанию. Эти фрагменты достоверных старинных датировок разбросаны по страницам различных произведений XV–XVI вв., однако их обнаружение и системная идентификация еще более способствуют доказательности наших историко-хронологических выводов. Так, к примеру, в таких поздних и весьма сложных по составу летописных текстах, как Тверской летописный сборник и Никоновская летопись, присутствуют остатки первоначальных дат монгольской осады Торжка

(въ лѣто 6746, ... придоша къ Торжку въ недѣлю 1 поста, мѣсяца февраля въ 22 день»; «въ лѣто 6745, ... и тако взяша Татарове градъ Торжекъ... мѣсяца марта въ 15 день, на средокрестной недѣли»²⁵⁵;

эти комплексы хронологических элементов согласуются с ультрамартовскими календарно-годовыми показаниями рассказа других летописей об осаде Владимира-Залесского, которые относились к первоначальному «слою» датирующих записей. Когда-то все ультрамартовские показания входили в состав единого хроникального текста, но затем они оказались оторванными друг от друга и разбросанными по страницам различных летописных произведений (табл. V). Поиск отдельных «звеньев» этой некогда единой цепи датирующих показаний, их размежевание с «наслоениями» позднейших элементов и, наконец, их систематизация - все это стало основой реконструкции достоверной историко-хронологической версии монгольского нашествия на Северную Русь.

Таблица V

Отражение элементов первоначальных дат северорусского похода монголов в сохранившихся летописных памятниках

№	Ультрамартовские даты протографа XIII в.	Фрагменты сохранившихся летописных текстов
1	Покорение Волжской Булгарии – 6745 г. (1236 г.)	<i>Тверской летописный сборник:</i> Въ лѣто 6745... Татарове... двинуша-ся съ восточныа страны, и поплѣни-

²⁵⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 110; Т. 15. С. 370.

Перекрестное сравнение нашей хронологической схемы с датами единственного иностранного источника, излагающего конкретную хронологию монгольских завоеваний в Восточной Европе (одна из хроник Рашид-ад-Дина), замечательным образом подтверждает правильность нашего историко-хронологического построения не только в общих чертах, но иногда и в деталях. К тому, что было уже выявлено рашьше, добавим наблюдения над сообщениями Рашид-ад-Дина о деятельности завоевателей сразу вслед за окончанием северорусского похода:

... в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г<оду> х<иджры> [24 августа 1237 – 13 августа 1238 г.], осенью Менгу-каан и Кадан выступили в поход против черкесов и зимою убили тамошнего государя по имени Тукара. [И лишь после того, т. е. в первой половине 1238 г.] Шибан, Бучек и Бури выступили в поход в страну Крым²⁵⁶.

Если продолжать придерживаться старой версии датирования северорусского похода (декабрь 1237 г. – март 1238 г.), тогда надо признать, что поход на черкесов начался ранее нападения на Рязанскую землю, а убийство Тукара произошло накануне монгольского вторжения во Владимирскую землю. Вслед за этим следует признать способность монгольских ханов раздваиваться и присутствовать одновременно в двух различных географических регионах. Так, Менгу и Кадан, осенью-зимой 1237 г. воевавшие вроде бы с черкесами, в это же время вместе с другими царевичами

сообща... осадили город Арпан [Рязань] и в три дня взяли его. После того они овладели также городом Ике;

чуть позже

Менгу-каан лично свершал богатырские подвиги [при штурме Владимира-Залесского]²⁵⁷,

а еще позже Кадан и Бури помогали Батыю захватить Козельск. Занятость северорусскими делами никак не позволяла никому из перечисленных Чингизидов отвлечься для действий в Причерноморье.

²⁵⁶ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 39.

²⁵⁷ Там же. С. 39–40.

Конечным результатом проведенного исследования стало, как уже говорилось, создание научно обоснованной версии хронологии северорусского похода Батые, оформленной в виде общепринятого в современной исторической науке универсального времяисчисления (счет лет от Р.Х., январский календарный стиль). Эта версия отчасти повторяет отдельные элементы старой схемы, но во многом расходится с ней. Главным новшеством стало удревнение всех хрестоматийных дат монгольского нашествия и всего этого события целиком на один год. Так, согласно общепринятым взглядам, начало вторжения приходилось на декабрь 1237 г.; по нашей версии, оно началось в последние месяцы 1236 г. Годовая сдвигка начального эпизода привела к перемещению и всех последующих событий по хронологической шкале на такой же интервал времени. Например, захват монголами Рязани с привычной опорной вехи (21 декабря 1237 г.) переместился на такое же юлианское число предыдущего года от Р.Х. (21 декабря 1236 г.), а неудавшееся продвижение завоевателей вглубь Новгородской земли с марта 1238 г. в нашей версии перемещается на первый весенний месяц 1237 г. и т. д.

Однако годовая сдвигка всех датировок не была простым перемещением всех событий вслед за ушедшим «назад» начальным эпизодом монгольского вторжения. Иными словами, «линейка» счета исторического времени не перемещалась нами в направлении к нулю исключительно механически, на основании передатировки какого-то одного из событий, расположенного в определенной ее «ячейке». В каждом случае, когда это позволяла информация источников, мы старались обосновать годовое удревнение для каждого отдельного эпизода вторжения монголов в Северную Русь. Таким способом мы смогли установить три «опорные точки» для проведения корректировки всей хронологической шкалы:

1) нападение монголов на Рязанскую землю произошло, несомненно, в том же году от Р.Х., когда ими была покорена Волжская Булгария, а жители Восточной Европы наблюдали солнечное затмение; первый из двух ориентиров – захват Булгарии предельно точно датируется при помощи показания Рашид-

ад-Дина (в 633 г. хиджры = 16 сентября 1235 г. – 3 сентября 1236 г.), а второй, также без сомнений, по точнейшим астрономо-математическим расчетам, соответствовал дню 3 августа 1236 г.; выходит, что рязанско-монгольское столкновение произошло в 1236 г., а не в 1237 г., как это всегда считалось раньше;

2) комплексы хронологических элементов (номер года, юлианское число, день недели), содержащиеся в летописном описании осады монголами Владимира-Залесского, указывают на февраль 1237 г., но не 1238 г., который давно уже стал считаться хрестоматийной датой;

3) такие же комплексы, сопутствующие описанию осады монголами Торжка, указывают на конец февраля – март 1237 г., но не 1238 г.

Получается, что три названных эпизода монгольского нашествия на Северную Русь удревняются на год в сравнении с господствующим ныне представлением о времени их свершения, при этом отметим, что первый из них относится к началу военной экспедиции Батыя, второй – примерно к середине похода, а третий – ко времени его окончания. Учитывая тесную причинно-следственную связь происшествий, можно уверенно утверждать, что и все остальные события, расположенные в промежутках между тремя указанными «опорными точками», также следует передатировать в сторону их удревнения. Такую относительную связь событий отмечает и «Летопись...» Рашид-ад-Дина, помещая весь северорусский поход чингизидов в 634 г. хиджры (4 сентября 1236 г. – 23 августа 1237 г.).

Еще один положительный научный результат своего исследования мы усматриваем в том, что появление научно проверенной и относительно точной хронологии событий монгольского нашествия и закрепление этих событий за стабильными временными ориентирами 1236 и 1237 гг. создает основания для уточнения датировки прочих происшествий 30-х гг. XIII в., имеющих относительную связь с исследуемым временем и состоявшихся накануне или после вторжения монголов в пределы Северной Руси. В форме дат батыева похода мы получаем достаточно прочные хронологические ориентиры, которые позволяют связывать с ними иные датирующие показания источников.

Так, к примеру, у нас появляются возможности детализировать хронологию некоторых событий из биографии князя Ярослава Всеволодовича, который, как мы знаем, благополучно пережил монгольское разорение и после того занял великокняжеский престол. Известен факт того, что незадолго до трагических событий нашествия он занял киевский княжеский стол, но, принятый недружелюбно южнорусским населением, вскоре его оставил. Новгородская 1-я летопись так передает сообщение об этом событии:

В лѣто 6744. Поиде князь Ярославъ изъ Новагорода Кыву на столъ, пойма съ собою новгородци вятшихъ, ... а новоторцевъ 100 мужъ, а в Новѣгородѣ посади сына своего Олекандра.

Летопись помещает его в одну годовую статью с известием о солнечном затмении и размещает перед астрономическим известием²⁵⁸. Хронологическая принадлежность этой летописной статьи неясна, и если даже доверять последовательности указанных в ней сообщений (что не является надежным аргументом для датировки), то переход Ярослава из Новгорода на Южную Русь можно датировать только приблизительно, как случившееся ранее 3 августа 1236 г. (дата затмения). Ипатьевская летопись сведение о Ярославе излагает кратко

(приде Арославъ . Соуждалькыи и взѧ Киевѣ... не мога его держати . идее паки Соуждалю)

и располагает его в статье 6743 г., включающей в свой состав события нескольких лет²⁵⁹, что не дает никаких надежных оснований для его точной датировки. Недосказанность источников приводила к тому, что историки различно определяли время киевского пребывания Ярослава, приблизительно относя его к 1235–1236 гг. Включение же этого события в хронологическую шкалу, основанную на нашей версии датирования монгольского нашествия, позволяет уточнить, что данный эпизод биографии отца Александра Невского приходился на древнерусский год, который начинался в марте 1236 г. и заканчивался в феврале 1237 г. (см. 2.2), что позволяет построить определенные и весьма любопытные исторические предположения. Как известно, все историки считали, что

²⁵⁸ НПЛ. С. 74.

²⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 777.

Ярослав не погиб в бурных событиях нашествия только потому, что пребывал в это время в Новгороде, не затронутым военной бурей. Удивительно, однако, что его имя никак не фигурирует в списке владимирских князей, несколько раз объединявшихся для оказания сопротивления врагам; лишь однажды упоминается, что Юрий поджидал своего брата на Сити, куда, однако, туда Ярослав так и не пришел

(и жда брата своего Ярослава и не бѣ его²⁶⁰).

Хронологические выводы позволяют допустить, что жизнь Ярославу Всеволодовичу сохранила его удаленность от военных событий, связанная с киевским княжением. Может быть, не случайно именно он, князь Владимирской земли (и Киевской!), не участвовавший в столкновении с монголами, стал затем рассматриваться Батыем в качестве главного претендента на великокняжеский стол.

Возможно уточнить и хронологию другого эпизода княжеской «карьеры» Ярослава, его утверждение на владимирском столе после того, как завоеватели ушли из разоренных северорусских территорий. В северо-восточных летописях это событие датируется 6746 г. без каких-либо деталей, способных уточнить временную характеристику сообщения. Наша хронологическая схема показывает, что это событие могло произойти не ранее зимы 1237–1238 гг., когда завоеватели большей частью покинули Владимирскую землю.

Наконец, значимым результатом нашего исследования можно считать и создание базовых возможностей для уточнения и, может быть, даже пересмотра некоторых исторических характеристик и оценок драматических событий вторжения Батыя. Так, мы совершенно уверены в том, что следует решительно отказаться от мнения о быстроте и легкости военного продвижения завоевателей по северорусским землям. Северорусский поход Батыя длился не три-четыре месяца, как это считает «официальная» научная историография и учебная исто-

---

²⁶⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 109. Вполне возможно, что в этом случае отец (Ярослав Всеволодович) был перепутан с сыном, который действительно сражался с монголами, потому как Суздальская летопись пишет: «Тү же [во время разорения Владимирской земли] снѧ Ярославла оубиша» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 518).

рия, а занимал значительно больший отрезок времени: по нашей версии, первые русско-монгольские контакты, носившие пока еще мирный характер, начались в середине (может быть, в первой половине) ноября 1236 г., а последние проявления монгольской военной активности в ходе первого «этапа» завоевания русских земель относятся, предположительно, к осени 1237 г. Северорусские города не были легкой добычей для врагов, их длительная оборона проявляет отчаянный героизм русских людей, интуитивно защищавших места своего обитания. В этом контексте историки обычно сравнивали длительные сроки осады Торжка и Козельска с однодневным штурмом Владимира-Залесского, и это сравнение было не в пользу жителей столицы Владимирской земли; к этому добавлялось еще и сведение о захвате монголами 14-и северо - восточных городов на протяжении одного месяца, доверчиво заимствованное исследователями из летописных сообщений. Наша хронологическая версия событий 1236–1237 гг. опровергает эти взгляды: штурм Владимира-Залесского длился не один, а три дня, а верхневолжские города покорялись врагами на протяжении нескольких месяцев. Хотим добавить к этому и установленный нами более длительный, по сравнению с двухнедельной общепринятой версией, факт сопротивления жителей Торжка, которые мужественно отстаивали свой город более трех недель. Появление новых представлений о сроках и ожесточенности сопротивления северорусского населения монгольской агрессии должно дать повод для уточнения и корректировки исторических выводов о причинах и последствиях этих трагических событий, для изменения характеристик каждого отдельного эпизода событий второй половины 30-х гг. XIII в. и оценки всего этого периода отечественной истории.

ГЛАВА 3. ХРОНОЛОГИЯ ЮЖНОРУССКОГО ПОХОДА

Среди всех описаний разорительного шествия полчищ Батыя по русским землям самые невыразительные хронологические сведения представляют рассказы о разорении монголами Южной Руси. Показательно, как лаконично сообщали о нем летописи северо-восточной традиции, например, Лаврентьевская летопись:

В лѣтѣ ·̄ѣ·ψ·̄м̄з̄ ·...· Того̄ лѣтѣ · Татарове взяша · Переяславль Рускыи · и еп̄па оубиша и люди избиша · а гра̄а пожгоша ѡгнѣ · и люди · и полона много взѣше Ѡидоша · ·...· На зиму · взяша Татарове Мордовскую замлю · и Мурѡ̄а пожгоша · и по Клазмѣ воеваша · и гра̄а ст̄гыа Бѣца · Гороховець пожгоша · а сами идоша в станы своя · ·¹ ·

что, впрочем, и понятно, потому как, словами той же летописи,

тогдагы же вѣк пополохъ зомъ по всей земли · и сами не вѣддоху · и гдѣ хто вѣжитъ · ·¹ ·

Это обстоятельство существенно осложняет задачу реконструкции истинной хронологии событий Южнорусского похода монголов. Мы постараемся определить даты трех происшествий, которые станут своеобразными опорными точками для установления относительной связи между разными эпизодами разорения южнорусских земель: начало военной агрессии монголов на юге Руси; взятие монголами Киева; начало вторжения завоевателей на «нерусские» европейские территории.

Для определения даты первого из этих событий важное значение имеют показания судакского Синаксария. Этот источник уже во второй раз используется нами для реконструкции русско-монгольской хронологии (см. 1.3, 6), и это заставляет представить подробную характеристику его датирующих элементов.

¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 469, 470.

3.1. Хронологические показания судакского Синаксария

В 40-х гг. XIX в. в библиотеке богословской школы на турецком острове Хейбелиада, близ Константинополя, ученые обнаружили харатейную рукописную книгу на греческом языке, которая была написана еще в XII столетии в крымском городе Сугдея (ныне – Судак). В научной литературе за этой книгой закрепилось название Синаксария, хотя правильней было бы отнести ее к типу Прологов, поскольку она представляет собой собрание синаксариев (исторических сведений о каком-либо православном празднике или о каком-то святом), расположенных в последовательном хронологическом порядке по дням юлианского календаря². Книга была дефектной: первые листы утеряны, а начинался текст Синаксария не с сентября, а с середины декабря. По всей видимости, книга на протяжении нескольких столетий практически использовалась в службе кафедрального Софийского собора Судака, потому как круг упомянутых в ее приписках лиц не ограничен представителями какого-то одного церковного заведения: здесь упоминаются и судакские архиепископы (приписки №№ 1, 18, 19, 44, 85, 101), и Синопский епископ (№ 43), и архиепископ Кавказский (№ 87), и рядовое сугдейское духовенство (№№ 4, 7, 9, 14-16, 23 и др.), разные городские церковные объекты (№№ 17, 43, 103, 151, 184), в том числе и Софийская церковь (№№ 1, 103, 135, 190), многочисленные горожане и представители высшей городской администрации (№№ 8, 24, 48, 56, 65 и др.). Наконец, автор одной из приписок (№ 11) отмечает, что его рукоположили в священнический сан как раз в стенах Софийского собора.

Упомянутые приписки и представляют собой главную историко-хронологическую ценность данного памятника. Размещались они на полях Синаксария рядом с теми его календарными датами, которые совпадали с юлианскими числами приписанных сообщений. Содержание большинства из них некрологическое, но также встречаются праздничные (освящения храмов, церковные ритуа-

---

² О соотношении этих двух типов богослужебных текстов см.: *Григорий (Дьяченко Г.), протоиерей*. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. С. 600.

лы) и трагические (нашествия врагов, природные катаклизмы) сообщения, описания эпизодов из истории города, нравоучительные рассуждения и пр.

В 1863 г. начальник Русской Духовной Миссии на Святой Земле архимандрит Антонин (А.И. Капустин), действительный член Одесского общества истории и древностей, опубликовал все различные рукописные пометки судакского Синаксария с собственным переводом и комментариями в «Записках» этого общества³. В дальнейшем цитировании мы полагаемся на греческую транскрипцию, перевод и нумерацию приписок Антонина, тем более, что нам интересны прежде всего историко-хронологические показания этих записей и их пояснения публикатором, которые оказываются в целом верными и нуждаются только в некоторой детализации и незначительной корректировке. Чтобы закончить разговор о неточностях публикации 1863 г., отметим две принципиальные ошибки ее автора. Анализируя приписку № 47, которая содержала такие хронологические элементы

...μηνὶ φεβρουάρῳ ἴβ̄ ἰνδ. ἰε̄ τοῦ χςψν...με δ' ... – месяца февраля 12 (дня), индиктиона 15, 6750 (1242) года,... в среду,

архимандрит почему-то указал, что в 1242 г. (он соответствует 6750 г. от С. М.) 12 февраля было четвергом, что позволило ему сделать вывод об ошибочности этой записи⁴, хотя на самом деле в том году двенадцатый февральский день как раз и был средой. В другом случае (приписка № 7 у даты 22 декабря), трактуя хронологическое показание, не содержащее номера года

(...ἄβ̄. ἡμέρα ς. ἰνδ. ἰᾱ ἐτ... - ...22, в пятницу, индикта 11, год...),

Антонин предположил, что годовое обозначение могло выражаться числом 6820 или 6866, хотя в действительности набор возможных вариантов можно расширить (6732 и 6911 гг.).

Хронологический диапазон приписок широк: самая ранняя (№ 52) относится к середине 80-х гг. XII в., позднейшая (№ 4) – к концу второго десятилетия

³ Антонин (Капустин А.И.), архимандрит. Заметки XII-XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. Отд. 2-е. С. 595–628.

⁴ Там же. С. 603. Далее ссылки на публикацию 1863 г. делаются в тексте в квадратных скобках.

XV в. Одна из заметок (№ 135), описывающая перестройку Софийского храма, по своей дате претендует на глубокую древность

(ἐν τῷ ἁγῶν ἐτ... в 6301 (793) г. [с. 615]),

но она, без сомнения, носит ретроспективный характер. Большинство приписок содержат номера лет от С. М. (160 из 194, опубликованных Антонином), причем, в 11-и случаях отсутствие годовых номеров объясняется дефектностью сохранившихся записей. Сочетание годовых дат с юлианскими календарными числами само по себе не дает оснований для точного перевода старинной хронологии на современный счет времени, но такая возможность появляется в тех случаях, когда рядом с годовыми и юлианскими показаниями авторы приписок помещали дополнительные элементы датирования (индикты, Круги Луны и Солнца, дни недели), образуя тем самым сложные хронологические комплексы.

Такие комплексы на страницах Синаксария мы встречаем 41 раз. Абсолютное их большинство (39) указывает на то, что разные поколения авторов приписок последовательно применяли так называемую константинопольскую эру летосчисления, полагавшую от С. М. до Р. Х. 5509 лет. Впрочем, для архимандрита Антонина такой вывод и не требовал каких-либо доказательств, поскольку историко-хронологическая наука середины XIX в. пока еще была уверена в неизменном господстве в православной письменности константинопольского счета лет, начиная с ранневизантийских времен и заканчивая современностью. Эта уверенность позволила Антонину даже реконструировать недостающее число единиц в годовой дате из приписки № 102:

ἰδ. ἰβ. τϛ ἁγῶν(β)... инд<икт> 12 6792 г. [с. 611].

В двух случаях, однако, такой определенности у публикатора приписок не было. Запись № 13, соединенная на страницах Синаксария с числом 29 декабря, содержала следующие датирующие элементы:

Ἐτι ἁγῶν. ἰδ. ε̅. ... года 6915 (1407), индиктиона 5.

Совершенно справедливо отметив, что 6915 константинопольскому году должен соответствовать не 5-й, а 15-й индикт, Антонин предположил ошибку в обозначении номера индикта: невнимательный автор пропустил в числе ιε̅ (15) десятко-

вую цифру ι' (10) [с. 598], и это объяснение представляется весьма вероятным. Затруднения вызвали также хронологические показания приписки № 167:

Μηνὶ ἰσλῖω εἰς τὰς κβ̄ ἐν ἡμέρα κυριακῆ... ἐπὶ ἔτους ςωμ̄β... месяца июля 22 числа, в воскресенье,... в 6842 (1334) г. [с. 619].

Совершенно справедливо отметив, что в 6842-м константинопольском году 22 июля не было воскресным днем (добавим, 22 июля было в том году пятницей), в качестве поправки Антонин предложил ближайший год с подобным сочетанием юлианских и недельных элементов – 6849 (1341). С этим можно согласиться, но остается неясным, почему вместо правильного 6849-го номера года на полях Синаксария был записан все же 6842-й? Конечно, если бы речь шла о копировании какой-то ранней записи, можно было предположить, что переписчик перепутал нечетко записанную в протографе последнюю годовую цифру ϑ' (9) с цифрой β' (2), но графическая первичность судакских приписок исключает такую возможность. Единственным приемлемым объяснением становится предположение об использовании в этой записи не константинопольского, а антиохийского счета лет (от С. М. до Р.Х. 5500 лет), по схеме которого 6842 г. от С. М. близок 1341 г. от Р.Х., хотя и не совпадает с ним идеально. Не вдаваясь в детали соотнесения антиохийского, константинопольского и современного летосчислений⁵, отметим все же, что в приписках 30-х гг. XIV в. мы можем ожидать обнаружения каких-то оригинальных времяисчислительных элементов.

Вопрос о календарном стиле судакских приписок перед архимандритом Антонином не стоял, поскольку он исходил из того, что в церковной письменности непременно применялся служебный сентябрьский стиль, тем более, что сама книга Синаксария начиналась сентябрем и заканчивалась августом. Историко-хронологический анализ приписок в целом подтверждает это мнение. Записи, помещенные в начальной части Синаксария (декабрь – февраль включительно), соответствующей первой половине сентябрьского года (сентябрь – февраль), по сочетанию хронологических элементов могут быть уверенно отнесены к сентябрьским годам константинопольской эры (29 декабря 6915 г., индикт 15; 3-4

⁵ Об этом см.: *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». СПб., 2011. С. 183–191.

января 6810 г., индикт 15; 18 января 6821 г., индикт 11; 18 января 6722 г., индикт 2; 12 февраля 6750 г., среда, индикт 15; 15 февраля 6694 г., индикт 4). С позиций современного уровня историко-хронологического знания, мы можем предполагать и ультрамартовскую принадлежность этих показаний. Во времена архимандрита Антонина переменное старшинство мартовского и сентябрьского годов еще не было признано ученым миром, хотя его «коллега» по Одесскому обществу истории и древностей, московский любитель хронологии П.В. Хавский активно отстаивал это мнение в научных дискуссиях; впрочем, дальнейшие записи на полях Синаксария, помещенные во второй половине книги (март – август), исключают возможность использования их авторами ультрамартовского новогодия, поскольку могут быть отнесены к годам сентябрьского или мартовского календарного стилей: 2 марта 6811 г., индикт 1; 2 марта 6813 г., индикт 3; 13 марта 6785 г., индикт 5; 14 марта 6853 г., понедельник; 21 марта 6775 г., индикт 10; 25 марта 6770 г., индикт 5; 26 марта 6783 г., индикт 3; 6 апреля 6800 г., Круг Луны 17, Круг Солнца 24 (реконструкция Антонина); 20 апреля 6815 г., индикт 5; 24 апреля 6847 г., суббота, индикт 7; 25 апреля 6792 г., индикт 12; 3 мая 6797 г., индикт 2; 7 мая 6822 г., вторник, индикт 12; 17 мая 6816 г., индикт 6; 24 мая 6835 г., индикт 10; 25 мая 6781 г., индикт 1; 25 мая 6782 г., индикт 2; 26 мая 6727 г., в воскресенье Пятидесятницы, индикт 7; 28 мая 6786 г., индикт 6; 6 июня 6785 г., индикт 5; 6 июня 6895 г., четверг; 19 июня 6819 г., индикт 9; 1 июля 6812 г., индикт 2; 9 июля 6786 г., индикт 6; 18 июля 6852 г., воскресенье; 11 июля 6772 г., индикт 7; 1 августа 6778 г., индикт 13; 8 августа 6830 г., воскресенье; 9 августа 6770 г., индикт 5. Таким образом, присутствие в обеих полугодовых частях книги календарных показаний сентябрьского года указывает на преимущественное употребление авторами приписок именно этого календарного стиля.

Этот вывод подтверждают и астрономические сведения судакских записей:

ἡ ἔκλειψις ἔγηνε τῶς σελίνης νύκτι ἕως ὥρας θ´. ἰνδ. δ´ τοῦ ϣϣϣϣ. – было затмение Луны ночью до часа 9-го, индикта 4, года 6799 (1291) [с. 605] -

лунное затмение 14 февраля 6799 (1291) г. (приписка № 51), отмеченное в русских летописях под тем же самым 6799 или под 6798 г.⁶, что подтверждает установленную нами хронологическую характеристику приписок Синаксария. Этот вывод дополняют и описания солнечного затмения 1 апреля 6769 (1261) г. (приписка № 86) и лунного затмения 30 апреля 6800 (1292) г. (№ 175) [с. 603, 620].

Наш вывод о преобладании в приписках сентябрьских календарных элементов подтверждает еще одна деталь, не замеченная, кстати, архимандритом Антонином. Прекрасно разобравшись в причине несовпадения нескольких относительных показаний о времени основания города (приписки №№ 61-63 к дате Синаксария 29 февраля), публикатор почему-то оставил без внимания датирующие показания последней из этих записей (№ 63):

...ἔτη ςεῖθ̄ ἐνδ̄ δ'. κικλ̄ ⊙ γ. κικλ̄ ⊕ γ. θ̄εμ ς, ...6919 (1411) г., индиктиона
4, круг солнца 3, круг луны 3, основание 6 [с. 605].

Рядом с безупречным сочетанием таких хронологических элементов, как 6919-й номер года от С. М., индикт 4, Круг Солнца 3 и Круг Луны 3, указывающих, кстати, на использование в этой записи сентябрьского или мартовского календарных стилей, проставлен 6-й номер Основания, который, согласно схеме греко-русской Пасхалии, должен сопровождать не 3-й, а 6-й Круг Луны⁷. Несовпадение объясняется тем, что под старинным названием Основание (θ̄εμ), заимствованным из архаичной сирийско-византийской пасхалистики, здесь указывался номер Эпакты из другого, не менее древнего, александрийского варианта пасхальных расчетов⁸. Самое примечательное здесь то, что 6-я Эпакта должна соответствовать 4-у, а не 3-у Кругу Луны, как это отмечается в судакской записи, но только в случае мартовской календарной принадлежности обоих пасхальных элементов (Круг Луны и Эпакта); совмещение же 6-го номера Основания с 6919-м годом от С. М. и 3-м номером Круга Луны указывает на то, что

⁶ *Святский Д.О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС. Т. XX. Кн. 2. 1915. С. 192.

⁷ *Цыб С.В.* Указ. соч. Табл. 17.

⁸ Там же. С. 237.

этот год был не мартовским, и совсем не ультрамартовским, а именно сентябрьским.

Среди безусловно господствующих элементов сентябрьского календарного стиля мы можем отметить в приписках Синаксария два исключения, не замеченные архимандритом Антонином. В первой сентябрьско-февральской половине книги к календарному числу 20 февраля в середине XIV в. была сделана приписка о смерти некоей Ирины, дочери Василия (№ 57), с такими хронологическими элементами:

Τῆ αὐτῇ ἡμέρα... ἡμέρα β' ἔτ' εἰς ἡσπέρην... в тот же день,... в понедельник, года 6813 (1345) [с. 604].

Не случайно Антонин оставил это (и следующее) сообщение без историко-хронологического комментария, потому что этот случай, очевидно, противоречил его воззрениям: 20 февраля было понедельником не в 1345 г., как это предполагала ультрамартовско-сентябрьская принадлежность всех прочих приписок первой половины Синаксария, а годом позже, в 1346 г., что без сомнений указывает на употребление в дате приписки мартовского календарного стиля. Следующая запись о смерти Мелеки, дочери попа Антония (№ 58), сделанная тем же автором, дословно повторяла те же самые элементы мартовского года [с. 604], тем самым подтверждая совсем не случайное их присутствие на страницах служебного текста. Вспомним, что в одной из записей середины XIV в. (№ 167) мы уже отметили отступление от константинопольского сентябрьского времяисчислительного стандарта, и, по всей видимости, эти факты не случайны, они свидетельствуют о каких-то особых событиях в истории церковной организации Судака.

Определив хронологическую характеристику приписок судакского Синаксария, обратимся к тем из них, которые помогают уточнить хронологию событий русской истории. Первая – приписка № 33 к дате 27 января:

Τῆ αὐτῇ ἡμέρα ἡλθ(ον) οἱ πρῶτα οἱ τάρταροι τοῦ ἡσπέρην ἐτ. В тот же день пришли впервые татары 6731 (1223) года [с. 601].

Мы уже писали о том, что в свое время к ее информации обращался А.Б. Салтыков, пробуя доказать невозможность датирования первой русско-монгольской

битвы на Калке 1223 г.; пересчитав дату Синаксария как 27 января 1223 г. (сделано это было, правда, произвольно) и ссылаясь на сообщение арабского автора Ибн ал-Асира о долгом пребывании монголов в Половецких степях, А.Б. Салтыков отнес Калкскую битву к 1224 г. (см. 1.3). Наши выводы помогают укрепить мнение о несостоятельности общепринятой в современном научном мире версии датирования битвы на Калке (31 мая 1223 г.), поскольку запись о появлении монголов под стенами Судака без какого-либо сомнения может быть отнесена к 27 января 1223 г.

Другое известие монгольской тематики содержит приписка № 10, сделанная рядом с чтениями Синаксария под датой 26 декабря:

Τῆ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἡλ(θ). τᾶταροι οἱ βευτρι. τοῦ ζῴμζ ἐτ. В тот же день пришли впервые татары ... 6747 года [с. 597].

Это сообщение переносит нас во времена нашествия Батыя; не случайно, видимо, Антонин написал в комментарии к этой приписке:

Племенное имя Татар [имелось ввиду слово «βευτρι»] подлежит историческому исследованию. Нет ли в нем созвучия с именем Батыя? [с. 597].

Можно, правда, усомниться в том, что судакская запись слова «βευτρι» (veftri) передавала имя верховного руководителя грандиозной военной экспедиции монголов в Европу. Описывая военную деятельность монголов в Причерноморье после окончания северорусского похода и вплоть до 638-го года хиджры (23 июля 1240 г. – 11 июля 1241 г.), Рашид-ад-Дин ни разу не упоминает имени Батыя в качестве участника относительно небольших походов, в том числе и похода в Крым:

Шибан, Бучек и Бури выступили в поход в страну Крым⁹.

Таким образом, если «βευτρι» из судакского Синаксария было именем монгольского хана, вероятнее подозревать здесь батыевского племянника Бури.

Стоит обратить внимание на тот факт, что в летописи Рашид-ад-Дина упомянутый нами Крымский поход датируется так, что эта дата противоречит судакской записи:

⁹ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 39.

Вологодская летопись начало южнорусского похода относит к 6748 г., но эта дата, несомненно, появилась в результате «сжатия» информации, при которой все события этого похода уместились в одну фразу:

В лето 6748-го... Того же лета взяша Татаровя Чернигов и иные многие города¹².

Большинство прочих летописей содержат два варианта (краткий и подробный) древнего рассказа о вторжении монголов на русский Юго-Восток. Краткую его редакцию лучше других передает Лаврентьевская летопись, которая в статье 6747 г. чередует с северо-восточными известиями (они пропущены в цитате) следующие сообщения:

Татарове взяша · Переяславль Рускыи · и еп̑па оубиша и люди избиша · а гра̑а пожгоша вгнем̑ · и люди · и полона много взѣше Ѡидоша · · · · · Того̑ лѣ · Взаша Татарове Черниговъ · князи ихъ · выѣхаша въ Оугры · а гра̑а пожегше и люди избиша · и монастырѣ пограбиша · а еп̑па Перфурьга пустиша в Глуховѣ · а сами идоша в станы своѣ · · · · · Того̑ лѣ · На зиму взяша Татарове Мордовьскую землю · и Мурѣ пожгоша · и по Клазмѣ воеваша · и гра̑а стѣпа Бѣа · Гороховець пожгоша · а сами идоша в станы своѣ · · · · · Тогдѣ же вѣ пополохъ золъ по всей земли · и сами не вѣдоху · и гдѣ хто вѣжитъ · · · · ·¹³.

Эту версию с различными искажениями отразили Троицкая, Симеоновская и Типографская летописи, Владимирский летописец и совсем кратко Рогожский летописец¹⁴.

Подробное описание начала южнорусской экспедиции Батыева полнее всего воспроизводит Воскресенская летопись, помещая в статье 6747 г. вслед за северорусскими известиями следующее повествование:

Того же лѣта нача Батый посылати на грады Рускіа; послани же Батыеви, пришедше в Русь, взяша градъ Переяславль, и церковь архангела Михаила сокрушиша, и епископа Семена убиша, и люди вся суцаа во градѣ овыхъ избиша, а иныхъ плѣниша, а сосуды церковныа безчисленна, златыа и сребренна и драгоценныа, взяша. А иную же рать посла на Черниговъ; пришедше же послании оступиша градъ Черниговъ въ силѣ тяжцѣ. Слышавъ же Мьстиславъ Глѣбовичъ, внукъ Святославъ Олговича, нападеніе

¹² ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 164.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469–470.

¹⁴ Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М., Л., 1950. С. 320–321; ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 60; Т. 24. М., 2000. С. 94; Т. 30. М., 1965. С. 90; Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. С. 30.

иноплеменныхъ на градъ, и приде на нь съ вои своими; и бившемся имь крѣпко, лють бо бѣ бои у Чрънигова, оже и тараны на нь ставиша, и меташа на нь каменіемъ полтора перестрѣла, а камень же яко можаху 4 мужи силнии подъяти его; но побѣжень бысть Мстиславъ, и множество отъ вой его избіено бысть, и градъ взяша и запалиша огнемъ, а епископа оставиша жива, и ведоша и во Глуховъ и оттолѣ пустиша и... На ту же зиму взяша Татарове Мордовскую землю, и Муромъ пожгоша, и по Клязмѣ воеваша, и градъ свята Богородица Гороховець пожгоша, и идоша во своя страны. Бѣ же пополохъ тогда золь по всеи земли, сами бо себѣ людіе не ведаху кто гдѣ бѣжитъ отъ страха¹⁵.

Такой же рассказ мы встречаем в Львовской, Ермолинской, Симеоновской, Типографской и Никоновской летописях, в Московском летописном своде конца XV в. и, в урезанном виде, в новгородо-софийских сводах¹⁶.

Сходство двух вариантов не вызывает сомнений, что позволяет предполагать их текстологическую связь (краткая редакция списана с пространной, или же, что вероятнее, обе они имели общий протограф), но несомненен также и факт отсутствия в этой линии передачи исторической информации каких-либо точных временных ориентиров. Единственное хронологическое показание этого рассказа имеет относительную сезонную форму

(на зиму взяша Татарове Мордовскую землю..., на ту же зиму взяша Татарове Мордовскую землю...)

и дает возможность считать, что разорение завоевателями Днепровского левобережья состоялось раньше зимнего вторжения в Поволжье.

Конкретизировать хронологию начала южнорусского похода, казалось бы, позволяют сведения двух других летописных памятников. В Летописи Авраамки пишется:

В лѣто 6747. Взяха Татарове Переяславль, Марта 3. Того же лѣта взяша Татарове Черниговъ, Октября 18,

правда, сразу же вслед за тем помещено известие из окончания северорусского похода Батыев:

... и ходиша до Игнача креста¹⁷.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 144.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 222–223; Т. 5. Вып. 1. Л., 1925. С. 218–219; Т. 10. СПб., СПб., 1885. С. 114–115; Т. 20, 1-я пол. Ч. 1. СПб., 1910. С. 118; Т. 23. СПб., 1910. С. 77; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 130.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. С. 51.

Очевидно, эти известия являются сокращенным вариантом того текста, что отразился в Псковской 1-й летописи:

И по Рязаньском взятии на другое лѣто Переславль Рускый взять бысть в средокрестныя недели в четверг месяца марта въ 3 день... Того же лѣта, на осень, град Черниговъ взятъ бысть от Тотар от царя Батыя, месяца октябрю во 18 день, во вторникъ¹⁸.

Недостающий абсолютный номер года этого известия можно восстановить от помещенного далее и находящегося явно не на своем месте такого сообщения:

В лѣто 6746. Прииде царь Батыи ратию и силою Татарьскою на землю Рускую, и плѣниша грады многи, и идоша и до Игнаца креста, и ту взвратишася¹⁹.

Здесь весьма кратко описывается нашествие монголов на Северную Русь, следовательно, фраза Псковской летописи «и по Рязаньском взятии на другое лѣто» означает 6747 г. Кстати, помещенное в окончании второго «псковского» фрагмента известие об «Игнаце кресте» объясняет появление «Игнача креста» в 6747 г. Летописи Авраамки после описания захвата юго-восточных русских городов.

Историко-хронологический анализ этих известий

(в средокрестныя недели в четверг месяца марта въ 3 день», «месяца октябрю во 18 день, во вторникъ)

указывает на применение здесь мартовских годов константинопольской эры, что заставляет считать временем взятия двух юго-восточных русских городов 3 марта и 18 октября 1239 г.

Могут возникнуть определенные сомнения в точности именно такого пересчета летописных дат. Конечно же, оба памятника (Летопись Авраамки и Псковская 1-я летопись) имели общий протограф южнорусского (?) происхождения, и каждый из них мог по-своему исказить его показания. На первый взгляд кажется, что летописный сборник второй половины XV в., именуемый Летописью Авраамки, сократил важнейшие хронологические показания протографа («в средокрестныя недели в четверг», «во вторникъ»), сохраненные Псковской летописью, однако контекст их расположения в северо-западном источнике заставляет усомниться в их первичности. Известие о походах Батыя, происходивших в

¹⁸ *Псковские летописи*. Вып. 1. М. ; Л., 1941. С. 11, 12.

¹⁹ Там же. С. 12.

6747 г., вставлено без годового номера в летописную статью 6738 г., затем следует участок текста с грубыми нарушениями правильной хронологической последовательности: после связных известий 6851–6856 гг. следует вновь 6747 г., потом – 6746 (!), 6748, 6749, 6744 (!) и вновь 6747 г. Этих нарушений нет в сборнике XV в., где, кроме того, целостней и подробнее излагается рассказ о взятии монголами Киева.

Псковская 1-я летопись

В лѣто 6747. Князи Черниговский Михаилъ и Феодоръ оубиени быста в Татарѣх от царя Батыя [в других летописях это – событие 6754 г.]. А на другое лѣто [!] град Киевъ пленен бысть от безбожных Татаръ, от злочестиваго царя Батыя, месяца ноября въ 19 день, в понедѣльникъ...
В лѣто 6746[!]. Прииде царь Батыи... на землю Рускую...

Летопись Авраамки

В лѣто 6747... Того же лѣта придоша Татарове къ Киеву, Септября 5, и стояша 10 недѣль и 4 дни, и едва взяша его, Ноября 19, в понедѣльникъ...²⁰

Сравнение известий о южнорусских действиях Батыя из разных списков Псковской 1-й летописи оставляет нас в неведении об их первоначальном виде: так, в Тихановском списке не говорится о том, что Переяславль-Русский был взят «на другое лѣто» после Рязани, а в Архивском 1-м списке отсутствует указание четверга при юлианской дате «месяца марта въ 3 день»²¹. Тем не менее, с определенной долей условности мы можем все же воспринимать монгольские известия Псковской 1-й летописи в качестве «опорных» ориентиров для построения выводов.

Главный из них заключается в том, что совмещение хронологии Псковской летописи и судакского Синаксария заставляет считать ошибочным традиционное мнение о вторжении монголов в Крым уже в ходе их военных действий на Юго-Востоке Руси, потому как события выстраиваются в следующей последовательности: 26 декабря 1238 г. – появление завоевателей под стенами Судака; 3 марта 1239 г. – захват Переяславля-Русского; 18 октября 1239 г. – штурм Чернигова; зима 1239–1240 гг. – разорение Мордовской земли, Мурома и Гороховца.

²⁰ *Псковские летописи*. С. 12; *ПСРЛ*. Т. 16. С. 51.

²¹ *Псковские летописи*. С. 11, прим. 51, 55.

Представление о вторжении монголов в Крым как о побочном эпизоде южнорусского похода Батыея сложилось в исторической науке под воздействием двух принципиальных, но при этом умозрительно определенных позиций. Во-первых, все историки, будучи уверенными в том, что завоевание русских земель было главной целью военной экспансии монголов в Восточную Европу, считали верным полагать, что любые географические отклонения от «магистрального» пути следования завоевателей должны восприниматься как случайные, посторонние события, тем самым показывая их второстепенность и умаленное значение. Этот своеобразный и малопонятный патриотизм приводил ученых к выводу о том, что обитатели русских земель были не только главными жертвами, но и основными противниками завоевателей. Необоснованность выделения русских приоритетов в восточноевропейских завоеваниях потомков Чингиз-хана достаточно убедительно доказал недавно петербургский исследователь Ю. В. Кривошеев²².

Настолько же неуместным являлось и представление монгольских завоеваний в виде последовательного и едва ли не планомерного присоединения новых районов к имперской территории. В реальности западная экспансия чередовала события различной временной и географической интенсивности, перемежая периоды быстрого продвижения огромных коллективов вооруженных людей с эпизодами затишья военных действий, когда завоеватели «осваивали» новые пространства в форме их усиленного грабежа с целью пополнить ресурсы и обеспечить тыловую безопасность в дальнейшем. В этом смысле северорусский поход Батыея действительно выглядит стремительным рейдом (срок – 4 месяца) в Верхнее Поволжье, после которого сразу же началось многомесячное «освоение» огромной территории, простиравшейся на сотни верст к северу и югу от Оки. По сведениям Рашид-ад-Дина, уже на Владимирской земле, только что разоренной завоевателями, состоялся курултай участвовавших в походе Чингизидов, решивших «идти туменами облавой и всякий город, область и крепость, ко-

---

²² Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси. СПб., 2003. С. 136–138, 158–164.

торые им встретятся, брать и разрушать»²³. Эти разнонаправленные потоки «облавы», автономные на протяжении многих месяцев, в 1238 г. постепенно стекались в междуречье среднего и нижнего течения Волги и Дона, где Батый разместил свою основную «базу» для проведения дальнейших завоеваний.

По всей видимости, уже тогда хан принял решение основать в этом районе место своего постоянного обитания в «послевоенные» времена и предпринимал какие-то действия по восстановлению недавно им же самим разоренной местности. Совсем не случайно Рашид-ад-Дин сообщал:

Тогда они [монголы после северорусского похода] расположились *в домах* и отдохнули²⁴.

Опять же не случайно именно сюда Батый целенаправленно поспешил вернуться из западноевропейского похода в 1242 г., получив известие о смене власти в Каракоруме. Придание этому району «столичного статуса» потребовало обеспечить безопасность его границ, тем более, что в самом ближайшем времени будущему хану предстояло покинуть его на неопределенный срок для продолжения похода на запад. Неприкосновенность северных границ будущего Сарайского улуса Золотой Орды была обеспечена предыдущим разорением Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси, наведением порядка на юге активно занимались в 1238–1239 гг. родственники Батыя (их деятельность описывалась Рашид-ад-Дином после северорусского похода), а походы в Крым и в Днепровское Левобережье гарантировали безопасность юго-западного направления. Крымский и днепровские походы не предполагали территориальной аннексии, их целью было создание «зоны безопасности», своеобразной нейтральной полосы на границах базового региона. Не случайно, описывая разорение Переяславля-Русского и Чернигова, многие русские летописи, и не только те, что передают самый популярный рассказ, намекают на то, что Батый лично не участвовал в этих экспедициях и обходился силами специальных карательных отрядов: Ипатьевская летопись –

...поча посылати [Батый] на гра̑ Роуьскыє. и взать гра̑ Переяславль... в то же время посла на Черниговь...²⁵;

---

²³ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. С. 39.

²⁴ Там же.

Воскресенская летопись –

... нача Батый посылати на грады Рускіа; послани же Батыеви, пришедше в Русь, взяша градъ Переяславль... иную же рать посла на Черниговъ; пришедше же посланиі оступиша градъ Черниговъ въ силъ тяжцѣ...²⁶,

также в Львовской, Симеоновской, Ермолинской, Новгородской 4-й, Софийской 1-й и Никоновской летописях, в Московском своде конца XV в. и в Тверском сборнике²⁷. Памятники, которые не упоминают о батыевых посланниках, подобно Лаврентьевской летописи пишут о том, что после каждого из трех походов (на Переяславль, Чернигов и в Мордовскую землю) враги «Ѡидоша» и «идоша в станы свога»²⁸. Почти во всех названных источниках специально подчеркивается факт послания «иных», по сравнению с предыдущими набегам, воинских отрядов. Именно такой специально сформированный монгольский отряд и совершил в декабре 1238 г. набег на Крымский полуостров, открывавший серию превентивных действий по созданию «зоны безопасности» на юго-западных границах нового улуса. Территорией Крымского полуострова набеги не ограничились, монгольские войска перед вторжением на Южную Русь разгромили Аланское государство, разрушив их столицу Минкас (Магас) и область Авир со столицей Тимур-Кахалка (Дербент). Поэтому можно отметить тот факт, что Батый создавал «зону безопасности» и на территории Северного Кавказа, чтобы можно было безопасно вторгаться на Южную Русь, а при возвращении из Западной Европы быть уверенным в безопасности будущего улуса. Череда таких походов-набегов завершилась зимой 1239–1240 гг. нападением на Мордовию, Муром и Гороховец. Опять же по причине ошибочных представлений о четкой географической последовательности монгольских завоеваний, это событие произвольно относилось к началу 1238 г.²⁹, хотя все летописи согласно друг с другом отводят ему

---

²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 781, 782.

²⁶ ПСРЛ. Т. 7. С. 144.

²⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 222, 223; Т. 5. С. 219; Т. 10. С. 114; Т. 15. СПб., 1865. Стб. 373–374; Т. 18. С. 60; Т. 23. С. 77.

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469, 470; Т. 25. С. 77; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 319, 320.

²⁹ *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития Древней Руси. М., 1967. С. 34; *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татари-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 196 и др.

место вслед за разорением Переяславля-Русского и Чернигова (3 марта и 18 октября 1239 г. соответственно).

3.3. Когда же пала «мать городов русских»?

Летописные источники донесли до нас два варианта записей, датирующих взятие монголами Киева. Долгие годы, начиная от времен В.Н. Татищева и до XX в., историки принимали дату из подробной летописной повести о взятии Киева монголами. Первоначальный ее вид сохранила Лаврентьевская летопись, при этом, правда, сократив хронологические элементы рассказа:

В лѣтѣ ·ѣ·ѡ·лн·... Того · лѣтѣ · Взаша Къиєвъ Татарове ·... си же злоба приключиса до Ржтва Гна · на Николинъ днь ·.³⁰

Законченный вид, в котором святцевое показание сопровождалось юлианской датой, содержит Никоновская летопись:

Въ лѣто 6748... и взяша Татарове градъ Кієвъ, мѣсяца Декабря в 6 день, на память святого чудотворца Николы³¹.

Большинство других летописных памятников повторяют этот вариант датирования либо в полном его виде (т. е. с юлианской датой), либо в кратком (без этой даты), а иногда, как во Владимирском летописце, забывая указать исходное показание святцев:

В лето 6748... мѣсяца декабря въ 6 день³².

Само по себе такое сочетание календарных элементов не позволяло провести какую-либо точную редукцию, не помогало ее осуществить и расположение известия к комплексу годовой статьи, потому как в этой части древнерусского летописания такие комплексы отличает обилие грубых компиляций. Тем не менее утвердилось мнение о том, что Киев был захвачен монголами 6 декабря 1240 г., иными словами, дата образца Лаврентьевской летописи объявлялась константинопольской мартовской. Расчет основывался на общих соображениях о том, что

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

³¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 117.

³² ПСРЛ. Т. 30. С. 90.

Киев монголы штурмовали после разорения Переславля-Русского и Чернигова (май и октябрь 1239 г.), но еще до появления завоевателей в Польше и Венгрии (1241 г.). Сюда же (в 1240 г.) наши историки помещали и монгольский поход в Крым, который, как мы знаем, состоялся в декабре 1238 г.

Летопись Авраамки, уже знакомая нам оригинальным датированием действий завоевателей в Южной Руси, так представляет запись об осаде и штурме города:

В лѣто 6748... Того лѣта приидоша Татарове къ Кіеву, Септября 5, и стояша 10 недель и 4 дни, и едва взяша его, Ноября 19, в понедѣльникъ.

По представлениям составителя этого летописного сборника, это был третий год от начала вторжения завоевателей (6746 г.)³³. Псковская 1-я летопись, как и в случае с датами захвата монголами Переяславля и Чернигова, повторяет эти показания, помещая их, правда, в хаотичный набор разновременных русско-монгольских известий:

В лѣто 6747. Князи Черниговскийи Михаилъ и Феодоръ оубиени быста в Татарѣх от царя Батыя [в других летописях это – событие 6754 г.]. А на другое лѣто [!] град Киевъ пленен бысть от безбожных Татаръ, от злочестиваваго царя Батыя, месяца ноября въ 19 день, в понедѣльникъ... В лѣто 6746[!]. Прииде царь Батыи... на землю Рускую...³⁴

Наши историки признавали, что отдать предпочтение какому-либо одному из этих вариантов датирования (6 декабря 6748 г. и 19 ноября 6748 г.) сложно, поскольку,

нет достаточно убедительных данных для того, чтоб безоговорочно принять одну из двух этих дат и отвести другую.

Автор этих слов Н.Г. Бережков склонялся все же в пользу принятия второго варианта, хотя и в этом случае высказывал сомнения:

Взятая сама по себе, вторая версия как будто выигрывает в своей убедительности от того, что в ней дате взятия Киева предпослана дата подхода татар к городу и указание продолжительности осады, причем, эти элементы согласованы между собой; элементы полной даты собственно взятия Киева (год, день месяца, день недели) также находятся во взаимном соответствии. Надо, однако, заметить, что указываемая длительность осады вызывает сомнения³⁵.

³³ ПСРЛ. Т. 16. С. 51.

³⁴ Псковские летописи. С. 12.

³⁵ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 111.

Впрочем, позже В.И. Ставиский признал оригинальное показание Псковской 1-й летописи «истинным и наиболее древним», причем даже не исключал его влияния на искусственное появление декабрьской даты, хотя предполагаемая им схема текстологической связи осенней и зимней дат выглядит весьма сложной³⁶.

В.А. Кучкин также предпочел ноябрьскую дату:

«Если Киев был взят 6 декабря 1240 г., то монголы не успевали до 25 декабря дойти до венгерских границ... Если Киев был взят 19 ноября 1240 г., то монголы успевали это сделать. В таком случае дата 6 декабря, читающаяся в северо-восточном летописании, может расцениваться не как дата взятия Киева, а как время получения на Северо-Востоке известия о его падении»³⁷.

Главную проблему мы усматриваем, однако, не в том, чтобы почти произвольно осуществлять выбор из двух календарных дат, а в определении истинного года разорения Киева. Напомним, что перевод 6748-го летописного года в 1240 г. по Р. Х. воспринимался разными поколениями ученых как вполне естественный и не требующий объяснений пересчет; кстати, календарно-недельный комплекс Летописи Авраамки и 1-й Псковской летописи («в лѣто 6748,... Ноября 19, в понедѣльникъ») подтверждает точность такой редукции. Такая уверенность, однако, может быть поставлена под сомнение перечислением монгольских «воевод», принимавших участие в захвате Киева. Летописная повесть называет следующие имена:

... Оурдю . и Баидаръ. Бирюи Каиданъ. Бечакъ . и Меньгоу . и Кююкъ (в других списках – «Коюкъ»)³⁸.

Упоминание в этом списке трех имен – Бури, Менгу и Гуюк – делает проблематичной датировку этого события 1240 г.

Дело в том, что восточные хроникальные сочинения описывают ссору монгольских царевичей во время европейского похода, последствием которой стал отзыв в Каракорум некоторых из них. Рашид-ад-Дин несколько раз упоминает этот эпизод, сначала в «Рассказе о войнах, которые вели царевичи... в Кипчакской степи, Булгаре, Руси...»

³⁶ Ставиский В.И. О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям // ТО-ДРЛ. Т. 43. М. ; Л., 1990. С. 282–290.

³⁷ Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем // Отечественная история. 2020. № 4. С. 17–18.

³⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 785.

(... наступил год мыши, 637 г<од> х<иджры> (3 августа 1239 – 22 июля 1240 г. н. э.),... а Гуюк-хан и Менгу-каан осенью того же года мыши, по приказанию каана, вернулись, и в год быка, соответствующий 638 г<ода> х<иджры>, расположились в своих ордах),

затем в начале «Рассказа о высоких зданиях, которые каан возвел со времени выступления царевичей в поход в Кипчакскую степь...»

(... и до хукар-ил, соответствующего 638 г<ода> х<иджры> (23 июля 1240 – 11 июля 1241 г. н. э.), когда Гуюк-хан и Менгу-каан возвратились из похода),

и, наконец, в «Летописи некоторых царевичей Кипчакской степи...»:

Осенью хулугинэ-ил, года мыши, соответствующего месяцам 637 г<ода> х<иджры> (1239 г. н. э.), когда Гуюк-хан и Менгу-каан, согласно повелению каана (Угедя) возвратились из Кипчакской степи, царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок³⁹.

Иными словами, как минимум, два царевича из летописной повести о взятии Киева (Менгу и Гуюк) не могли участвовать в захвате города, каким бы годом его ни датировать (1239 г. или 1240 г.).

«Сокровенное сказание» от лица Батыея подробно описывает инцидент, послуживший причиной отъезда нескольких бывших соратников (здесь также фигурирует Гуюк, но вместо Менгу оппозиционным его союзником называется Бури):

Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший из находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться и уезжать, причем Бури выразился так: «Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пятой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!» А Гуюк говорил: «Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!».

Строго говоря, бунт двоюродного брата и племянника против первенства Батыея имел, отчасти, законные основания, потому что тот же источник напоминает нам о давнем (1228 г.) решении Угедя:

На царевича Бури было возложено начальствование на всеми этими царевичами [и над Батыеем!], отправленными в поход а на Гуюка – начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса.

³⁹ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 40, 44–45.

Однако в реалиях военной обстановки на границе 30-х и 40-х гг. XIII в. решено было забыть о старинных нормах, на что указывает описание гнева каана:

Государь [Угедей] до того сильно разгневался, что не допустил (старшего своего сына) Гуюка к себе на прием. Он говорил: «У кого научился этот наглец дерзко говорить со старшими? ... Осмелился восстать на старшего брата! ... Что касается до Бури, то сообщить Батью, что он отправится объясняться к (своему отцу) Чаадаю ... Пусть его рассудит брат Чаадай!»⁴⁰.

Угедей не стал судить племянника, предоставив вынести решение его отцу, а судить сына доверил обиженному им Батью:

Пусть Гуюка... судит Батьй!⁴¹.

Естественно, что Гуюк не стал, в отличие от Бури, прощенного-таки Чагатаем, торопиться с возвращением в Восточную Европу (по Рашид-ад-Дину,

Гуюк-хан и Менгу-каан... расположились в своих ордах),

и этот поступок, как показали события после скорой смерти Угедая (декабрь 1241 г.), оказался весьма дальновидным.

Анонимный автор «Сокровенного сказания» так датирует окончание работы над своим сочинением:

В седьмой месяц Хуран-сара, года Мыши⁴²,

т.е. относит его к маю 1240 г. Иными словами, Гуюк совершенно определенно (и Менгу тоже?) не мог участвовать во взятии Киева, даже если удревнить это событие на год (вместо 1240 г. допустить 1239 г.).

Сделать такое допущение весьма сложно, так как этому противоречит полная календарная дата взятия Киева из Летописи Авраамки и Псковской 1-й летописи (19 ноября было понедельником в 1240 г.), а также необходимость признать в этом случае одновременность двух эпизодов южнорусской агрессии монголов – разорение Днепровского левобережья (штурм Чернигова 18 октября 1239 г.) и ноябрьские действия завоевателей в Киевской земле. Мы склоняемся к тому, чтобы объявить невозможным установление точной даты Киевского взятия и допустить осторожное, пусть и неконкретное его датирование 1239–1240 гг. Лето-

⁴⁰ Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niġuġa tobġuan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. М. ; Л., 1941. С. 191, 194.

⁴¹ Там же. С. 195.

⁴² Там же. С. 199.

писный рассказ не дает никаких твердых временных оснований для «сужения» такой аморфной и пространной датировки, что и неудивительно. Как убедительно доказал А.П. Толочко, этот рассказ представляет собой позднее переложение ветхозаветных и хроникальных сочинений, никак не связанных с реалиями древнерусской истории (Книга Царств, «Хроника» Георгия Амартола, «Иудейская война» Иосифа Флавия и т. п.), в связи с чем следует такой неутешительный вывод:

Строгая эпистемологическая позиция подсказывает, что – будучи фиктивными – тексты, подобные рассказу об падении Киева никакой ценности для суждения о прошлом не имеют и для исторической реконструкции непригодны. Можно упорствовать, предположив, что все, превышающее в рассказе уровень лексических и фразеологических заимствований, и есть та достоверная реальность, которую можно спасти для истории. Но мы видели, что перенимаются также сюжетные ходы и положения, которые подчас не имеют буквальных лексических соответствий в оригинале, и критериев для сортировки сюжетов на разряды, имитирующие реальность и имитирующие литературный образец, у нас нет⁴³.

Вероятно, единственной надежной опорой для датирования захвата Киева монголами остается не раз уже цитированное сообщение Рашид-ад-Дина:

Осенью хулугинэ-ил, года мыши, соответствующего месяцам 637 г<ода> х<ижры> (1239 г. н. э.), когда Гуюк-хан и Менгу-каан, согласно повелению каана (Угедея) возвратились из Кипчакской степи, царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в 9 дней взяли большой город русских, которому имя Манкер-кан, а затем проходили облавой туман за туманом все города Владимирские и завоевали крепости и области, которые были на (их) пути⁴⁴.

В случае доверия этому показанию, мы должны относить падение древнерусского города к осени 1239 г. и, предпочитая дату двух оригинальных памятников (Псковская 1-я летопись и свод последней четверти XV в., именуемый Летописью Авраамки) декабрьской дате из фиктивной летописной повести, относить штурм Киева к 19 ноября 1239 г. При этом, все же, не следует забывать о тех труднообъяснимых моментах, которые возникают в связи с принятием такой версии.

⁴³ Толочко А.П. Взятие Киева монголами: источники летописного описания // *Palaeoslavica*. Vol. 22. № 2. Cambridge – Massachusetts, 2014. P. 115.

⁴⁴ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 44–45.

3.4. Время окончания «побоища Батыева»

Не менее сложной выглядит и задача установления хронологии завоевательных действий монголов в Юго-Западной Руси. Описывающие их источники удивительно молчаливы в указании каких-либо датирующих деталей, не отмечая даже приблизительных сезонных признаков или природных явлений, позволяющих осуществить хотя приблизительную хронологическую привязку. Не отыскиваются такие ориентиры и в хронике Рашид-ад-Дина, потому как все передвижения монголов на юго-западе Руси он «сжимает» в один год:

Осенью хулугинэ-ил, года мыши, соответствующего месяцам 637 г<ода> х<ижры> [3 августа 1239 г. – 22 июля 1240 г.]... царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в 9 дней взяли большой город русских, которому имя Манкер-кан, а затем проходили облавой туман за туманом все города Владимирские и завоевали крепости и области, которые были на (их) пути⁴⁵.

Как раз поэтому современные исследования о монгольском походе на Волынь и в Галицию представляют собой попытки историографического анализа давно сложившегося мнения о времени разорения этих районов (после захвата монголами Киева и еще до их вторжения в Венгрию и Польшу) с целью обнаружить ненароком в скупой хронологической информации источников или в ученых реконструкциях какие-то скрытые до сих пор возможности уточнения времени исторических событий⁴⁶. В такой ситуации логичным станет путь от обратного: установление сроков появления завоевателей к западу от русских границ может считаться моментом окончания южнорусской военной экспансии Батыя. Тесная временная связь южнорусских и венгерских батальных событий очевидна, и к такому выводу нас подталкивает не только знание о монгольской традиции

⁴⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 44–45.

⁴⁶ Чебаненко С.Б. Южная Русь и Юго – Западная Русь периода монгольского нашествия в работах новейших исследователей // *Rossica Antiqua*. №1. СПб., 2015. С. 47–62; *он же*. Южная Русь и Прикарпатье (Юго – Западная Русь) в период монгольского нашествия: Проблемы новейшей историографии // *Русин. Международный исторический журнал*. №1. Кишинев, 2016. С. 81–94; Майоров А.В. Завоевание Батыем Южной Руси: К интерпретации одного известия Рашид-ад-Дина // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1. СПб., 2015. С. 169–181; *он же*. Монгольское завоевание Волыни и Галичины: Спорные и нерешенные вопросы // *Русин. Международный исторический журнал*. № 1. Кишинев, 2015. С. 11–24, и др.

пунктуального преследования бегущих врагов и в особенности их военно-политических лидеров, но и недвусмысленный намек летописного рассказа:

Батыю же вземшю гра̑ Къевъ . слышавъшоу емоу ѡ Данилѣ . ꙗко Оугрѣхъ есть . поиде самъ Володимероу... и взѧ и копьемь... тако же и гра̑ Галичь . иныи гра̑ многы . имже нѣ̑ числа... Батыи же... иде Оугры⁴⁷ .

Русские летописи описывают только один эпизод из всей Венгерской кампании монголов, и делают это в статье того же года, где помещаются и известия о взятии Киева, и о пересечении монголами венгерской границы:

Въ лѣ̑ . ѡ̑ . ѡ̑ . мѣ̑ . ... Батыю же вземшю гра̑ Къевъ . [далее сообщается о захвате Колодяжного, Каменца, Владимира, Галича и других городов, «имже нѣ̑ числа»]... Батыи же... иде Оугры король жь Бѣла и Каломанъ . срѣто ѣ на рѣцѣ . Солонѣ . бившимся имъ полкомъ . бѣжаша Оугре . и гнаша ѣ Татарѣ до рѣкѣ Доунаа . стояша по побѣдѣ три лѣ̑⁴⁸ .

Совершенно ясно, что все эти события не могли происходить в течение одного года, и при всей своей мобильности завоеватели не могли за такой короткий срок преодолевать такие огромные расстояния, попутно тратя время на осаду и штурм городов.

Сомнительна и датировка из *Анналов краковских мансионариев*:

В лето Господне 1239 татарский народ, разделившись на две части, столкнувшись с венгерским королем, победил венгров и убил брата короля – Коломана. Король на корабле ушел за море, после чего татары опустошили Моравию, Силезию, Вроцлавскую и Краковскую земли и через земли Серадза, Сандомира, Руси и Подолии...⁴⁹ .

Данное известие упоминает события, происходившие на протяжении примерно четырех лет, причем их очередность нарушена, потому как Русь, Подолье, Сандомир и другие территории пострадали от монгольских войск раньше того, как венгерский король «ушел за море». Автор *анналов* верно сообщает, что монгольская армия была разделена на две части (венгерский и польский отряды), но сведение об убийстве Коломана является верным лишь отчасти, так как он был ранен в битве на р. Шайо, а скончался уже в Загребе от полученных ран. Противоречивость данного известия можно объяснить тем, что оно было запи-

⁴⁷ *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 786.

⁴⁸ Там же. Стб. 786–787.

⁴⁹ *Annales Mansionariorum Cracoviensium* // *Monumenta Poloniae Historica: Pomniki Dziejowe Polski*. T.V. Lwow, 1888. S. 892–893.

сано, вероятнее всего, позже описанных в нем происшествий и, возможно, по слухам и с авторскими домыслами. Годовая дата была указана здесь для того, чтобы показать примерное время случившегося и при этом заменить авторское незнание точной хронологии.

Казалось бы, бóльшую ясность вносит «Великая хроника», в которой указано, что годом вторжения монгольских войск как в Польшу, так и в Венгрию является 1241 г.:

В году 1241 Батый, татарский хан, со своим войском – народом многочисленным и жестоким, пройдя Русь, вознамерился вторгнуться в Венгрию. Но прежде, чем он достиг венгерских границ, он направил часть своего войска против Польши. Они в день Пепла (среда перед 1-м воскресением Великого поста) опустошили и город и Сандомирскую землю... Затем они через Вислицу пришли в Краков, подвергнув все опустошению (Краков был взят 22 марта 1241 г.)... С ними Генрих,... князь силезский, польский и краковский... храбро встретился на поле у крепости Легница..., уверенно с ними сразился (9 апреля 1241 г.)... Когда Батый, татарский князь, вторгся в Венгрию, ему преградили дорогу венгерские короли, братья Бела и Коломан. Последние, потеряв в сражении большую часть своего войска, обратились в бегство⁵⁰.

Эта информация позволяет нам предполагать, что вторжение монголов в Венгрию началось не раньше середины весны 1241 г., уже после того, как в марте и в начале апреля пострадали польские города.

Основным источником для датирования начала монгольского нашествия в Венгрию можно считать «Горестную песнь» о разорении Венгерского королевства татарами, которая была написана магистром Рогерием. Во время монгольского нашествия он был капелланом кардинала Иоанна Толедского, который периодически отправлял его в Венгрию для решения церковных дел. Так, в 1241 г. Рогерий был в очередной раз направлен в Венгрию, где стал очевидцем вторжения монголов в Венгерское королевство. «Горестная песнь» является отражением воспоминаний магистра Рогерия, записанными после заточения в монгольском плену. В своем сочинении Рогерий рассказывал сначала о событиях, предшествовавших монгольскому нашествию, в частности, о прибытии к

---

⁵⁰ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях: XI–XIII вв. / пер. с лат. В.Л. Панина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева; под ред. В.Л. Янина. М., 1987. С. 154–155, 235, прим. 2, 3, 236, прим. 4.

королю Беле IV половецких орд, желавших найти в Венгрии убежища от монгольского преследования. Затем описываются события монгольского вторжения и их хозяйничанье на покоренной территории вплоть до ухода из Венгрии.

Первое интересное для нас известие, содержащее важные хронологические показания, находится в главе «О мнении простых венгров», откуда становится известно о присутствии монголов на русско-венгерском пограничье:

... во время близкое к Рождеству Господню стало известно, что татары опустошают смежные с Русью границы Венгрии⁵¹.

Таким образом, активные военные действия на русско-венгерской границе монголы начали уже в окончании 1240 г., предположительно в конце осени – первой половине декабря. Понимая опасность нависшей угрозы, венгерский король Бела IV направился в город Буда, где имел обыкновение справлять Четырдесятницу и с должностными лицами начал обсуждать план дальнейших действий. Отсюда можно сделать вывод о том, что, король справлял Четырдесятницу, находясь в Буде весь Великий Пост, т. е. он пребывал там с 10 февраля по 30 марта 1241 г.

Стремительное развитие событий начинается с марта 1241 г., о чем рассказывает глава 16 «Горестной песни»:

Около середины Великого поста к королю спешно явился один из воинов палатина, сообщив, что татары уже подошли к Русскому перевалу и уничтожили заставы и что палатин не верит, что сможет долго им сопротивляться, если король немедленно не пришлет к нему помощь.

Середина Великого поста приходилась на вторую неделю марта, т.е. есть можно предположить, что примерно 10 марта монголы начали наступление.

Далее в сочинении Рогерия приводятся необычайно важные сведения:

Король же, все еще не веря, не имел тогда еще у себя вооруженных воинов. И пока король пребывал в подобной нерешительности, через четыре дня, в одиночестве, явился сам палатин, который скакал день и ночь, чтобы сообщить ему, что на двенадцатый день после наступления марта на перевале было сражение с татарами⁵².

---

⁵¹ *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / пер. с лат. А.С. Досаева. СПб., 2012. С. 26–27.

⁵² *Магистр Рогерий*. Горестная песнь... С. 28.

Сражение за Русский (Верецкий) перевал произошло 12 марта, значит, палатин прибыл в Буду 13 марта. Учтем те «четыре дня», которые «король пребывал в нерешительности» и еще один день прибытия вестника с пограничья, и получаем, что примерно 8 марта 1241 г. монголы начали наступление от восточных рубежей королевства вглубь страны.

Ставкой королевского военного командования был выбран Пешт, к которому Батый направился сразу же после разгрома венгров на Верецком перевале:

Приблизившись к Пешту на половину дневного перехода, перед Воскресеньем Страстей Господних в день Венеры, он [Батый] принялся беспрепятственно посылать своих людей... сжигая все и уничтожая.

Страстное воскресенье является пятым воскресением Великого поста, которое в 1241 г. выпало на 17 марта, а это значит, что войско Батыя расположилось вблизи Пешта 15 марта, в пятницу. Отсюда следует, что монголам понадобилась практически неделя для того, чтобы преодолеть расстояние, которое гонец и палатин преодолевали за «день и ночь».

Следующей жертвой монгольского вторжения стал городок Вац, он был покорен в то же самое Страстное воскресенье, т.е. 17 марта 1241 г.:

В Страстное Воскресенье часть войска короля королей Бату подошла к горороду Вац, расположенному на берегу Дуная в полудне пути от селения Пешт, в котором тогда со своим войском остановился король. Когда этот город был полностью взят и захвачен⁵³.

Ключевым событием всей кампании является битва на р. Шайо, в которой венгры потерпели сокрушительное поражение. У магистра Рогерия, несмотря на то, что он довольно подробно описывает это сражение, отсутствуют какие-либо хронологические приметы этого события. Сведения, датирующие битву на р. Шайо, содержатся в Фризахских анналах доминиканских проповедников из Каринтима:

В четверг перед воскресеньем Милосердия ... В этот же день король Бела, располагая несметным войском, желая вступить в битву с Батыем, старшим татарским царем, едва спасся бегством⁵⁴.

⁵³ *Magistr Rogeryi*. Горестная песнь... С. 31–32.

⁵⁴ *Annales Frisacenses* // Monumenta Germaniae Historica. Т. XXIV. Hannoverae, 1879. P.

Воскресение Милосердия (Милости Господа) является днем второго воскресения по Пасхе и в 1241 г. приходилось на 14 апреля, а предшествующий ему четверг был 11 апреля.

Таким образом, выстраивается следующая хронологическая последовательность событий: конец осени – первая половина декабря 1240 г. – монгольские войска располагаются вдоль русско-венгерского пограничья и осуществляют активное разорение этого региона, одновременно готовясь к будущему продвижения на запад; 8 марта 1241 г. – начало монгольского вторжения в Венгерское королевство; 12 марта 1241 г. – битва за Верецкий перевал; 17 марта 1241 г. – монголы захватывают и разоряют г. Вац; 11 апреля 1241 г. – битва на р. Шайо. Установив такую хронологию, мы можем вполне уверенно считать, что завоевание Юго-Западной Руси было завершено осенью 1240 г.

Заключение

Реконструкция хронологии давних событий – дело сложное и отчасти сомнительное. Вынужденные следовать за показаниями источников, ученые нередко сталкиваются с проблемой согласования противоречивых и даже взаимоисключающих друг друга датирующих сведений и, естественно, должны определиться с выбором тех, которые смогут приблизить к истинному временному расположению исторических происшествий. Для авторов этой книги определяющим моментом в разделительной группировке старинных дат монгольского нашествия на достоверные и сомнительные была первичность их фиксации на страницах средневековых произведений, дающая надежду на их бóльшую точность в сравнении с искажениями, появившимися в процессе последующей переписки и постороннего редактирования. Так, обнаружение в летописных памятниках северо-восточной традиции следов проявления относительно древнего датирования событий по годам эры летосчисления в 5505 лет от С. М. до Р. Х. позволило сделать вывод о том, что первая битва русских с монголами произошла не в 1223 г., как заставляли считать позднейшие отредактированные показания, а тремя годами позже. Примерно также выявление в тех же источниках едва заметных следов первоначального датирования северорусского похода Батыея годами константинопольской эры, совмещенными с ультрамартовским календарным стилем (от С. М. до Р. Х. 5509 лет), дало вполне весомые основания предполагать, что нашествие началось годом ранее общепринятой хронологической версии.

Конечно же, установление относительной древности тех или иных датирующих элементов само по себе не является еще гарантией их безусловной достоверности, но, во всяком случае, позволяет предполагать их приоритет перед позднейшими стратиграфическими «напластованиями». Общепринятая в современной исторической науке хронологическая схема монгольского нашествия является как бы верхним «слоем» разреза, опирающимся на ближайшие к

нему «наслоения» и оторвавшимся от глубинных оснований. Совсем не случайно в своем исследовании мы уделяли большое внимание историографическим обзорам, позволившим оформить простой, но весьма важный вывод: традиционная (мы не раз называли ее «хрестоматийной») версия датирования первых русско-монгольских сражений не учитывала многих важнейших текстологических и историко-хронологических особенностей древних датирующих записей и, вдобавок к тому, оформлялась с помощью применения далеко не совершенных методов исследования письменных хронологических элементов.

Авторы лишней раз хотят обратить внимание читателей на то, что их книга относится к «Очеркам...», т. е. к приблизительным очертаниям хронологии русско-монгольских отношений 20–30-х гг. XIII в. Изложенные здесь выводы ни в коей мере не претендуют на окончательное решение исследуемой проблемы, они требуют дополнительного подтверждения или же опровержения с помощью «вписывания» предложенных хронологических вех-ориентиров в общий ход событий этого времени с помощью их совмещения с пространственными и политическими реалиями той эпохи, а также тщательного учета перекрестной информации и т. д. Особенно актуальными эти процедуры будут для изучения монгольского разорения Южной Руси, поскольку здесь нам не удалось представить какой-либо связанной версии действия завоевателей (это не позволяла сделать невыразительность информации источников). Наши выводы не следует воспринимать конечным моментом изучения хронологии монгольского вторжения, они становятся скорее началом целенаправленного и серьезного ее изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники:

- Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М. ; Л., 1940. С. 71–112.
- Антонин (Капустин А.И.), архимандрит.* Заметки XII–XV веков, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского Общества истории и древностей Отд. 2-е. Т. 5. Одесса, 1863. С. 595–628.
- «*Великая хроника*» о Польше, Руси и их соседях: XI–XIII вв. / пер. с лат. В.Л. Панина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева ; под ред. В.Л. Янина. М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 1987.
- Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / введ., пер. и комм. С.А. Аннинского. М. : Изд-во АН СССР, 1938.
- Изборник:* Сборник произведений Древней Руси. М. : Художеств. лит-ра, 1969.
- Из летописи Ибнелъасира* // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских / [пер.] В. Тизенгаузена. СПб., 1884. С. 1–45.
- Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niγuša tobčuan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941.
- Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / пер. с лат. А.С. Досаева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012.
- Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М. : Памятники истор. мысли, 2001.
- НПЛ.* М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- Остромирово Евангелие 1056–1057 гг.* [Текст: Факсимильное воспроизведение] / предисл. А.Х. Востокова. М. : Издат. отдел Московского патриархата; Л. : Аврора, 1988.

Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV в. М. : Художеств. лит-ра, 1981.

Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Послание Дмитрия Траханиотова новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // *Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет, символика чисел, «отреченные» книги, астрология, минералогия.* М., 1988. С. 51–75.

Повесть о разорении Рязани Батыем // *Воинские повести Древней Руси.* Л. : Лениздат, 1985. С. 96–105.

Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.

Псковские летописи. Вып. 1 / приг. к печати А.Н. Насонов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941.

Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А.Н. Насонова. М. : Изд-во АН СССР, 1955.

ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1: Повесть временных лет. Л. : Изд-во АН СССР, 1926.

ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М. : Изд-во восточной лит-ры, 1962.

ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М. : Языки славянской культуры, 2001.

ПСРЛ. Т. 3. Вып. 2: Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи. СПб., 1879.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915.

ПСРЛ. Т. 5: Софийская первая летопись. Вып. 1. Л., 1925.

ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.

ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никонской летописью. СПб., 1862.

ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никонской летописью. СПб., 1885.

ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1865.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922.

ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М. : Языки русской культуры, 2000.

ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913.

ПСРЛ. Т. 20, 1-я пол.: Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. 21, 1-я пол.: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908.

ПСРЛ. Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. М. : Языки русской культуры, 2000.

ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949.

ПСРЛ. Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962.

ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М. : Наука, 1965.

ПСРЛ. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М. : Наука, 1978.

ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л. : Наука, 1982.

ПСРЛ. Т. 40: Густынская летопись. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003.

ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. X. М. : Изд-во АН СССР, 1966.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1, 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952; Т. II. 1960.

Сергий (Спасский И.А.), архимандрит. Полный месяцеслов Востока. Т. II: Святой Восток. М., 1876.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I. М. : Русский язык, 1988; Т. IV. 1991.

Срезневский И.И. Древний русский календарь по месячным минеям XI–XIV вв. // Христианские древности и археология. Кн. 7. СПб., 1863. С. 2–20.

Степанов Н.В. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей // ИОРЯС. Т. XVII, кн. 3. 1912. С. 292–320.

Татищев В.Н. История российская. Т. I. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962; Т. III. 1964.

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, перевод, комментарий / под ред. и с доп. А.В. Назаренко. М. : Памятники историч. мысли, 2004.

Annales Frisacenses // Monumenta Germaniae Historica. Т. XXIV. Hannoverae, 1879. P. 65–67.

Annales Mansionariorum Cracoviensium wydał Dr. Wojciech Ketrzynski // Monumenta Poloniae Historica: Pomniki Dziejowe Polski. T.V. Lwow, 1888. S. 892–893.

Исследования:

Андреев С.И. Юго-восточное Рязанское пограничье в XII–XIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005.

Арцыбашев Н.С. Замечания на Историю государства российского, сочиненную г<осподином> Карамзиным // Московский вестник. 1828. Ч. 11, № XIX–XX. С. 287–318.

Арцыбашев Н.С. Повествование о России. Т. I, кн. 2. М., 1838.

Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М. : Изд-во АН СССР, 1963.

Березин И.Н. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского университета за 1852 г. Кн. III. Казань, 1852. С. 74–160.

Березин И.Н. Первое нашествие монголов на Россию // ЖМНП. 1853. № 9. С. 1–30.

Березин И.Н. Нашествие Батыя на Россию. СПб., 1855.

Богуславский В.В., Бурминов В.В. Русь, Рюриковичи : иллюстрированный исторический словарь. М. : Познават. книга плюс, 2000.

Бородихин А.Ю. Хронографическая редакция цикла повестей о нашествии Батыя и летописные своды конца XV в. // Материалы 24-й Всесоюзной студенческой конференции: Филология. Новосибирск, 1986. С. 37–42.

Бородихин А.Ю. Цикл повестей о нашествии Батыя в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Томск, 1989.

Бородихин А.Ю. «В пяток прежде мясопустныя недели...» (о функции календарных дат в летописном повествовании) // Книга и литература. Новосибирск, 1997. С. 25–31.

Броссе М.И., Куник А.А. Разбор сочинения библиотекаря Имп. Публ. библиотеки Э. фон Муральта // 23-е присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1854. С. 63–84.

Буланин Д.М. Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 346–348.

Вернадский Г.В. История России: Русь и монголы. Тверь: ЛЕАН; М. : АГРАФ, 1997.

Гальперин Ч. Татарское иго: Образ монголов в средневековой России / пер. М.Е. Копылова. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2012.

Гартман А.В. О хронологии похода Батыя на Северо-Восточную Русь // Актуальные вопросы истории Сибири: 7-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 85–87.

Гартман А.В. Текстологический анализ рассказа Лаврентьевской летописи о нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь // Молодой ученый. № 3. Чита, 2009. С. 110–114.

Гартман А.В., Цыб С.В. Хронология первых русско-монгольских сражений // Palaeoslavica. Vol. 17. No. 1. Cambridge – Massachusetts, 2009. P. 1–27.

Гартман А.В., Цыб С.В. Монгольское нашествие на Северную Русь: Хронология исторических событий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

Григорий (Дьяченко Г.), протоиерей. Полный церковно-славянский словарь. М. : Издат. отдел Московск. патриархата, 1993.

Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки наукового товариства імени Шевченка. 1901. Т. XLI. Кн. 3. С. 1–72.

Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.). М. : Аспект Пресс, 2000.

Златарски В.Н. Имали ли ся българите свое летоброение // Списание на Българската Академия на науките. Кн. I: Клон историко-филологиченъ и фило-софско-общественъ. 1. София, 1911. С. 1–92.

Златарский В.Н. Болгарское летосчисление // ИОРЯС. Т. XVII. Кн. 2. 1912. С. 28–59.

Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858.

Иловайский Д.И. История России: Становление Руси. М. : Чарли, 1996.

История СССР: Краткая хронология / сост. Л.В. Мясникова. М. : Изд-во ВПШ при ЦК КПСС, 1958.

К. [Куник А.А.] Хронологическая таблица, составленная Э. Боннелем на основании Генриха Лотышского и некоторых русских летописей // УЗ ИАН. Т. II. Вып. 2. 1853. С. 297–317.

К. [Куник А.А.] Выписки из Генриха Лотышского о русских событиях 1221–1223 годов // УЗ ИАН. Т. II. Вып. 2. 1853. С. 317–330.

К. [Куник А.А.] Выписка из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны, с 1220 по 1224 г. // УЗ ИАН. Т. II, вып. 4. 1854. С. 636–668.

К. [Куник А.А.] О связи трапезунтско-сельджукской войны 1223 года с первым нашествием татар на Северное Черноморье // УЗ ИАН. Т. II, вып. 5. 1854. С. 734–746.

К. [Куник А.А.] О перенесении иконы св. Николая из Корсуня в Новгород в 1223 г. (материалы, служащие к восстановлению первобытной новгородской летописи с 1208 по 1224 г.) // УЗ ИАН. Т. II, вып. 5. 1854. С. 755–759.

К. [Куник А.А.] О походе татар в 1223 году по Нейбургской хронике // УЗ ИАН. Т. II, вып. 5. 1854. С. 760.

К. [Куник А.А.] О признании 1223 года временем битвы на Калке // УЗ ИАН. Т. II, вып. 5. 1854. С. 765–787.

К. [Куник А.А.] Дополнения к статьям о трапезунтских делах // УЗ ИАН. Т. II, вып. 5. 1854. С. 793–794.

Кайгородова Т.В., Цыб С.В. Историческая хронология в России. Saarbrücken: LAP (LAMBERT Academic Publishing), 2013.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М. : Наука, 1989; Т. II–III. 1991; Т. IV. 1992; Т. VI. СПб., 1842.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М. : Высш. школа, 1967.

Каргалов В.В. Освободительная борьба Руси против монгольского ига // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 105–118.

Каргалов В.В. Русь и кочевники. М. : Вече, 2008.

Клосс Б.М., Корецкий В.И. В.Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники: 1980. М., 1981. С. 5–13.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. II. М. : Мысль, 1988.

Комарович В.Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 27–57.

Котляр Н.Ф. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования: 1995 год. М., 1997. С. 80–165.

Кривошеев Ю.В. Русь и моголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб. : Изд-во С-Петербур. гос. ун-та, 2003.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М. : Наука, 1965.

Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М. : Изд-во Московск. гос. ун-та, 1977.

Куник А.А. Предложение о премии на задачу о византийской хронографии // ЖМНП. Ч. LXIII. 1849. С. 4–20.

Куник А.А. Об обработке византийской хронографии: По поводу сочинения Э. Муральта // УЗ ИАН. Т. III, вып. 3. 1855. С. 465–478.

Куник А.А. О русско-ливонской хронографии г. Боннеля // Записки ИАН. Т. 2, кн. 2. 1862. С. 143–152.

Курбан-Гали. Хронология истории болгаро-татар. Кн. 1. Казань : Новое знание, 2004.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М. : Наука, 1984.

Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4 (июль – август). С. 3–30.

Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л. : Наука, 1967.

Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // *Лихачев Д.С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318–352.

Лихачев Д.С. Повести о Николе Зараском // *Лихачев Д.С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 235–258.

Лихачев Д.С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // *Лихачев Д.С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 259–263.

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л. : Наука, 1976.

Майоров А.В. Завоевание Батыем Южной Руси: К интерпретации одного известия Рашид-ад-Дина // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* № 1. СПб., 2015. С. 169–181.

Майоров А.В. Монгольское завоевание Волыни и Галичины: Спорные и нерешенные вопросы // *Русин: Международный исторический журнал.* № 1. Кишинев, 2015. С. 11–24.

Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М. : Наука, 1983.

Мухамедьяров Ш.Ф. Батый // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 167.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические надписи города Булгар. Казань, 1987.

Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в.: Очерки и исследования. М. : Наука, 1969.

Наумов П.А. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб., 1823.

Орда и Русь: Хроника конфликтов / сост. Ю. Селезнев // Родина. 2003. № 11. С. 102.

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М. : Изд-во АН СССР, 1950.

Петрушевский И.П. Рашид-ад-Дин и его исторический труд // Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М. ; Л., 1952. С. 7–38.

Пиотровская Е.К. Краткий археографический обзор рукописей, в состав которых входил текст «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора // Византийский временник. Т. 37. 1976. С. 247–254.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. IV: Период удельный, 1054–1240. М., 1850.

Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М., 1872.

Полевой Н.А. История русского народа: Историческая энциклопедия. Т. II. М. : Вече, 1997.

Почекаев Р.Ю. Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. : Евразия, 2012.

Почекаев Р.Ю. Изучение собрания ханских ярлыков Русской церкви: Направления, проблемы, перспективы // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях : альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 98–110.

Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

Прохоров Г.М. Повесть о батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1974. С. 77–98.

Раппопорт П.А. Ориентация древнерусских церквей // Краткие сообщения института археологии. Вып. 139 : Славяно-русская археология. М., 1974. С. 43–48.

Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002.

Салтыков А.Б. Хронология битвы при р. Калке // Ученые записки Института истории Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. 4. М., 1929. С. 5–12.

Сахаров А.М. Монгольские завоевания // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. С. 646.

Святский Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС. Т. XX. Кн. 1. 1915. С. 87–208; Кн. 2. С. 197–288.

Сердобольская Л.А. К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы при реке Калке // Сборник трудов Пятигорского гос. педагог. ин-та. Вып. 1. Ставрополь, 1947. С. 135–143.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3 // *Соловьев С.М.* Сочинения : в 18 кн. Кн. II. М. : Мысль, 1988.

Ставиский В.И. О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям // ТОДРЛ. Т. 43. М. ; Л., 1990. С. 282–290.

Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // ЧОИДР. 1909. Кн. 4 (231). Отд. III. С. 1–74.

Степанов Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // ЧОИДР. Кн. 4 (235). 1910. С. 1–40.

Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевский летописи до XIII века // ИОРЯС. 1915. Т. XX. Кн. 2. С. 1–74.

Стефанович П.С. «История российская» В.Н. Татищева : Споры продолжаются // Отечественная история. 2007. № 3. С. 88–96.

Сусенков Е.И. Русско-монгольская война (1237–1241 гг.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2006.

Творогов О.В. Древняя Русь: События и люди. СПб. : Наука, 1994.

Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М. : Новое литер. обозрение ; Киев : Критика, 2005.

Толочко А.П. Взятие Киева монголами: источники летописного описания // *Palaeoslavica*. Vol. 22. No. 2. Cambridge – Massachusetts, 2014. P. 101–118.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200–1304 / пер. В.В. Голубчикова. М. : Прогресс, 1989.

Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические надписи волжских булгар и языковая стратификация в Волжской Булгарии : авторф. дис. ... д-ра филолог. наук. Алма-Ата, 1992.

Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М. : Изд-во Московского ун-та, 1986.

Хронологическая таблица по истории СССР / под ред. А.Г. Липкиной. М. : Изд-во МГПИ им. К. Либкнехта, 1939.

Цыб С.В. Когда была битва на Калке (историография вопроса) // *Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: История*. 2008. № 4/2. С. 217–222.

Цыб С.В. Когда была битва на Калке // *Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: История*. 2009. № 4/3. С. 240–244.

Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». СПб. : Дмитрий Буланин, 2011.

Цыб С.В. Следы «асийского индикта» в древнерусской письменности // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XIX межд. научн. конфер.* М., 2017. С. 168–171.

Цыб С.В., Чичинов В.А. Хронологические показания судакского Синаксария и датирование монгольского похода в Крым и на Юго-Восточную Русь // *Palaeoslavica*. Vol. 23. No. 2. Cambridge – Massachusetts, 2015. P. 55–68.

Цыб С.В., Чичинов В.А. Датирование начала монгольского нашествия в Венгерское королевство // *Актуальные проблемы источниковедения : материа-*

лы IV научно-практ. конфер. к 420-летию дарования Витебску магдебургского права. Витебск, 2017. С. 22–24.

Чебаненко С.Б. Южная Русь и Юго-Западная Русь периода монгольского нашествия в работах новейших исследователей // *Rossica antiqua*. №1. СПб., 2015. С. 47–62.

Чебаненко С.Б. Южная Русь и Прикарпатье (Юго-Западная Русь) в период монгольского нашествия: Проблемы новейшей историографии // *Русин: Международный исторический журнал*. №1. Кишинев, 2016. С. 81–94.

Черепнин Л.В. Русская хронология. М. : Изд-во истор.-арх. инс-та, 1944.

Черепнин Л.В. Борьба русского народа с ордами Батыя // *История СССР с древнейших времен до наших дней*. Т. II. М., 1966. С. 42–44.

Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1970. С. 179–203.

Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938.

Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771; Т. III. СПб., 1774.

Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб., 1858.

Ян В.Г. Чингиз-хан. Нукус : Каракалпакстан, 1975.

Ян В.Г. Батый. 2-е изд. Нукус: Каракалпакстан, 1975.

Янин В.Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // *Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова*. М., 1982. С. 146–158.

Bonnell E. Die Chronologie Heinrich des Letten verglichen mit den Zeitangaben Einiger Russischen Chroniken // *ВСНР*. 1854. Т. IX. № 4. Col. 49–57; № 5–6. Col. 69–94; № 8–9. Col. 113–131.

Bonnell E. Die Chronologie Heinrich des Letten Verglichen Mit den Zeitangaben Einiger Russischen Chroniken // *MR*. Т. II. Livr. 3. 1854. P. 283–344.

Bonnell E. Russisch-Livländische Chronographie von der Mitte des Neunten Jahrhunderts Bis Zum Jahre 1410. St.-Petersburg, 1862.

Fuss P. Comptes Rendus de l'Année 1850 // BCHP. T. VIII. № 15–17. Col. 233–265.

Engelmann A. Beiträge zur Berichtigung der Russisch- Livländischen Chronologie // BCHP. T. XII, № 21–22. 1855. Col. 342–351.

Hansen A. Zu einer neuen Ausgabe Heinrich des Letten // Verhandlungen der Gelehrten Ehstnischen Gesellschaft zu Dorpat. Bd. II. H. 1. Dorpat ; Leipzig, 1847. S. 47–83.

Hansen A. Nachträge zu meinem Aufsätze über die Chronologie Heinrich des Letten // Verhandlungen der Gelehrten Ehstnischen Gesellschaft zu Dorpat. Bd. II. H. 2. Dorpat – Leipzig, 1848. S. 69–72.

Krug Ph. Fragmente einer russischen Chronologie // Forschungen in der älteren Geschichte Russlands: Von Philipp Krug. T. 2. St.-Petersburg, 1848. S. 713–721.

Kunik E. Sur la première Expedition Caspienne des Russes Normands en 914 d'après la Chronique inédite de l'Arménien Mosé Caghancotovatzi // BCHP. T. IV. № 12–13. 1847. Col. 182–202.

Kunik E.-E. Eiuleitung: Vom Herausgeber // Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. T. 1. St.-Petersburg, 1848. S. I–CCLVI.

Kunik E.-E. Probe einer neuen Ausgabe der Byzantinischen Chronologie von Philipp Krug // BCHP. 1852. T. IX. № 14. Col. 223–224; № 24. Col. 379–384.

Kunik E.E. Vorläufige Andeutungen über das Jahr der Schlacht an der Kalka, mit besonderer Rücksicht auf Heinrich den Letten // BCHP. T. IX. № 9. 1854. Col. 133–199.

Kunik E.E. Vorläufige Andeutungen über das Jahr der Schlacht an der Kalka, mit besonderer Rücksicht auf Heinrich den Letten // MR. T. II. Livr. 3. 1854. P. 345–354.

Kunik E.E. Renseignements sur les Sources et Recherches à la première Invasion des Tatares en Russie // BCHP. T. XII. № 12–13. 1855. Col. 201–204.

Kunik E.E. Renseignements sur les Sources et Recherches à la première Invasion des Tatares en Russie // MR. T. II. Livr. 4. 1855. P. 467–476.

Kunik E.E. Renseignements sur les Sources et Recherches à la première Invasion des Tatares en Russie // Mélanges Asiatiques, Tiré de Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. T. II. 1855. P. 462–466.

Kunik E.E. Über die Chronologische Abhandlung des Hrn. A. Engelmann // BCHP. T. XII, № 21–22. 1855. Col. 328–329.

Kunik E.E. Beiträge zum Russischen Chronographie: I. Ueber die «Russisch-Livländische Chronographie» des Herrn Bonnell // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. T. V. 1862. Col. 341–348.

[*Napiersky C.-E.*] Chronologischer Abriss der Älteren Geschichte Livlads. Riga, 1848.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИАН – Императорская Академия наук

ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР

УЗ ИАН – Ученые записки Императорской Академии наук по I и III отделениям

ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ВСНР – Bulletin de la Classe Historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg

MR - Mélanges Russes, Tiré de Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg

Сведения об авторах:

Цыб Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор Алтайского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор Алтайского государственного университета, tsyb.ru@mail.ru

Гартман Алена Валерьевна – кандидат исторических наук, преподаватель Колледжа Алтайского государственного университета, gartman.alena@rambler.ru

Чичинов Владислав Алексеевич – аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, chi4inov.vlad@yandex.ru

Научное издание

Цыб Сергей Васильевич

Гартман Алена Валерьевна

Чичинов Владислав Алексеевич

**ОЧЕРКИ ХРОНОЛОГИИ
ПЕРВЫХ РУССКО-МОНГОЛЬСКИХ СРАЖЕНИЙ**

Редактор Л.И. Базина

Подготовка макета С.В. Цыб

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 14.04.2021.

Формат 60x84/16. Усл.-печ. л. 14,2.

Тираж 500 экз. Заказ 114.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66